ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕЖ 75
Ф 283

ЯНЦИЗМАТНЕВИН
1902
Ю-П
285
Е ЭЖ75
Ф283

М. БАКУНИНЪ

ФЕДЕРАЛИЗМЪ, СОЦІАЛИЗМЪ И АНТИТЕОЛОГИЗМЪ.

Переводъ съ французскаго.

Съ портретомъ и біографіей автора.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ“.
А. МИЛЛЕРЪ, ЛЕЙПЦИГЪ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Библиотека Института В. И. Ленина
1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2000

П-04

К. П

ЕЖ75р
Ф283

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕН. ИА
№ 1684
Б. ЕП

96885

Электропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій. пр., 10– 19.

М. А. Бакунинъ.

Біографія М. А. Бакунина.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, происходившій изъ знатной фамиліи, родился въ 1814 году въ Торжкѣ, Тверской губ. Сначала онъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ, затѣмъ студентомъ и, наконецъ, литераторомъ.

Живя съ 40-хъ годовъ въ Западной Европѣ, онъ вскорѣ присоединился къ самой крайней изъ соціалистическихъ школъ.

«Прошло время парламентской жизни, ассамблей, учредительныхъ собраній и т. п.,—пишетъ онъ въ 1848 году; если бы каждый хотѣлъ быть искреннимъ, то долженъ былъ бы сознаться, что его больше не интересуютъ, или онъ лишь увѣряетъ себя, что его интересуютъ эти отжившія формы. Я не вѣрю въ конституціи и законы; самая лучшая конституція не могла бы меня удовлетворить. Намъ необходимо нѣчто иное: натискъ и жизнь и новый, *безъ законовъ, а, значитъ,—свободный міръ*».

Въ 1848 году онъ пробовалъ, для спасенія революціи, провести совмѣстное выступленіе всѣхъ народовъ Германіи, Австріи и Венгріи противъ реакціи. Послѣ подавленія майскаго возстанія въ Дрезденѣ (1849), въ которомъ онъ не принималъ никакого активнаго участія, онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ вожаками. Попавши подъ слѣдствіе, онъ былъ вытребованъ Австріей согласно jus primae executionis; выданный ей, онъ приговаривается тамъ къ смерти. Но въ это время русскій царь, когда то оскорбленный имъ, объявляетъ на него свои права. Вновь выданный, онъ остается до 1857 г. заключеннымъ въ крѣпость, а затѣмъ ссылается въ Сибирь.

Въ 1861 г. ему удалось бѣжать и благополучно прибыть въ Лондонъ. Здѣсь онъ началъ играть видную роль среди главарей русской эмиграціи, группировавшейся вокругъ Герценовскаго «Колокола».

Усиленіе соціалистическаго движенія въ Европѣ снова толкнуло Бакунина къ изученію экономической проблеммы. Теперь его особенно привлекли произведенія Прудона. У него онъ нашелъ понятіе «анархія», которому этотъ французъ придалъ новое значеніе, желая однимъ словомъ охарактеризовать свой идеалъ общественнаго устройства.

Съ пламеннымъ рвеніемъ ухватился Бакунинъ за «анархію», причемъ соединилъ старое значеніе этого слова (хаотическое состояніе)—съ прудоновскимъ. Такимъ образомъ ему удалось возбу-

дить вниманіе къ этой «головѣ Януса» и революціонизировать массы. Съ волшебствомъ гегелевской діалектики изображалъ онъ, какъ сначала настоящее общество должно быть повержено въ «анархію» (въ прежнемъ смыслѣ этого слова), т. е. все сверху до низу должно быть перевернуто, и какъ затѣмъ изъ этого соціальнаго хаоса возродится, подобно фениксу, «съ помощью здороваго народнаго инстинкта, идеальное «безначаліе».

Сила его энергичной и высокоодаренной личности, а также неустанная и умѣлая агитація вызвали интернаціональное, анархистское массовое движеніе, такъ что Бакунинъ долженъ считаться дѣйствительнымъ отцомъ анархистской партіи.

Своей агитаціей онъ достигъ того, что съ 1868 г. образовался «международный альянсъ соціалистической демократіи», для котораго его программа имѣла безусловно руководящее значеніе. «Альянсъ» представлялъ собой союзъ открытыхъ обществъ, который управлялся тайнымъ союзомъ подъ руководствомъ Бакунина. Этотъ альянсъ вскорѣ чрезвычайно сильно распространился въ Италіи и Испаніи, гдѣ идеи Бакунина вообще нашли наиболѣе благодарную почву.

Наряду съ этой интернаціональной дѣятельностью Бакунинъ пользовался въ началѣ 70-хъ годовъ еще большимъ вліяніемъ среди русской учащейся молодежи, смотрѣвшей на него, какъ на пророка. Русское «нигилистское» движеніе многимъ ему обязано.

Въ концѣ 1873 г., Бакунинъ съ разстроеннымъ здоровьемъ удалился въ Локарно и въ 1876 г. умеръ отъ ожирѣнія сердца.

Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ.

Мотивированное предложеніе Центральному Комитету Лиги Мира и Свободы *).

ГОСПОДА!

Сегодня на нашу долю выпала задача—организовать и окончательно утвердить—на основаніи принциповъ, формулированныхъ прежнимъ Центральнымъ Комитетомъ и вотированныхъ конгрессомъ,—Лигу Мира и Свободы.

Отнынѣ эти принципы составляютъ нашу хартію, неизмѣнную исходную точку нашихъ будущихъ работъ. Мы не смѣемъ съуживать ихъ ни на іоту, но мы смѣемъ и должны расширять ихъ.

Намъ кажется, тѣмъ необходимѣе исполнить этотъ долгъ сегодня же, что, какъ всякій изъ насъ знаетъ, принципы эти были формулированы наскоро подъ гнетомъ тягостнаго гостепріимства Женевы... Набрасывая ихъ, такъ сказать, межъ двухъ бурь, мы принуждены были ослабить впечатлѣніе нашей работы, чтобы избѣжать скандала, могущаго привести къ полному ея уничтоженію.

Теперь, благодаря болѣе сердечному гостепріимству г. Берна, мы освобождены отъ всякихъ мѣстныхъ, внѣшнихъ стѣсненій; теперь же мы должны возстановить эти принципы во всей ихъ чистотѣ, отбросивъ всякія недоговоренности, недостойныя ни насъ, ни того великаго дѣла, за организацію котораго мы взялись. Великія дѣла не создаются умолчаніями, полуистинами, недосказанными мыслями, снисходительнымъ умаленіемъ вины или уступчивостью подлой дипломатіи; только возвышенныя сердца, справедливые и непреклонные умы, точно опредѣленная цѣль и мужество могутъ творить ихъ. Мы взялись за великую работу, господа! Подымемся же сами до высоты нашего дѣла—великаго или смѣшного, середины тутъ быть не можетъ; и чтобы оно было великимъ, будемъ же и мы таковыми, по крайней мѣрѣ, своей смѣлостью и искренностью.

Предлагаемая намъ задача—не академическое обсужденіе

---

*) Это—окончательное заглавіе, принятое въ исправленныхъ корректурахъ; корректурный оттискъ озаглавленъ былъ такъ: „Предложеніе Русскихъ, членовъ Центр. Ком. Лиги М. и С.“, а манускриптъ Бакунина озаглавленъ такъ: „Мотивированное предложеніе Русскихъ, членовъ постояннаго комитета Лиги М. и С.“ (принятое Александромъ Наке, франц. делегатомъ, и гг. Валеріаномъ Мрочковскимъ и Іоанномъ Загорскимъ, польскими депутатами).

принциповъ. Намъ прекрасно извѣстно, что собрались мы для того, чтобы обсудить политическіе пріемы и средства, необходимые намъ для осуществленія нашего дѣла. Но мы знаемъ такъ же хорошо, что безъ теоріи и ясно опредѣленной цѣли нѣтъ честной и полезной политики.

Иначе говоря, мы, воодушевленные самыми широкими и либеральными чувствами, можемъ прійти въ дѣйствительности къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ этимъ чувствамъ: мы можемъ начать республиканцами, демократами, соціалистами и закончить, какъ Бисмаркцы или Бонапартисты.

Сегодня мы должны исполнить прежде всего три работы:

1) Выработать условія и приготовить матеріалъ для новаго конгресса.

2) Утвердить нашу Лигу вездѣ въ Европѣ, гдѣ только возможно; распространить ее даже въ Америкѣ, что намъ кажется весьма существеннымъ, основать во всѣхъ странахъ національные комитеты, въ провинціяхъ—подкомитеты, предоставить всѣмъ имъ полную автономію и подчинить ихъ въ іерархической послѣдовательности Центральному Комитету въ Бернѣ. Снабдить всѣ эти комитеты полномочіями и необходимыми указаніями для пропаганды и принятія новыхъ членовъ.

3) Основать для этой пропаганды газету.

Отсюда ясно видно, что для успѣшнаго исполненія этихъ задачъ необходимо прежде всего точно установить наши принципы, которые, опредѣливъ сущность и цѣль нашей Лиги настолько ясно, что не будетъ мѣста какимъ либо толкованіямъ, съ одной стороны вдохновятъ и направятъ нашу пропаганду какъ устную, такъ и письменную, а съ другой—будутъ служить условіями, основаніемъ для пріема новыхъ членовъ. Это послѣднее, господа, намъ кажется особенно важнымъ.

Все будущее нашей Лиги зависитъ отъ направленія, идей и тенденцій, какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ, какъ экономическихъ, такъ и моральныхъ, всей этой толпы новичковъ, предъ которыми мы открываемъ наши ряды. Организуя въ высшей степени демократичное учрежденіе, мы не собираемся управлять нашимъ народомъ, т.-е., всей массой нашихъ единомышленниковъ; и какъ только мы окончательно устроимся, мы никогда не позволимъ себѣ навязывать имъ наши идеи своей авторитетностью. Напротивъ, мы хотимъ, чтобы всѣ эти провинціальные подкомитеты, какъ и національные комитеты, какъ, наконецъ, и самъ центральный или интернаціональный комитетъ, избранные общей подачей голосовъ всѣхъ единомышленниковъ всѣхъ странъ,—были бы вѣрнымъ и послушнымъ выраженіемъ ихъ чувствъ, идей и воли. Но сегодня, именно потому, что мы рѣшили подчиняться во всемъ, что касается общей работы Лиги, голосу большинства, сегодня, когда насъ еще

такъ мало, если мы хотимъ, чтобы наша Лига никогда не уклонялась отъ пути, намѣченнаго ея иниціаторами, не должны мы развѣ позаботиться о томъ, чтобы не раздѣляющій ихъ взглядовъ и убѣжденій не могъ примкнуть къ ней? Не должны-ли мы организоваться такъ, чтобы большинство нашихъ единомышленниковъ навсегда осталось вѣрнымъ тѣмъ чувствамъ, которыя руководятъ нами? Не должны ли выработать правила принятія такъ, чтобы даже съ измѣненіемъ личнаго состава комитетовъ, духъ Лиги не измѣнился.

Мы достигнемъ этой цѣли только тогда, когда формулируемъ наши принципы такъ ясно и опредѣленно, что никто, такъ или иначе несогласный съ ними, не сможетъ занять мѣста среди насъ.

Правда, если мы избѣгнемъ этой ясной формулировки нашей сущности, число нашихъ приверженцевъ значительно увеличится. Мы сможемъ даже, какъ это предлагалъ М. Шмидленъ, депутатъ города Базеля, принимать тогда въ наши ряды многихъ военныхъ, священниковъ,—почему бы не жандармовъ?—или, какъ это практикуетъ Лига Мира, основанная въ Парижѣ подъ высочайшимъ покровительствомъ гг. Мишеля Шевалье и Фредерика Пасси, умолять нѣсколькихъ знатныхъ принцессъ Пруссіи, Австріи и Россіи соизволить принять титулъ почетныхъ членовъ нашего общества. Но пословица гласитъ: «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»: мы купимъ всѣхъ этихъ знатныхъ сообщниковъ цѣною собственнаго уничтоженія и ко всѣмъ двусмысленностямъ и фразерству, которыя отравляютъ теперь общественное мнѣніе Европы, мы только прибавимъ ще одну жалкую шутку.

Съ другой стороны понятно, что если мы провозгласимъ наши принципы во всеуслышаніе, то число нашихъ единомышленниковъ будетъ ограниченнѣе; но по крайней мѣрѣ это будутъ серьезные сотрудники, на которыхъ можно будетъ положиться, и наша искренняя, серьезная, одухотворенная пропаганда не отравитъ, а морализуетъ публику.

Посмотримъ же, каковы принципы нашего новаго общества? Оно называется *Лигой Мира и Свободы*. Это уже очень много. Этимъ названіемъ мы отличаемъ себя отъ тѣхъ, которые хотятъ и добиваются мира подъ какимъ угодно условіемъ, хотя бы цѣной свободы и человѣческаго достоинства; мы отличаемъ себя отъ того англійскаго общества, которое, забывая совершенно всякую политику, мечтаетъ водворить миръ путемъ союза всѣхъ нынѣ существующихъ государствъ Европы.

Въ противоположность этимъ ультрамиролюбивымъ тенденціямъ парижскаго и англійскаго обществъ, наша Лига провозглашаетъ, что она вѣритъ въ возможность мира и желаетъ его при одномъ непремѣнномъ условіи—свободы.

Свобода—великое слово, имѣющее высокій смыслъ и электризующее всѣхъ живыхъ людей; но оно требуетъ точнаго опредѣленія; безъ него мы не избѣгнемъ двусмысленностей: возможно, что мы увидимъ бюрократическихъ партизановъ гражданской свободы, монархистовъ-конституціоналистовъ, аристократовъ и либеральныхъ буржуа, всѣхъ большихъ или меньшихъ приверженцевъ привиллегій, естественныхъ недруговъ демократіи,—пришедшихъ занять мѣста въ рядахъ нашихъ, составляющихъ даже большинство среди насъ, на томъ основаніи, что они, дескать, тоже любятъ свободу.

Чтобы избѣгнуть послѣдствій столь досаднаго недоразумѣнія, Женевскій Конгрессъ провозгласилъ, что онъ желаетъ «въ основу мира положить—*демократію* и свободу», изъ чего слѣдуетъ, что только демократъ можетъ быть членомъ нашей Лиги. Такимъ образомъ, это слово, демократія,—исключая всѣхъ аристократовъ, всѣхъ приверженцевъ какихъ-либо привиллегій, какой-либо монополіи, или вообще какой бы то ни было политической исключительности изъ рядовъ Лиги,—провозглашаетъ управленіе народа народомъ-же и для народа, понимая подъ этимъ словомъ всѣхъ гражданъ,—а нынѣ нужно прибавить и гражданокъ,—составляющихъ націю.

Въ этомъ смыслѣ мы всѣ, конечно, демократы.

Но мы должны признать, что слово демократія все еще недостаточно выясняетъ характеръ нашей Лиги: какъ и слово свобода, взятое отдѣльно, можетъ привести къ недоразумѣніямъ. Развѣ не на нашихъ глазахъ къ началѣ этого столѣтія плантаторы и рабовладѣльцы юга Сѣв. Америки и ихъ единомышленники сѣвера называли себя демократами? Развѣ современный цезаризмъ съ его отвратительными послѣдствіями, нависшій, какъ страшная угроза надъ всѣмъ, что называется человѣчностью въ Европѣ, не считаетъ и себя демократичнымъ? А московскій и петербургскій имперіализмъ, государство безъ фразъ, этотъ идеалъ всѣхъ военныхъ и бюрократическихъ централизованныхъ владычествъ, не во имя демократіи уничтожилъ окончательно Польшу?

Очевидно, что демократія безъ свободы не можетъ служить намъ знаменемъ. Но демократія, покоющаяся на свободѣ, развѣ не Республика? Союзъ свободы съ привиллегіями создаетъ конституціонно-монархическій режимъ, но союзъ ея съ демократіей можетъ воплотиться только въ Республикѣ. Въ видахъ осторожности, которую мы не признаемъ, Женевскій Конгрессъ въ своихъ резолюціяхъ избѣгалъ слова—республика. Но, провозглашая свое желаніе «въ основу мира положить свободу и демократію», онъ тѣмъ самымъ призналъ себя республиканскимъ. *Такимъ образомъ наша Лига должна быть въ одно и то же время демократичной и республиканской.*

Мы знаемъ, господа, что въ этомъ смыслѣ мы всѣ здѣсь республиканцы, что руководимые умозаключеніями неумолимой логики, предупрежденные цѣлительными и жестокими въ одно и то же время уроками исторіи, всѣмъ опытомъ прошлаго и, въ особенности, просвѣщенные событіями, опечаливающими Европу съ 1848 г., а также опасностью, которая грозитъ ей въ настоящее время,— мы всѣ пришли къ одному убѣжденію: учрежденія монархическія несовмѣстимы съ царствомъ мира, справедливости и свободы.

Что касается насъ, господа, то какъ русскіе соціалисты и славяне, мы должны откровенно сознаться, что для насъ слово— республика—имѣетъ только *отрицательную цѣнность*: крушенія и уничтоженія монархіи; что оно не только не способно воодушевить насъ, но что каждый разъ, когда намъ говорятъ о республикѣ, какъ о серьезномъ и положительномъ разрѣшеніи всѣхъ злободневныхъ вопросовъ, какъ о конечной цѣли всѣхъ нашихъ усилій, мы испытываемъ потребность—протестовать.

Мы ненавидимъ монархію всѣмъ сердцемъ; мы только о томъ и мечтаемъ, чтобы сокрушить ее на всемъ протяженіи не только Европы, но и всего міра, мы убѣждены, какъ и вы, что ея уничтоженіе есть условіе sine qua non освобожденія человѣчества. С этой точки зрѣнія мы—истые республиканцы. Однако, мы не думаемъ, что крушеніе монархіи достаточно для освобожденія народовъ и для водворенія среди нихъ справедливости и мира. Напротивъ, мы убѣждены, что обширная военная и бюрократическая республика, политически централизованная, должна прійти и непремѣнно прійдетъ къ завоевательному могуществу извнѣ, гнету внутри государства, что она не можетъ гарантировать своимъ подданнымъ,—даже если они называются гражданами,—благополучія и свободы. Развѣ мы не видѣли, какъ великая французская нація два раза преобразовывалась въ демократическую республику и оба раза заканчивала завоевательными войнами?

Принишемъ ли мы, по примѣру многихъ другихъ, это плачевное паденіе легкомысленному темпераменту и исторически сложившимся привычкамъ французскаго народа, который, какъ утверждаютъ его клеветники, способенъ безотчетнымъ, бурнымъ порывомъ завоевать себѣ свободу, но неспособенъ пользоваться ею и примѣнять ее?

Для насъ немыслимо, господа, присоединиться къ этому осужденію цѣлаго народа и при томъ одного изъ самыхъ культурныхъ народовъ въ Европѣ. Мы убѣждены, что если Франція два раза теряла свою свободу и изъ демократической республики преобразовывалась то въ диктатуру, то въ военную демократію, то причина лежитъ не въ характерѣ народа, а въ политической централизаціи, долгое время подготовляемой королями и государственными людьми и воплотившейся впослѣдствіи въ томъ, кого угодливая дворцовая

реторика называла Великимъ Королемъ; толкаемая затѣмъ въ бездну постыдными безпорядками дряхлой монархіи, она несомнѣнно погибла бы, если бы Революція не подняла ее своей могучей рукой. Да, какъ это ни странно, но великая революція, которая впервые въ исторіи провозгласила права не только гражданина, но и человѣка,—сдѣлавшись наслѣдницей монархіи, которую она убила, въ то же время возстановила это отрицаніе всякой свободы: *централизацію и всемогущество Государства.*

Возстановленная Учредительнымъ Собраніемъ, побѣжденная, правда, но съ малымъ успѣхомъ жирондистами, эта централизація закончилась національнымъ конвентомъ. Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ были ея настоящими реставраторами: все было приготовлено для новой правящей машины, вплоть до верховной власти съ культомъ государства. Она ждала только ловкаго машиниста, чтобы показать удивленному міру все могущество гнета, которымъ ее снабдили неосторожные создатели ея... и Наполеонъ явился. Итакъ, Революція, которая сначала была воодушевлена исключительно любовью къ свободѣ и человѣчеству, только потому, что она полагала совмѣстить ихъ съ централизаціей государства,—закончила не только самоубійствомъ, но и убійствомъ своихъ принциповъ, создавши на ихъ мѣсто военную диктатуру, цезаризмъ.

Не очевидно ли, господа, что для спасенія свободы и мира Европы мы должны противопоставить этой чудовищной, угнетающей централизаціи военныхъ государствъ, бюрократическихъ, деспотичныхъ конституціонныхъ монархій или даже республикъ,—великій, благотворный принципъ федерализма, торжество котораго демонстрировали предъ нами послѣднія событія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки.

Впредь для всѣхъ тѣхъ, кто дѣйствительно искренно желаетъ освобожденія Европы, должно быть ясно, что при всѣхъ нашихъ симпатіяхъ къ великимъ соціалистическимъ и гуманитарнымъ идеямъ, провозглашеннымъ французской Революціей, мы должны совершенно отречься отъ нашей политики государства и безповоротно принять политику свободы Сѣв. Америки.

Федерализмъ.

Мы счастливы сознаніемъ, что Женевскій конгрессъ единодушно провозгласилъ этотъ принципъ. Швейцарія, такъ счастливо примѣняющая его, приняла его безъ малѣйшаго сокращенія со всѣми его послѣдствіями. Къ несчастію, въ резолюціяхъ конгресса этотъ принципъ формулированъ очень слабо, о немъ только косвенно упоминается сначала по поводу открытія Лиги, которую мы собираемся утвердить, а затѣмъ по поводу журнала, который мы должны издавать подъ заглавіемъ «Соединенные Штаты Европы»,—въ то время, какъ принципъ этотъ долженъ занимать, по нашему мнѣнію, первое мѣсто въ нашей декларации.

Мы должны поторопиться исправить этотъ досадный пробѣлъ. Раздѣляя единодушное чувство Женевскаго Конгресса, мы должны провозгласить:

1) Для того, чтобы свобода, справедливость и миръ восторжествовали въ международныхъ отношеніяхъ Европы, чтобы гражданская война между различными народами, составляющими европейскую семью—сдѣлалась невозможной, есть одно средство: основать Соединенные Штаты Европы.

2) Что эти Соединенные Штаты Европы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть образованы изъ ея государствъ, таковыхъ, каковы они сейчасъ, изъ-за чудовищнаго неравенства, которое существуетъ во взаимоотношеніяхъ ихъ силъ.

3) Что примѣръ погибшей германской конфедерации доказалъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, что союзъ монархическихъ государствъ—одна насмѣшка, что онъ безсиленъ гарантировать миръ и свободу народамъ.

4) Что никакое централизованное, бюрократическое, а, значитъ, и военное государство, будь оно хоть и республикой, не можетъ серьезно и искренно примкнуть къ интернаціональному союзу. Своею сущностью, которая всегда—открыто или замаскированно—отрицаетъ свободу внутри государства, оно непремѣнно приведетъ къ безпрерывнымъ войнамъ, будетъ угрожать существованію сосѣднихъ государствъ. Основанное, въ сущности, на актѣ жестокости, завоеваніи,—или на томъ, что въ частной жизни

называется кражей со взломомъ—актѣ, освященномъ Церковью всевозможныхъ религій, освященномъ временемъ и исторіей и, такимъ образомъ, преобразованномъ въ историческое право;—опираясь на это божественное освященіе торжествующей жестокости, какъ на исключительное высшее право, каждое централизованное государство является, тѣмъ самымъ, абсолютнымъ отрицаніемъ правъ всѣхъ другихъ государствъ, признаніемъ ихъ въ международныхъ договорахъ только съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ или по своему безсилію.

5) Что всѣ единомышленники Лиги должны поэтому употреблять всѣ усилія къ преобразованію ихъ родины, къ замѣнѣ прежней организаціи, основанной на силѣ и авторитетѣ,—новой, основанной исключительно на интересахъ, нуждахъ и естественномъ тяготѣніи народовъ, на принципѣ свободной федераціи индивидуумовъ въ общины, общинъ въ провинціи *), провинцій въ націи и, наконецъ, націй въ Соединенные Штаты, сначала Европы, потомъ всего міра.

6) Что, слѣдовательно, совершенно устраняется то, что называется историческими правами государства; всѣ вопросы, касающіеся естественныхъ границъ, политики, стратегіи, коммерціи, должны быть впредь отнесены къ древней исторіи и энергично отвергнуты всѣми единомышленниками Лиги.

7) Признаніе абсолютнаго права каждой націи, большой или малой, каждаго народа, сильнаго или слабаго, каждой провинціи,

---

*) Знаменитый итальянскій патріотъ, Жозефъ Мадзини, республиканскій идеалъ котораго не болѣе, какъ идеалъ французской республики 1793 г., пропитанный поэтическими традиціями Данте и честолюбивыми воспоминаніями Рима, владыки міра, затѣмъ нѣсколько передѣланный и исправленный съ точки зрѣнія новаго богословія, частью раціональнаго, частью мистическаго;—честолюбивый, страстный, всегда односторонній, несмотря на всѣ свои усилія подняться до уровня интернаціональной справедливости, всегда предпочитающій величіе и могущество своей родины своему благополучію и свободѣ. Мадзини былъ страстнымъ противникомъ автономіи провинцій, такъ какъ она нарушала, конечно, суровое однообразіе его великаго итальянскаго государства. Онъ полагалъ, что достаточно даровать провинціямъ автономію, чтобы всемогущество самой прочной республики пошатнулось. Онъ ошибается: никакая отдѣленная община не сможетъ устоять предъ могуществомъ этой угрожающей централизаціи, она будетъ уничтожена. Чтобы устоять въ этой борьбѣ, она должна соединиться для общаго сопротивленія, съ сосѣдними общинами, т.-е., она должна будетъ составить вмѣстѣ съ ними автономную провинцію. Кромѣ того, разъ провинціи потеряютъ свою автономность, онѣ должны будутъ управляться государственными учрежденіями. Между строго проведеннымъ федерализмомъ и бюрократическимъ режимомъ нѣтъ середины. Отсюда слѣдуетъ, что республика, о которой мечталъ Мадзини—бюрократическое, а, значитъ, и военное государство, основанное съ точки зрѣнія внѣшней власти, но не международной справедливости и внутренней свободы. Въ 1793 г., во время террора, общины Франціи были признаны автономными, что не помѣшало имъ быть сокрушенными революціоннымъ деспотизмомъ Конвента или вѣрнѣе, Парижской Коммуны, естественнымъ наслѣдникомъ которой явился Наполеонъ.

каждой коммуны на полную автономію до тѣхъ поръ, пока ея внутреннее устройство не станетъ угрозой, опасностью автономіи и свободѣ сосѣднихъ странъ.

8) Если какая нибудь страна вошла, хотя бы и добровольно, въ составъ государства, то это не значитъ, что она обязала себя этимъ навѣки. Никакая вѣчная обязанность не можетъ быть пріемлема человѣческой справедливостью;—единственное обязательство, авторитетъ, который мы признаемъ; мы не признаемъ никакихъ другихъ правъ и обязанностей, какъ только тѣ, которыя основаны на свободѣ. Право свободнаго соединенія и такого же отпаденія—(единственное) первое и самое важное изъ всѣхъ политическихъ правъ; безъ него конфедерація государства будетъ только замаскированной централизаціей.

9) Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что Лига должна откровенно осуждать всякій союзъ какой-бы ни было демократической національной фракціи съ монархическимъ государствомъ, если-бы даже этотъ союзъ поставилъ себѣ цѣлью отвоевывать независимость и свободу какой-бы то ни было возставшей страны; такой союзъ приведетъ къ обману и въ то же время будетъ измѣной революціи.

10) Наша Лига, именно потому, что ея исходная точка—миръ и убѣжденіе, что миръ можетъ быть отвоеванъ и основанъ только на полной солидарности народовъ въ справедливости и свободѣ,—наша Лига должна во всеуслышаніе высказать свои симпатіи всякому народному возстанію противъ всякаго гнета, если это возстаніе поднялось во имя нашихъ принциповъ, во имя политическихъ или экономическихъ интересовъ народныхъ массъ, но не съ честолюбивой цѣлью основать могущественное государство.

11) Лига объявляетъ войну до послѣдней крайности всему тому, что называется славой, величіемъ и могуществомъ государствъ. Всѣмъ ложнымъ и вреднымъ идоламъ, въ жертву которымъ приносятся милліоны человѣческихъ жизней, мы противопоставимъ славу человѣческаго духа, проявляющагося въ наукѣ, во всемірномъ благоденствіи, основанномъ на трудѣ, справедливости и свободѣ.

12) Лига признаетъ національность, какъ естественный фактъ, имѣющій безусловное право на существованіе и свободное развитіе, но не какъ принципъ, ибо принципъ долженъ носить характеръ универсальности, а національность—фактъ исключающій, раздѣляющій. Такъ называемый принципъ національности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ признается въ наше время государствами Франціи, Россіи, Пруссіи, а также и многими патріотами—нѣмцами, поляками, итальянцами, венграми—опозиціонное произведеніе реакціи противъ духа революціи: по существу весьма аристократичный

вплоть до презрѣнія діалектовъ неграмотнаго населенія, до косвеннаго отрицанія свободы провинцій и автономіи общинъ, не поддерживаемый во всѣхъ странахъ народными массами, интересы которыхъ онъ систематически приноситъ въ жертву такъ называемой чистой публикѣ, состоящей исключительно изъ привиллегированныхъ классовъ,—этотъ принципъ—выраженіе самозваннаго историческаго права и честолюбія Государствъ. Право національности признается Лигой только, какъ естественное слѣдствіе свободы до тѣхъ поръ, пока оно не противоставляется ей или даже находится внѣ ея.

13) Единеніе—цѣль, къ которой неустанно стремится человѣчество, но оно становится роковымъ, лишеннымъ разума, благородства, благополучія отдѣльныхъ лицъ и народовъ всегда, когда основаніе его лежитъ внѣ свободы, что-бы не служило тому причиной—жестокость-ли, богословская-ли идея, метафизическая, политическая. экономическая или какая нибудь другая. Патріотизмъ, стремящійся къ единенію, лишенному свободы,—дурной патріотизмъ, вредный для народныхъ, насущныхъ интересовъ страны, которой онъ желаетъ служить и которую хотѣлъ бы воодушевлять: часто, помимо воли, онъ становится другомъ реакціи, противникомъ революціи, т.-е. освобожденія народовъ и людей вообще. Поэтому Лига можетъ признать только одно единеніе: то, которое созидается свободной федераціей совершенно автономныхъ частей, то, которое не отрицая частныхъ правъ и интересовъ каждой, не превращаясь въ кладбище, гдѣ насильно хоронится все благоденствіе каждой, было-бы источникомъ и подтвержденіемъ всѣхъ этихъ автономій и ихъ процвѣтанія. Вотъ почему Лига будетъ ожесточенно бороться противъ всякой организаціи—религіозной, политической, экономической и соціальной, которая не будетъ проникнута великимъ принципомъ свободы: безъ него нѣтъ разума, нѣтъ справедливости, нѣтъ благосостоянія, нѣтъ человѣчности.

Таковы, господа, по нашему и, несомнѣнно, также по Вашему мнѣнію, необходимыя послѣдствія, дальнѣйшее развитіе великаго принципа федерализма, провозглашеннаго во всеуслышаніе Женевскимъ конгрессомъ. Таковы необходимыя условія мира и свободы.

Необходимыя—да, но единственныя-ли?

Мы этого не думаемъ.

Южные штаты великой республиканской конфедераціи Сѣв. Америки, со времени отвоеванія независимости, были демократами par excellence *) и федералистами вплоть до раздѣленія голосовъ. И все таки они заслужили осужденіе всѣхъ сторонниковъ свободы и человѣчности;—не доставало только несправедливой, кровопро-

*) Извѣстно, что это были сторонники Юга противъ Сѣвера, т. е. рабства противъ освобожденія отъ него, которые называли себя исключительно демократами.

литной войны, которую они пропагандировали противъ республиканскихъ Штатовъ Сѣвера для уничтоженія одной изъ самыхъ прекрасныхъ политическихъ организацій, которыя когда либо существовали въ исторіи. Гдѣ кроется причина столь страннаго факта? Какова она? Политическая? Отнюдь нѣтъ,—соціальная. Политическая организація Южныхъ Штатовъ сравнительно была лучше, свободнѣе Сѣверныхъ. Но въ этой организаціи было одно темное пятнышко, какъ и въ древнихъ республикахъ; свобода гражданъ была построена на принудительномъ трудѣ рабовъ. Этого чернаго пятнышка было достаточно, чтобы разрушить все политическое существованіе Штатовъ.

Граждане и рабы—таково противорѣчіе древняго міра, какъ и рабовладѣльческихъ государствъ—новаго міра. Граждане и рабы, т.-е. работники по принужденію, рабы не по правамъ своимъ, а по дѣйствительной жизни,—таково противорѣчіе современнаго міра, И какъ древнія государства погибли отъ рабства, такъ современныя погибнутъ отъ пролетаріата.

Напрасно стараются утѣшить себя тѣмъ, что это противорѣчіе кажущееся, а не дѣйствительное, что невозможно провести демаркаціонную линію между классомъ собственниковъ и неимущихъ, что множество переходныхъ, неуловимыхъ нюансовъ соединяютъ эти два класса.

Въ природѣ этой демаркаціонной линіи тоже не существуетъ. въ нисходящей градаціи существъ невозможно указать точку, гдѣ кончается царство растительное и начинается животное царство, гдѣ кончается это послѣднее и начинается человѣческое. Тѣмъ не менѣе, развѣ не существуетъ разницы между растеніемъ и животнымъ, между этимъ послѣднимъ и человѣкомъ. Точно также и въ человѣческомъ обществѣ, несмотря на цѣпь незамѣтныхъ переходныхъ ступеней между однимъ политическимъ и соціальнымъ положеніемъ и другимъ, разница между классами очень замѣтна и каждый отличитъ родовую аристократію отъ денежной, крупную буржуазію отъ мелкой и, наконецъ, эту послѣднюю отъ фабричнаго и городскаго пролетарія, точно такъ же какъ отличитъ крупнаго землевладѣльца,— раньше, крестьянина землевладѣльца, который самъ обрабатываетъ свою землю, фермера—отъ деревенскаго пролетарія.

Эти различныя политическія и соціальныя положенія могутъ быть разбиты на двѣ категоріи, діаметрально противоположныя другъ другу и естественно враждующія между собой: политическіе классы, въ составъ которыхъ входятъ всѣ привиллегированные землевладѣльцы и капиталисты, или, наконецъ, буржуа, получающіе привиллегіи благодаря образованію, *) и рабочіе классы, лишенные

---

*) При отсутствіи всякаго другого блага, это буржуазное образованіе въ связи съ солидарностью, которая соединяетъ всѣхъ буржуа, гарантируетъ получившему его огромныя привиллегіи въ оцѣнкѣ труда.

какъ капитала, такъ и земли, лишенные всякаго образованія и воспитанія.

Нужно быть софистомъ или слѣпцомъ, чтобы отрицать наличность пропасти между этими двумя классами. Какъ и древній міръ, наша современная цивилизація, признавая это сравнительно ограниченное меньшинство привиллегированныхъ гражданъ, въ основу свою кладетъ принудительный (голодомъ) трудъ подавляющаго большинства населенія, повержнаго роковымъ образомъ въ невѣжество и грубость.

Напрасно стараются убѣдить себя, что простымъ распространеніемъ просвѣщенія въ народныхъ массахъ можно заполнить эту пропасть. Очень хорошо, конечно, основывать возможно больше школъ, но нужно спросить себя, можетъ ли простолюдинъ, живущій со дня на день, кормящій свою семью работой рукъ своихъ, лишенный самъ образованія и досуга, принужденный, для обезпеченія куска хлѣба на завтрашній день, соглашаться на то, чтобы работа его убивала, лишала разума,—нужно спросить себя, думаетъ-ли онъ, желаетъ-ли онъ, имѣетъ-ли возможность посылать своего ребенка въ школу и содержать его во все время обученія. Развѣ не нуждается онъ въ работѣ его ученокъ, въ его дѣтскомъ трудѣ, чтобы удовлетворить всѣ потребности своей семьи? Много, много, если онъ доведетъ свою жертву до того, что будетъ обучать его годъ, два—время, за которое онъ съ трудомъ научается читать, писать, считать и отравить свой умъ и сердце христіанскимъ катехизисомъ, который умышленно и съ большимъ успѣхомъ распространяютъ въ оффиціальныхъ народныхъ школахъ всѣхъ странъ. Развѣ эти крохи образованія смогутъ когда-нибудь поднять рабочихъ до уровня интеллигентной буржуазіи? уменьшится ли отъ нихъ пропасть?

Очевидно, что столь важные вопросы, какъ народное образованіе и воспитаніе, находятся въ тѣсной связи съ другимъ, не менѣе труднымъ, вопросомъ радикальнаго измѣненія экономическихъ условій современнаго рабочаго класса. Подымите условія работы, воздайте ей все, что она по справедливости заслуживаетъ и этимъ самымъ дайте народу увѣренность, довольство, досугъ, и тогда, повѣрьте, онъ просвѣтится, онъ создастъ цивилизацію болѣе широкую, здоровую и возвышенную, чѣмъ ваша.

Напрасно увѣряютъ экономисты, что улучшеніе матеріальныхъ условій рабочаго класса находится въ связи съ общимъ прогрессомъ промышленности и торговли каждой страны, съ ихъ освобожденіемъ отъ покровительства и опеки государства. Свобода индустріи и торговли—великое дѣло и одно изъ существенныхъ условій будущаго интернаціональнаго союза всѣхъ народовъ міра. Друзья свободы, какъ таковой, друзья свободы чего-бы и кого-бы то ни было, мы не можемъ не быть друзьями и этой свободы. Но съ дру-

гой стороны мы не можемъ не признать, что до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать современныя государства, до тѣхъ поръ, пока работа будетъ въ рабствѣ у собственности и капитала, эта свобода, обогащая меньшинство населенія—буржуазію—во вредъ преобладающей народной массѣ, создастъ одно хорошее: она возбудитъ и деморализуетъ еще больше маленькій кружокъ привиллегированныхъ, увеличитъ нищету, неудовольствіе и справедливое негодованіе рабочихъ массъ и такимъ образомъ приблизитъ часъ разрушенія государствъ...

Англія, Бельгія, Франція, Германія—страны, гдѣ, несомнѣнно, промышленность и торговля пользуются сравнительно большей свободой, гдѣ онѣ достигли болѣе высокаго развитія. И именно въ этихъ странахъ пауперизмъ чувствуется съ особенной силой, и пропасть между капиталистами и рабочими разрослась до небывалыхъ размѣровъ. Въ Россіи, въ Скандинавскихъ странахъ, въ Италіи, въ Испаніи—въ государствахъ, гдѣ промышленность и торговля слабо развиты, за исключеніемъ времени необыкновенныхъ событій, умираютъ съ голоду рѣдко. Въ Англіи голодная смерть—обыденное явленіе. И это не только отдѣльные случаи голодной смерти, это тысячи, десятки, сотни тысячъ. Не ясно ли, что при современномъ экономическомъ положеніи, которое преобладаетъ во всѣхъ странахъ Европы, свобода и развитіе торговли и промышленности, примѣненіе чудесъ науки къ производству, машины, миссія которыхъ освободить рабочихъ, облегчая трудъ ихъ,—что всѣ эти изобрѣтенія, весь прогрессъ, которымъ такъ гордится цивилизованное человѣчество,—очень далеки отъ возможности улучшить положеніе рабочаго класса, и только ухудшаютъ его, дѣлаютъ болѣе невыносимымъ.

Только Сѣверная Америка представляетъ въ большинствѣ случаевъ исключеніе изъ этого правила. Но это исключеніе не только не опровергаетъ правила, а подтверждаетъ его. Если положеніе рабочихъ лучше, чѣмъ въ Европѣ, если никто не умираетъ отъ голодной смерти, если въ то же время классовой антагонизмъ почти не существуетъ, если всѣ рабочіе тамъ граждане, если не только первоначальное, но и среднее образованіе распространено въ массахъ, то нужно приписать все это въ большей степени традиціонному духу свободы, который принесли съ собой первые колонисты Америки: усиленный, испытанный, укрѣпленный въ великихъ религіозныхъ войнахъ, этотъ принципъ личной независимости, автономіи общинъ и провинцій, сопровождался тѣмъ удачнымъ обстоятельствомъ, что перенесенный въ пустыню онъ освободился, такъ сказать, отъ бѣсовскаго навожденія прошлаго,—и только онъ смогъ создать новый міръ, міръ свободы. Свобода—великая волшебница, она обладаетъ такой чудодѣйственной силой, что воодушевляемая только ею Сѣверная Америка смогла меньше, чѣмъ за одинъ вѣкъ, догнать и даже перегнать цивилизацію Европы.

Но не нужно обманываться: эти чудесные успѣхи, это завидное благоденствіе въ большой степени обязаны важному преимуществу, общему и Америкѣ и Россіи: мы говоримъ о безграничныхъ пространствахъ плодородныхъ земель, которыя за отсутствіемъ рабочихъ рукъ остаются до сихъ поръ невоздѣланными. За отсутствіемъ свободы въ Россіи это богатство земли оставалось до сихъ поръ безъ пользы для нея. Иное дѣло въ Сѣверной Америкѣ, которая, благодаря свободѣ, не имѣющей себѣ равной нигдѣ въ мірѣ, привлекаетъ къ себѣ каждый годъ сотни тысячъ энергичныхъ, промышленныхъ и просвѣщенныхъ колонистовъ, которыхъ она, благодаря своимъ земельнымъ богатствамъ можетъ пріютить на своемъ лонѣ. Такимъ образомъ она далека отъ пауперизма и отъ возникновенія соціальныхъ вопросовъ: рабочій, не имѣющій работы, или недовольный заработкомъ въ городѣ, можетъ въ крайнемъ случаѣ эмигрировать на западъ, чтобы тамъ вспахать дикую свободную землю.

Эта возможность, предоставленная на худой конецъ всякому рабочему Америки, поднимаетъ, конечно, его заработокъ и представляетъ ему независимость, которая неизвѣстна у насъ въ Европѣ. Таковы преимущества, но есть и обратная сторона дѣла: дешевизна продуктовъ обрабатывающей промышленности въ большинствѣ случаевъ возможна при дешевизнѣ труда, поэтому американскіе фабриканты не могутъ соперничать съ европейскими. Вотъ почему американская промышленность нуждается въ протекціонномъ тарифѣ. Но этотъ послѣдній приведетъ во-первыхъ къ производству массы предметовъ роскоши и во-вторыхъ раззоритъ Южные мануфактурные штаты, приведетъ ихъ къ отпаденію и, наконецъ, собранныя въ такихъ городахъ, какъ Нью-Іоркъ, Филадельфія, Бостонъ и др., массы рабочаго пролетаріата начнутъ себя чувствовать приблизительно такъ, какъ чувствуютъ себя въ большихъ промышленныхъ городахъ Европейскихъ Государствъ. И мы увидимъ соціальный вопросъ, возникшій въ Сѣверныхъ Штатахъ такъ же, какъ онъ возникъ теперь предъ нами.

Итакъ нужно признать, что цивилизація меньшинства современнаго намъ міра, если не совсѣмъ, какъ въ античномъ мірѣ, то во всякомъ случаѣ покоится на принудительномъ трудѣ и относительномъ варварствѣ большинства. Несправедливо было-бы сказать, что этотъ привиллегированный классъ чуждается работы; напротивъ, онъ въ наше время много работаетъ; число совершенныхъ бездѣльниковъ уменьшается очень значительно, теперь начинаютъ почитать трудъ, самые счастливые понимаютъ теперь, что для того, чтобы удержаться на уровнѣ современной цивилизаціи, чтобы пользоваться и сохранять свои привиллегіи, надо много работать, но разница между трудомъ имущаго класса и рабочихъ та, что первый, оплачиваемый безконечно больше, чѣмъ второй, оставляетъ

еще и досугъ, непремѣнное условіе всякаго человѣческаго развитія, какъ интеллектуальнаго, такъ и моральнаго, условіе, которое никогда еще не было дано рабочему; кромѣ того, трудъ привиллегированнаго человѣчества по преимуществу нервный, т. е., работа воображенія, памяти, мысли; между тѣмъ, какъ трудъ милліона пролетаріевъ—трудъ мускульный и зачастую, какъ, напримѣръ, на всѣхъ фабрикахъ, не упражняетъ всей мускульной системы сразу, но развиваетъ одну ея часть и производится обыкновенно въ условіяхъ, разрушающихъ здоровье тѣла, мѣшающихъ гармоническому развитію его.

Въ этомъ отношеніи земледѣльцы гораздо счастливѣе: ихъ организмъ, не отравленный удушливой атмосферой мастерскихъ и фабрикъ, не исковерканный ненормальнымъ развитіемъ одной изъ своихъ силъ въ ущербъ другимъ, остается болѣе сильнымъ, совершеннымъ; но съ другой стороны интеллектъ ихъ остается всегда ограниченнѣе, тяжеловѣснѣе, менѣе развитымъ, чѣмъ фабричныхъ и городскихъ рабочихъ. Въ общемъ ремесленники, фабричные и земледѣльцы составляютъ одну категорію—представителей мускульнаго труда, въ противоположность привиллегированнымъ представителямъ нервнаго труда. Какія послѣдствія этого не фиктивнаго, но очень реальнаго раздѣленія, которое представляетъ сущность современнаго положенія, какъ политическаго, такъ и соціальнаго? Привиллегированнымъ представителямъ нервнаго труда,—которые призваны къ организаціи современнаго общества не по заслугамъ, но исключительно потому, что родились въ привиллегированномъ классѣ,—всѣ благодѣянія, но и вся развращенность современной цивилизаціи: богатство, роскошь, комфортъ, благополучіе, семейное счастье, исключительная политическая свобода съ правомъ эксплуатировать трудъ милліоновъ рабочихъ, направлять ихъ по своему плану, въ своихъ личныхъ интересахъ, — всѣ созданія, всѣ тонкости фантазіи и мысли... и совмѣстно съ возможностью стать истиннымъ человѣкомъ всѣ яды развращеннаго привиллегіями человѣчества.

Что же остается представителямъ мускульнаго труда, этимъ безчисленнымъ милліонамъ пролетаріевъ или маленькимъ земельнымъ собственникамъ? безвыходная нищета, отсутствіе даже семейныхъ радостей (ибо семья для бѣдняка быстро становится бременемъ), невѣжество, варварство, вынужденное звѣрство, съ утѣшеніемъ, что они служатъ пьедесталомъ для цивилизаціи, свободы и разврата маленькой группы людей. За то они сохранили свѣжесть ума и сердца. Воспитанные, хотя и вынужденнымъ трудомъ, они сохранили чувство справедливости, болѣе тонкой, чѣмъ справедливость юрисконсультовъ и законовъ. Несчастные—они сочувствуютъ всякому несчастью: они сохранили здравый смыслъ, не испорченный софизмами доктринерской науки или ложью политики, и такъ какъ

они не только не злоупотребляли своею жизнью, но и не использовали ее, то они сохранили вѣру въ жизнь. Но, скажутъ намъ,—въ такомъ случаѣ пропасть между классомъ привиллегированныхъ и массой неимущихъ существовала всегда и существуетъ теперь. что-же измѣнилось? Измѣнилось то, что прежде эта пропасть была наполнена облаками религіи, такъ что масса ее не замѣчала, а теперь, послѣ великой революціи, эти облака начали разсѣиваться, и она также прозрѣла и доискивается причины. А это уже очень много.

Съ тѣхъ поръ, какъ революція дала массамъ свое евангеліе, не мистическое, а раціональное, земное, а не небесное, человѣческое, а не божественное—свое евангеліе правъ человѣка; съ тѣхъ поръ, какъ она провозгласила, что всѣ люди равны, всѣ одинаково призваны къ свободѣ и человѣчности, народныя массы во всей Европѣ, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, постепенно пробуждаясь отъ сна, сковывавшаго ихъ съ тѣхъ поръ, какъ христіанство усыпило ихъ своими сногворными средствами, начали спрашивать себя: не имѣютъ ли и они права на равенство, свободу и человѣчность?

Какъ только этотъ вопросъ былъ поставленъ, народъ, руководимый своимъ удивительно здравымъ смысломъ, своимъ инстинктомъ, понялъ, что первымъ условіемъ его дѣйствительнаго освобожденія или, если вы мнѣ позволите такъ выразиться, очеловѣченья,—является радикальная реформа его экономическихъ условій. Вопросъ о хлѣбѣ, говоря просто, его насущный вопросъ, потому что еще Аристотель замѣтилъ, что человѣкъ, чтобы думать. чувствовать, быть настоящимъ человѣкомъ, долженъ быть свободнымъ отъ матеріальныхъ заботъ. Надо сознаться, что и буржуа, проповѣдующіе народу стремленіе къ идеализму, возмущающіеся его матеріализмомъ, прекрасно знаютъ эту истину: недаромъ они проповѣдуютъ идеализмъ только на словахъ, но не на дѣлѣ. Второй вопросъ, второе необходимое условіе очеловѣченья народа—отдыхъ послѣ труда. Но хлѣбъ и отдыхъ не могутъ быть ему даны безъ радикальнаго преобразованія современной конструкціи общество, чѣмъ и объясняется то, что революція, толкаемая логическими слѣдствіями своего собственнаго принципа,—привела къ соціализму.

Соціализмъ.

Послѣднимъ результатомъ Французской Революціи, провозгласившей право и обязанность каждаго человѣческаго существа быть человѣкомъ,—былъ Бабувизмъ. Бабёфъ, одинъ изъ послѣднихъ истинныхъ и энергичныхъ гражданъ, которыхъ революція создала, а потомъ погубила въ такомъ громадномъ количествѣ; Бабефъ, ко-

торый имѣлъ счастье насчитывать среди своихъ друзей людей, подобныхъ Буанаротти,—соединилъ въ какой-то удивительной концепціи своей политическія традиціи античнаго отечества съ современными идеями соціальной революціи. Видя гибель Республики, за отсутствіемъ радикальнаго и, быть можетъ, невозможнаго тогда переворота въ экономической организаціи общества, вѣрный все таки духу этой Революціи, которая замѣстила себя всемогущимъ воздѣйствіемъ государства на всякую личную волю, онъ создалъ такую политическую и соціальную систему, согласно которой республика—выраженіе коллективной воли гражданъ,—конфисковавъ всю личную собственность, устроила бы ее сообразно интересамъ всѣхъ, распредѣливъ равномѣрно между всѣми:—воспитаніе, образованіе, средства существованія, удовольствія,—и обязала бы всѣхъ, сообразно ихъ силамъ и способностямъ, къ работѣ, какъ нервной, такъ и мускульной. Заговоръ Бабёфа былъ открытъ; онъ былъ гильотинированъ со многими изъ своихъ друзей. Но идеалъ его соціальной республики не умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Подхваченный его другомъ Буанаротти, самымъ великимъ конспираторомъ вѣка, этотъ идеалъ превратился въ его обработкѣ въ священное обязательство новыхъ поколѣній и, благодаря тайнымъ обществамъ, которыя онъ основывалъ въ Бельгіи и Франціи, зародились въ населеніи коммунистическія идеи. Между 1830 и 1848 годомъ онѣ нашли въ лицѣ Кабэ и Луи Блана умѣлыхъ истолкователей, и революціонный соціализмъ былъ окончательно утвержденъ. Другая вѣтвь соціализма, отколовшаяся отъ того же революціоннаго источника, стремящаяся къ той же цѣли, но совершенно другими путями (мы бы охотно назвали бы ее—доктринерскій соціализмъ), была создана двумя знаменитыми людьми Сенъ-Симономъ и Фурье. Сенъ-Симонизмъ былъ комментированъ, развитъ, преобразованъ, и, наконецъ, утвержденъ, въ качествѣ quasi-практической церковной системы, отцомъ Анфантеномъ (Enfantin) съ его многочисленными друзьями, большинство которыхъ теперь въ качествѣ финансистовъ и государственныхъ людей преданы исключительно Имперіи.

Фурьеризмъ нашелъ своего комментатора въ «Миролюбивой демократіи» («Démocratie pacifique»), редактировавшейся до 2-го декабря Викторомъ Консидераномъ (Victor Considerant).

Заслуга этихъ двухъ соціальныхъ системъ, совершено различныхъ во многихъ отношеніяхъ, заключается главнымъ образомъ въ глубокой, искусной, суровой критикѣ современнаго общества, съ чудовищныхъ противорѣчій котораго онѣ ловко сдернули завѣсу;—въ томъ, что онѣ энергично аттаковали и поколебали христіанство во имя реабилитаціи плоти и страстей человѣческихъ, осужденныхъ и въ тоже время использованныхъ такъ великолѣпно христіанскими священниками.

Сенъ-Симонисты хотѣли замѣнить христіанство новой рели-

ieй, основанной на мистическомъ культѣ плоти, съ новой іерархіей священниковъ, которые на основаніи своей геніальности, ловкости и таланта эксплуатировали бы толпу. Фурьеристы, гораздо болѣе искренніе демократы, мечтали объ управляемыхъ начальниками, выбранными общей подачей голосовъ, фалангахъ, гдѣ каждый могъ бы найти свое мѣсто и работу сообразно своимъ склонностямъ и своей природѣ. Ошибки Сенъ-Симонистовъ слишкомъ очевидны и не требуютъ доказательствъ. Еще большая ошибка Фурьеристовъ заключается въ томъ, что они мечтали совершенно искренно своимъ убѣжденіемъ, своей мирной пропагандой тронуть сердца богачей настолько, чтобы они добровольно сложили у пороговъ ихъ фалангъ свои богатства, и еще въ томъ, что они вообразили, что можно теоретически, à priori, создать соціальный рай на землѣ, гдѣ каждый, пришедшій въ будущемъ, могъ-бы найти свое мѣсто. Они не поняли, что сколько бы мы не возглашали ихъ принципы, практическую реализацію ихъ нужно предоставить будущему.

Вообще регламентація была общей страстію всѣхъ соціалистовъ до 48 года. Кабэ, Луи Бланъ, Фурьеристы, Сенъ-Симонисты всѣ страдали страстію поучать и организовать будущее; всѣ они въ большей или меньшей степени были доктринерами.

Но вотъ явился Прудонъ. Сынъ крестьянина, и въ дѣйствительности и безотчетно во стократъ большій революціонеръ, чѣмъ всѣ эти доктринерствующіе, буржуазные соціалисты, онъ вооружился столь же глубокой и проницательной, какъ и неумолимой критикой, чтобы разрушить всѣ ихъ системы. Противопоставляя свободу авторитету, онъ провозгласилъ себя анархистомъ въ противоположность этимъ соціалистамъ-государственникамъ и предъ ихъ деизмомъ или пантеизмомъ у него хватило смѣлости признать себя атеистомъ, или вѣрнѣе, какъ и Огюстъ Контъ, позитивистомъ.

Его соціализмъ, основанный на личной и общественной свободѣ, на добровольной работѣ свободныхъ ассоціацій, подчиняющійся только общимъ законамъ соціальной экономіи, открытымъ или близкимъ къ открытію наукой, внѣ всякой правительственной регламентаціи и всякаго покровительства государствъ, подчиняя политику экономическимъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ интересамъ общества,—долженъ былъ впослѣдствіе логикой вещей склониться къ федерализму.

Таково было состояніе соціальной науки передъ 48 годомъ. Полемика газетъ, летучіе листки и соціалистическія брошюры внесли массу новыхъ идей въ рабочіе классы. Они были пропитаны уже ими, и когда революція 48 года разразилась, соціализмъ явился уже силой.

Соціализмъ, сказали мы, былъ послѣднимъ дѣтищемъ французской революціи; но предъ его рожденіемъ появился болѣе пря-

мой ея наслѣдникъ, ея старшій,—любимое дитя Робеспьера и Сенъ-Жюста: чистый республиканизмъ безъ всякихъ примѣсей соціальныхъ идей, возрожденный изъ древности, воодушевленный героическими традиціями великихъ гражданъ Греціи и Рима; гораздо менѣе человѣчный, чѣмъ соціализмъ, онъ не признавалъ человѣка, а только гражданина. Въ то время, какъ соціализмъ хочетъ основать республику людей, чистый республиканизмъ хочетъ республики только гражданъ, хотя бы эти граждане, какъ въ конституціяхъ, послѣдовавшихъ какъ естественный результатъ конституціи 93-го года, (съ того момента, какъ она, разъ пошатнувшись, пришла къ умышленному игнорированію соціальнаго вопроса), подъ именемъ (воспользуемся выраженіемъ Учредительнаго Собранія) дѣйствительныхъ основывали свои гражданскія привиллегіи на эксплуатаціи труда пассивныхъ гражданъ. Политическій республиканецъ, самъ по себѣ, впрочемъ, не эгоистъ, но онъ долженъ быть имъ для его родины, которая въ его сердцѣ должна занять мѣсто, большее, чѣмъ онъ самъ и всѣ индивидуумы всѣхъ націй міра и всего человѣчества. Вотъ почему онъ совершенно игнорируетъ международную справедливость; во всѣхъ спорахъ—права или не права его родина, онъ долженъ отдать ей предпочтеніе; онъ хочетъ, чтобы она господствовала всегда, чтобы она уничтожала другія націи своимъ могуществомъ, своей славой. Катясь по наклонной плоскости, онъ сдѣлается завоевателемъ, несмотря на то, что опытъ вѣковъ доказалъ, что военные тріумфы приводятъ къ цезаризму. Республиканецъ соціалистъ ненавидитъ величіе, могущество и славу военнаго государства, онъ предпочитаетъ имъ свободу и благополучіе. По существу своему федералистъ, онъ желаетъ международной конфедераціи, во-первыхъ изъ чувства справедливости, во-вторыхъ изъ убѣжденія, что экономическая и соціальная революція, перешагнувъ искуственныя, отжившія свой вѣкъ границы государствъ, можетъ реализоваться, по крайней мѣрѣ, отчасти, только совмѣстными усиліями, если не всѣхъ, то хоть большинства націй, составляющихъ теперь цивилизованный міръ, тѣмъ болѣе, что рано или поздно онѣ все равно соединятся. Республиканецъ исключительно политическій—стоикъ: онъ не признаетъ за собой правъ, только обязанности, или, какъ въ республикѣ Мадзини, онъ признаетъ одно только право— право отдаваться и всегда жертвовать собою родинѣ, жить только для того, чтобы служить ей и умереть за нее съ радостью, какъ говорится въ пѣснѣ Александра Дюма, изображающей жирондистовъ: «Mourir pour la patrie, c'est le sort le plus beau, le plus digne d'envie». *) Соціалистъ, напротивъ, опирается на свои позитивныя права на жизнь, на всѣ наслажденія, какъ интеллектуальныя, такъ и моральныя и физическія.

*) «Умереть за родину—самая прекрасная, завидная участь».

Онъ любитъ жизнь и хочетъ насладиться ею вполнѣ; его убѣжденія часть его самаго, его обязанности по отношенію къ обществу неразрывно связаны съ его правами; чтобы соблюдать и тѣ и другія, онъ долженъ жить по справедливости, какъ Прудонъ, и быть готовымъ умереть, какъ Бабёфъ, но онъ никогда не скажетъ, что человѣческая жизнь должна быть самопожертвованіемъ, что смерть самая прекрасная судьба. Для республиканца свобода, политика— пустой звукъ; эта свобода--быть добровольно рабомъ, обрекать себя на жертву государству; всегда готовый пожертвовать ему своей жизнью, онъ охотно жертвуетъ для него и чужой; политическій республиканизмъ склоняется всегда къ деспотизму. Свобода, соединенная съ благосостояніемъ, добивающаяся человѣчности всѣхъ посредствомъ человѣчности каждаго, для республиканца-соціалиста все; между тѣмъ, какъ государство это инструментъ, слуга благоденствія и свободы каждаго. Соціалистъ отличается отъ буржуа справедливостью, для себя онъ оставляетъ только плоды своей собственной работы, отъ чистаго республиканца онъ отличается своимъ открытымъ, гуманнымъ эгоизмомъ, откровенно, безъ красивыхъ фразъ, живя для себя самого, онъ знаетъ, что поступаетъ согласно справедливости, что служитъ обществу и, наоборотъ, служа обществу, онъ совершаетъ свое собственное дѣло. Республиканецъ строгъ, а часто изъ-за патріотизма, какъ священникъ изъ-за религіи—жестокъ. Патріотизмъ соціалиста естественнѣе, умѣреннѣе, но и гуманнѣе; однимъ словомъ, между республиканцемъ-соціалистомъ и республиканцемъ-политикомъ существуетъ пропасть. Одинъ, какъ созданье полурелигіозное, принадлежитъ прошлому; другой, позитивистъ или атеистъ, принадлежитъ будущему.

Этотъ антагонизмъ разгорѣлся особенно въ 1848 г. Съ первыхъ шаговъ революціи они уже не слушали другъ друга: ихъ идеалы, инстинкты влекли ихъ въ стороны діаметрально противоположныя. Время, отъ февраля до іюня, прошло въ тревогахъ, которыя, перенеся войну въ лагерь революціонеровъ, парализовали ихъ силы и сплотили всѣ оттѣнки реакціи въ грозную коалицію. Въ іюнѣ республика соединилась съ реакціей, чтобы уничтожить соціалистовъ. Они думали, что одержали побѣду,— и низвергли въ пропасть свою излюбленную республику. Генералъ Кавеньякъ, представитель чести знамени противъ революціи, былъ только предвѣстникомъ Наполеона III. Весь міръ, всѣ остальныя государства, кромѣ, быть можетъ, Франціи, поняли это, потому-то эта печальная побѣда республики надъ Парижскими рабочими была отпразднована всѣми дворами Европы съ большимъ тріумфомъ, а прусскіе гвардейскіе офицеры поспѣшили отправить генералу Кавеньяку братскій поздравительный адресъ.

Испуганная кровавымъ призракомъ буржуазія Европы впала въ полное раболѣпство.

Мятежная и либеральная по своей сущности, она не обожала военный режимъ, но подчинилась ему, испуганная угрожающей опасностью народнаго освобожденія. Пожертвовавъ своей честью, всѣми побѣдами 18-го и начала 19-го столѣтія, она полагала, что за это пріобрѣтетъ, по крайней мѣрѣ, миръ и спокойствіе, которые необходимы для успѣшныхъ коммерческихъ и индустріальныхъ дѣлъ. «Мы пожертвовали вамъ нашей свободой», казалось, говорили они военнымъ державамъ, создававшимся на развалинахъ III-ей революціи, «предоставьте же намъ право спокойно эксплуатировать народныя массы, помогите намъ противъ ихъ требованій, которыя съ теоретической точки зрѣнія справедливы, но съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ нетерпимы». Имъ обѣщали все и даже сдержали слово. Почему же буржуазія, буржуазія всей Европы недовольна въ общемъ и по сей день?

Она не подсчитала, что военный режимъ дорого стоитъ, что своей внутренней организаціей онъ парализуетъ, колеблетъ, разрушаетъ націи, что чѣмъ послушнѣе онъ присущей ему логикѣ, которая никогда еще не была уличена во лжи, тѣмъ скорѣе необходимымъ слѣдствіемъ его является *война*: война династическая, во имя чести, завоевательная, или оборонительная, разрушеніе и поглощеніе однихъ государствъ другими, рѣки человѣческой крови, пожары деревень, разрушенныхъ городовъ, опустошенія цѣлыхъ провинцій—и все это, дабы удовлетворить честолюбіе принцевъ и ихъ фаворитовъ, чтобы обогатить ихъ, чтобы отвлечь, дисциплинировать населеніе, чтобы выполнить исторію.

Теперь ужъ буржуазія понимаетъ это, вотъ откуда ея недовольство режимомъ, который она такъ прилежно старалась создать. Она устала отъ него: но что она поставитъ на его мѣсто?

Конституціонная монархія отжила свой вѣкъ, къ тому же она вообще не пользовалась большимъ успѣхомъ на континентѣ Европы: даже въ Англіи—этой исторической колыбели современнаго конституціонализма, пробита брешь подымающейся демократіей; она колеблется, шатается и вскорѣ не въ состояніи будетъ выдержать натиска надвигающейся волны народныхъ страстей и требованій.

-Республика? Но какая? Политическая или демократическая и соціальная? Пропикнуты ли соціализмомъ и теперь народныя массы? Да, больше, чѣмъ когда бы то ни было.

Соціализмъ, побѣжденный въ 1848 году, не былъ соціализмомъ вообще, это былъ государственный соціализмъ, соціализмъ авторитетный и регламентированный, тотъ, который полагалъ, надѣялся, что государство, снабженное полномочіями, дастъ полное удовлетвореніе нуждамъ и законнымъ требованіямъ рабочихъ классовъ и освятитъ соціальный строй. Не соціализмъ погибъ въ іюнѣ, а государство, признавшее себя банкротомъ предъ нимъ: сознавши себя несостоятельнымъ должникомъ въ уплатѣ ему обязательнаго

долга, оно сдѣлало попытку убить его, чтобы освободиться наиболѣе легкимъ способомъ отъ долга. Попытка кончилась неудачей и убила вѣру соціализма въ государство; она уничтожила всѣ теоріи доктринерствующаго и авторитетствующаго соціализма, изъ которыхъ одинъ, какъ «Икарія» Кабэ или «Организація труда» Луи Блана, совѣтовали народу во всемъ положиться на государство,— другія выказали свое ничтожество цѣлымъ рядомъ курьезныхъ попытокъ. Даже Прудоновскій банкъ, который при болѣе счастливыхъ условіяхъ могъ бы процвѣтать, погибъ подъ тяжестью непріязни и осужденія буржуазіи.

Соціализмъ проигралъ эту первую битву по весьма понятнымъ причинамъ: онъ былъ богатъ инстинктами и теоретическими идеями, чисто отрицательными, которыя великолѣпно доказали несправедливость привиллегій: но онъ страдалъ отсутствіемъ положительныхъ, практическихъ идей, необходимыхъ для постройки новой системы на развалинахъ буржуазнаго міра: системы народной справедливости. Рабочихъ, сражавшихся въ іюнѣ за освобожденіе народа, сплотили инстинкты, а не идеи; а тѣ смутныя идеи, которыя руководили ими, представляли Вавилонскую башню, хаосъ, изъ котораго они никакъ не могли выбраться. Такова основная причина ихъ пораженія. Должна ли она заставить насъ усумниться въ будущемъ и въ наличныхъ силахъ соціализма? Христіанство, взявшееся за основаніе царства справедливости на небѣ, переждало много вѣковъ, пока дождалось тріумфа въ Европѣ. Нужно ли удивляться, что соціализмъ, задача котораго гораздо сложнѣе, а именно царство справедливости на землѣ,—не восторжествовалъ за нѣсколько лѣтъ?

Нужно ли доказывать, господа, что соціализмъ не умеръ? Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только бѣглымъ взглядомъ осмотрѣть то, что происходитъ теперь въ Европѣ. Развѣ не соціальный вопросъ является наисерьезнѣйшимъ вопросомъ, который подымается за всѣмъ дипломатическимъ капканомъ и военнымъ шумомъ, наполняющимъ Европу съ 1852 года? Этотъ великій незнакомецъ, приближеніе котораго чувствуется всѣми и заставляетъ каждаго трепетать, но о которомъ никто не смѣетъ говорить, даетъ знать о себѣ и съ каждымъ днемъ все громче и громче; кооперативныя товарищества рабочихъ, банки взаимнаго кредита, тредъ-юніоны, интернаціональная лига рабочихъ, все рабочее движеніе, распространившееся въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи и Швейцаріи, не доказываютъ ли, что рабочіе не отказались отъ своей цѣли, не потеряли вѣры въ свое будущее освобожденіе, что они поняли, насколько приближеніе часа ихъ свободы зависитъ отъ нихъ самихъ, отъ независимыхъ добровольныхъ товариществъ, но ни въ какомъ случаѣ не отъ государства, не отъ работы, всегда болѣе или менѣе лицемѣрной, привиллегированныхъ классовъ.

Въ большинствѣ Европейскихъ Государствъ это движеніе носитъ окраску, повидимому, ничего общаго съ политикой не имѣющую, скорѣе экономическую, частную, такъ сказать. Но въ Англіи оно уже перенесено на пылающую политическую почву и, организовавшись въ грозную «Лигу Реформъ», оно одержало крупную побѣду надъ привиллегированной политической организаціей аристократіи и буржуазіи. Съ терпѣніемъ и чисто англійской практической послѣдовательностью Лига Реформъ намѣтила себѣ планъ кампаніи; она не разочаровывается такъ быстро, не устрашается и не останавливается предъ какими бы то ни было препятствіями. «Въ 10 лѣтъ, говорятъ они, несмотря на самыя большія препятствія, мы добьемся всеобщей подачи голосовъ и тогда»... тогда они произведутъ соціальную революцію.

Во Франціи, какъ и въ Германіи, молчаливо разростаясь путемъ организаціи частныхъ экономическихъ обществъ, соціализмъ среди рабочихъ достигъ такого могущества, что и Наполеонъ III и Бисмаркъ принуждены добиваться союза съ нимъ. Въ Италіи и Испаніи, послѣ жалкаго фіаско, которое потерпѣли всѣ политическія партіи, въ виду страшной нищеты и того и другого государства, всякіе другіе вопросы будутъ вопросами экономическими и соціальными. А развѣ въ дѣйствительности существуетъ какой-либо другой вопросъ въ Россіи и Польшѣ? Онъ разрушилъ послѣднія надежды родовитой, исторической Польши: онъ угрожаетъ разрушить уже пошатнувшееся существованіе Россіи. А развѣ въ предложеніи знаменитаго Бостонскаго сенатора—Charles Sumner'a раздѣлить землю между освобожденными неграми Южныхъ штатовъ,—не проявился въ полной силѣ соціализмъ и въ Америкѣ?!

Итакъ, вы видите, господа, что соціализмъ проникъ всюду, несмотря на свое іюньское пораженіе, подпольной работой, посредствомъ которой онъ медленно проникалъ въ политическія глубины всѣхъ странъ; теперь онъ даетъ себя знать повсюду, какъ скрытая сила страны, еще нѣсколько лѣтъ и онъ дастъ себя знать вполнѣ открыто, какъ грозная могучая власть.

За очень малымъ исключеніемъ все населеніе Европы, часто даже не зная слова соціализмъ, проникнуто имъ, не знаетъ другого знамени кромѣ того, которое возглашаетъ прежде всего экономическое освобожденіе. оно откажется отъ тысячи другихъ вопросовъ, но не отъ этого послѣдняго. Только соціализмъ можетъ заставить ихъ заниматься настоящей политикой.

Нужно ли еще доказывать, господа, что мы не можемъ исключить соціализмъ изъ нашей программы? Сдѣлавши это, мы обезсилили бы наше дѣло. Объявляя себя республиканцами-федералистами, мы одной своей программой заставимъ уйти отъ насъ добрую часть буржуазіи: ту, которая спекулируетъ на народной нищетѣ и несчастіяхъ и которая умѣетъ эксплуатировать даже тѣ

великія національныя катастрофы, которыя такъ участились въ послѣднее время. Исключивъ эту часть, столь дѣятельную, суетливую, интригующую, спекулирующую, мы все таки въ своей средѣ насчитаемъ не мало буржуа другихъ, спокойныхъ, промышленныхъ, часто таки причиняющихъ зло, но не изъ-за желанія и злой воли, а въ силу необходимости, отъ которой они рады избавиться и которая возбуждаетъ между ними и рабочими непримиримую вражду и въ то же время разворяетъ ихъ. Нужно сознаться, что мелкая буржуазія, мелкая торговля и мелкая промышленность страдаютъ теперь не меньше рабочихъ классовъ, и, если мы будемъ двигаться все въ томъ же направленіи, то большинство почтенной буржуазіи смѣшается съ пролетаріатомъ. Крупная промышленность и индустрія, особенно крупная и нечестная спекуляція, убиваютъ ихъ, толкаютъ въ пропасть. Положеніе мелкой буржуазіи становится все болѣе революціоннымъ и ея идеи, такъ долго примыкавшія къ реакціи, должны теперь проясниться отъ тяжкихъ уроковъ исторіи и принять оппозиціонную окраску. Болѣе интеллигентные понимаютъ, что нѣтъ другого выхода для честной буржуазіи, какъ союзъ съ народомъ, и что соціальный вопросъ въ той же мѣрѣ принадлежитъ имъ, какъ и народу.

Эта прогрессивная метаморфоза въ мнѣніяхъ мелкой буржуазіи Европы такъ же утѣшительна, какъ и неоспорима. Но мы не должны жить иллюзіями: толчокъ для этой метаморфозы данъ не буржуазіей, а народомъ: на Западѣ фабричными и городскими рабочими, а у насъ, въ Россіи и Польшѣ,— крестьянами. Мелкая буржуазія стала слишкомъ боязлива, скромна, слишкомъ недовѣрчива, чтобы взять на себя какую-нибудь инициативу; она предоставитъ другимъ руководить собой, но сама не поведетъ никого, потому что она бѣдна не только идеями, но и вѣрой и страстями. Только народъ воодушевленъ страстями, которыя преодолѣваютъ всѣ препятствія и создаютъ новые міры. Такъ что, безъ всякой оговорки, инициатива новаго движенія принадлежитъ народу. А мы захотимъ игнорировать его! Не будемъ говорить о соціализмѣ— религіи народа! Но соціализмъ, какъ говорятъ многіе, склоненъ къ союзу съ цезаризмомъ. Прежде всего это клевета. Напротивъ, цезаризмъ, увидѣвъ на горизонтѣ грозное могущество соціализма, старается заслужить его симпатіи, чтобы эксплуатировать его въ свою пользу. Тѣмъ болѣе мы должны заняться имъ, чтобы помѣшать этому чудовищному союзу, который былъ бы самымъ страшнымъ несчастіемъ, которое только можетъ угрожать свободѣ міра.

Мы должны имъ заняться и помимо всѣхъ этихъ практическихъ соображеній, потому что соціализмъ это справедливость; не та справедливость, которая означена въ кодексѣ законовъ или въ Римскомъ правѣ; не та, которая основана на актахъ жестокости и силы, освященныхъ временемъ и различными религіями, какъ хри-

стіанскими, такъ и языческими, а потому возведенныхъ въ принципы, изъ которыхъ все остальное вытекаетъ какъ логическое слѣдствіе *), а человѣчная справедливость, основанная исключительно на человѣческомъ сознаніи (которой проникнуты даже дѣти); она выражается однимъ словомъ: равенство.

Эта всеобщая справедливость, которая, между тѣмъ, благодаря захвату силы и религіознымъ вліяніямъ, до сихъ поръ никогда не была оцѣнена ни политикой, ни юриспруденціей, ни политической экономіей,—должна быть основой новаго міра. Безъ нея нѣтъ свободы, нѣтъ республики, нѣтъ благоденствія, нѣтъ міра! Она должна руководить нами во всѣхъ рѣшеніяхъ, если мы искренно желаемъ утвердить миръ.

Эта справедливость приказываетъ намъ заняться народнымъ вопросомъ, до сихъ поръ такъ несправедливо игнорированнымъ, и завоевать для народа наряду съ политической свободой—экономическую и соціальную.

Мы не предлагаемъ Вамъ, господа, ту или иную соціальную систему. Мы предлагаемъ только провозгласить еще разъ великій принципъ французской революціи: «каждый человѣкъ долженъ обладать какъ матеріальными, такъ и моральными средствами для развитія своей человѣчности»,—принципъ, который, по нашему, приводитъ къ слѣдующей задачѣ.

Организовать общество такъ, чтобы каждый членъ его—мужчина или женщина—находилъ болѣе или менѣе одинаковую возможность развивать свои различныя способности и примѣнять ихъ къ своей работѣ; организовать общество, въ которомъ эксплуатація труда одного человѣка другимъ сдѣлалась бы невозможной, чтобы никто не могъ принять участія въ пользованіи общественнымъ богатствомъ, не участвуя въ созданіи его своимъ трудомъ.

Полная реализація этой задачи—дѣло вѣковъ, конечно, но исторія выдвинула ее, и мы не можемъ игнорировать ее, не осуждая себя на полное безсиліе.

Мы спѣшимъ оговориться: каждое общество, не основанное на полной свободѣ, какъ личности, такъ и ассоціацій, желающее утвердить регламентаціей какой бы то ни было авторитетъ, вызываетъ нашъ энергичный протестъ; во имя этой свободы, которую мы считаемъ единственнымъ прочнымъ фундаментомъ и законнымъ создателемъ всякой организаціи, какъ политической, такъ и экономической, мы протестуемъ противъ всего, что такъ или иначе похоже на государственный коммунизмъ или соціализмъ.

---

*) Въ этомъ отношеніи наука о правѣ и богословіе весьма сходны, первая—исходитъ изъ реальнаго, но несправедливаго факта: захвата силой, побѣды; вторая изъ фиктивнаго и абсурднаго факта: небеснаго откровенія, какъ государственнаго принципа; опираясь на этотъ абсурдъ и несправедливость,—обѣ посредствомъ самой строгой логики строятъ зданіе богословской или юридической науки.

Единственное, что еще государство можетъ сдѣлать—это измѣнить возможно скорѣе права наслѣдства, чтобы дойти до полной отмѣны ихъ. Право наслѣдства—прямое созданіе государства, одно изъ непремѣнныхъ условій существованія авторитетнаго и божественнаго государства; оно должно и можетъ быть уничтожено свободой,—т.-е., государство само должно раствориться въ свободно организованномъ, согласно справедливости, обществѣ. Это право должно быть непремѣнно отмѣнено, ибо пока существуетъ наслѣдство, будетъ существовать наслѣдственное неравенство экономическое, не естественное неравенство индивидуумовъ, а искусственное неравенство классовъ, которое приведетъ къ непремѣнному наслѣдственному неравенству развитія и воспитанія способностей и явится источникомъ и освященіемъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ неравенствъ. Задача справедливости состоитъ въ томъ, чтобы съ начала своей жизни всѣ люди были поставлены въ одинаковыя условія, поскольку это зависитъ отъ политическаго и экономическаго положенія общества, чтобы каждый (исключая разницу натуръ) былъ только кузнецомъ своего счастія. По нашему мнѣнію, только воспитаніе и образованіе дѣтей, со дня рожденія до совершеннолѣтія, на общественный счетъ могутъ быть наслѣдствомъ умирающихъ. Что касается насъ, славянъ и русскихъ, мы можемъ только прибавить, что соціальная идея, основанная на традиціонномъ и общемъ инстинктѣ населенія, такова: земля—собственность всего народа и должна быть во владѣніи только тѣхъ, кто обрабатываетъ ее своими руками.

Мы убѣждены, господа, что этотъ принципъ справедливъ, что онъ существенное и неизмѣнное условіе всякой серьезной соціальной реформы, что Западная Европа приметъ его, несмотря на всевозможныя затрудненія, могущія возникнуть въ различныхъ странахъ, напр. во Франціи, гдѣ большинство крестьянъ владѣетъ землей, но гдѣ большинство изъ этихъ же крестьянъ вскорѣ останется безъ нея, благодаря раздробленію, естественному результату политико-экономической системы, господствующей въ этой странѣ. Мы не дѣлаемъ никакихъ предложеній по этому поводу, какъ и вообще избѣгаемъ всякихъ проэктовъ, касающихся тѣхъ или иныхъ задачъ соціальной науки и политики, убѣжденные, что всѣ эти вопросы должны быть обсуждаемы серьезно и глубоко нашимъ журналомъ. Мы ограничиваемся лишь предложеніемъ составить сегодня слѣдующую декларацію:

Убѣжденная, что серьезная реализація свободы, справедливости и мира невозможна до тѣхъ поръ, пока подавляющее большинство населенія остается лишеннымъ всѣхъ благъ, лишеннымъ просвѣщенія, осужденнымъ на прозябаніе, какъ политическое, такъ и соціальное, на рабство, если не правами, то дѣйствительностью, нищетой и нуждой, въ которыхъ оно находится, остается при-

сужденнымъ къ труду безъ отдыха и досуга въ то время, какъ оно создаетъ всѣ сокровища, которыми такъ гордится современный міръ, и взамѣнъ получаетъ лишь крохотную долю, не обезпечивающую ему даже завтрашняго дня, убѣжденная, что для всего населенія, столь несправедливо угнетаемаго въ теченіе вѣковъ, вопросъ о хлѣбѣ тѣсно связанъ съ вопросами объ его духовномъ освобожденіи, съ вопросами о свободѣ и человѣчности,—Лига провозглашаетъ во всеуслышаніе необходимость радикальной соціальной и экономической реформы, ставящей себѣ цѣлью освобожденіе народнаго труда отъ ига капитала и собственниковъ, основанной на самой строгой справедливости не юридической, не богословской, не метафизической, но просто человѣческой,—на позитивной наукѣ и на абсолютной свободѣ.

Она рѣшаетъ также, что ея журналъ откроетъ широкій доступъ всѣмъ серьезнымъ обсужденіямъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, если они будутъ вызваны искреннимъ желаніемъ наиболѣе широкаго народнаго освобожденія, какъ матеріальнаго, такъ и политическаго и духовнаго.

Изложивъ свои идеи о Федерализмѣ и соціализмѣ, мы должны, господа, обсудить третій вопросъ, который, какъ намъ кажется, тѣсно связанъ съ двумя первыми: вопросъ религіозный. Мы просимъ Вашего разрѣшенія резюмировать всѣ наши идеи по этому поводу однимъ словомъ, которое покажется вамъ, можетъ быть, варварскимъ:

Антитеологизмъ.

Милостивые государи, мы убѣждены, что въ этомъ мірѣ не свершилось ни единаго крупнаго политическаго или соціальнаго преобразованія, которое бы не было сопровождаемо, а часто и предшествуемо, аналогичнымъ движеніемъ въ сферѣ философскихъ и религіозныхъ идей, направляющихъ, какъ индивидуальную, такъ и общественную совѣсть.

Въ виду того, что всѣ религіи съ ихъ божествами всегда были только созданіемъ вѣрующей и легковѣрной фантазіи человѣка, не достигшаго высоты чистаго мышленія и свободной мысли, опирающейся на науку, религіозный кругозоръ былъ лишь миражемъ, гдѣ наэлектризованный вѣрой человѣкъ такъ долго находилъ собственное отраженіе, увеличенное и обратное, т. е., обоготворенное.

Исторія религій—исторія величія и паденія божествъ, которыя слѣдовали другъ за другомъ — есть ничто иное, какъ исторія развитія ума и коллективнаго сознанія людей. По мѣрѣ того, какъ

люди открывали у себя или внѣ себя какую-либо силу, способность или качество, они приписывали ихъ своимъ богамъ, придавъ имъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно дѣти, предварительно путемъ своего религіознаго творчества необычайную ширь и глубь. Такимъ образомъ, благодаря скромности и великодушію людей, небо обогащалось на счетъ земли, и, по естественной послѣдовательности, чѣмъ богаче становилось небо, тѣмъ бѣднѣе дѣлалось человѣчество. Разъ божество установлено—оно естественно прославляется, какъ владыка, источникъ и распредѣлитель всего: реальный міръ имѣетъ значеніе только благодаря ему, и человѣкъ, сотворивъ бога, самъ того не сознавая, преклоняется предъ нимъ и признаетъ себя его твореніемъ и рабомъ.

Христіанство есть именно религія par excellence, потому что оно представляетъ и обнаруживаетъ самую природу и сущность всякой религіи: систематическое и абсолютное оскудѣніе, уничтоженіе и подчиненіе человѣческаго божественному—основное начало не только всякой религіи, но и всей метафизики, какъ теистической, такъ и пантеистической. Разъ божество—все, реальный міръ и человѣкъ—ничто.

Разъ Богъ — истина, законность и безсмертіе, то человѣкъ ложь, беззаконіе и смерть. Богъ — властелинъ, человѣкъ — рабъ. Неспособный самостоятельно попасть на стезю истины и добра—онъ долженъ познавать ихъ путемъ откровенія свыше черезъ избранниковъ и посланниковъ Божьей милости. Кто признаетъ чудеса, долженъ вѣрить въ чудотворцевъ, пророковъ, жрецовъ. Послѣдніе, признанные представителями Бога, руководителями и посредниками между міромъ земнымъ и вѣчнымъ — этимъ самымъ получаютъ назначеніе руководить и властвовать надъ людьми. Всѣ обязаны вѣрить и подчиняться имъ безпрекословно; рабы Божьи—люди должны быть рабами церкви и государства постольку, поскольку послѣднее освящено церковью. Изъ всѣхъ религій прошлаго и настоящаго одно христіанство постигло въ совершенствѣ эту идею; а между христіанскими толками — одинъ только католицизмъ проповѣдывалъ и осуществлялъ ее со строгой послѣдовательностью. Вотъ почему христіанство—религія по существу—послѣднее слово религіи, и почему апостольская римская церковь—единственная, послѣдовательная, законная и божественная.

Не въ обиду будь сказано всѣмъ полуфилософамъ, такъ называемымъ религіознымъ мыслителямъ: «*Признаніе существованія Бога содержитъ въ себѣ отрицаніе разума и справедливости человѣческихъ, отрицаніе свободы человѣка и влечетъ за собой обязательно рабство не только въ теоріи, но и на практикѣ*».

Не желая рабства, мы поэтому не можемъ и не должны дѣлать ни малѣйшей уступки теологіи, ибо, кто разъ началъ съ *А*

этой мистической и строго послѣдовательной азбуки, тотъ неизбѣжно дойдетъ до *Z*; кто хочетъ преклоняться предъ Богомъ, тотъ долженъ отказаться отъ воли и достоинства человѣческихъ.

Богъ существуетъ—человѣкъ рабъ.

Если человѣкъ разуменъ, справедливъ и свободенъ—Богъ не существуетъ.

Мы не вѣримъ въ возможность выхода изъ этого круга, а потому—выбирайте.

Далѣе—исторія намъ показываетъ, что союзниками тирановъ были всѣ проповѣдники религіи, за исключеніемъ служителей опальныхъ вѣроученій. Да и эти послѣдніе!.. ведя борьбу съ угнетающей ихъ властью и проклиная ее, они въ то же время дисциплинируютъ своихъ адептовъ и, такимъ путемъ, въ свою очередь, подготовляютъ начала возникновенія новой тиранніи.

Духовное рабство, какого бы свойства оно ни было,—всегда будетъ имѣть естественнымъ послѣдствіемъ рабство политическое и соціальное.

Нынѣ самымъ крупнымъ препятствіемъ къ освобожденію (эмансипаціи) общества служитъ несомнѣнно христіанство во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ, а также научная и деистическая метафизика, отъ него происходящая и представляющая по существу скрытую теологію; доказательствомъ служитъ то, что всѣ правительства, всѣ государственные люди Европы, которые сами ни метафизики, ни теологи, ни деисты и въ глубинѣ души не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ черта, страстно, ожесточенно покровительствуютъ, какъ метафизикѣ, такъ и религіи, какова бы эта послѣдняя ни была, лишь бы только она проповѣдывала (какъ это впрочемъ и дѣлаютъ всѣ религіи) терпѣніе, безропотность и подчиненіе. Страстная настойчивость, съ которой ихъ защищаютъ, показываетъ намъ насколько необходимо бороться противъ нихъ и разрушить ихъ.

Нужно ли вамъ напоминать, Милостивые Государи, насколько религіозныя вліянія развращаютъ и портятъ народы? Онѣ убиваютъ у народа разумъ—главное орудіе освобожденія человѣка, ввергаютъ его въ тупоуміе—основаніе всякаго рабства, загромождая его мозгъ божественными нелѣпостями. Онѣ убиваютъ у людей силу труда—ихъ славы и спасенія: ибо трудъ—есть тотъ факторъ, посредствомъ котораго человѣкъ, становясь создателемъ, создаетъ свой міръ, основы и условія своего человѣческаго существованія, завоевывая въ то же время для себя свободу и человѣчность. Религія убиваетъ въ нихъ эту производительную силу, научая ихъ презирать земную жизнь, въ виду небеснаго блаженства, представляя имъ трудъ, какъ проклятіе или заслуженное наказаніе, а безпѣлье,—какъ божеское преимущество. Она убиваетъ въ нихъ справедливость — строгаго охранителя братства и главное условіе мира, склоняясь всегда въ пользу сильныхъ міра сего, этихъ привиллегированныхъ объектовъ

заботы, милости и благословенія Божьяго. Наконецъ, она убиваетъ въ нихъ человѣчность, замѣняя ее въ сердцахъ людскихъ божеской жестокостью.

Всякая религія основана на крови, ибо всѣ онѣ, какъ извѣстно, покоются. главнымъ образомъ, на идеѣ жертвоприношенія, т. е. на безпрерывномъ приношеніи человѣчества въ жертву ненасытной мести божества.

Въ этомъ кровавомъ таинствѣ человѣкъ всегда жертва, а жрецъ—также человѣкъ, но излюбленный милостью божьей, божественный палачъ. Это намъ объясняетъ, почему жрецы всѣхъ религій, самые лучшіе, самые гуманные, самые мягкіе, почти всегда таятъ въ глубинѣ своего сердца, а если не въ немъ, то въ умѣ или воображеніи (а вліяніе того и другого на душу извѣстны) нѣчто жестокое и кровожадное, и почему, когда повсюду былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи смертной казни, священники — римско-католической, православной россійской и греческой и протестантской церквей—всѣ единодушно высказались за сохраненіе ея!

Христіанская религія больше всякой другой основана на крови и исторически освящена ею. Сочтите милліоны жертвъ, которыя принесла жестокой мстительности своего Бога эта религія любви и всепрощенія. Вспомните пытки, которыя она изобрѣла и расточала. Стала ли она мягче и гуманнѣй теперь? Нѣтъ, расшатанная равнодушіемъ и сомнѣніемъ она только стала безсильной или, вѣрнѣе, менѣе могущественной, ибо она до сихъ поръ не лишилась могущества зла. Взгляните на страны, гдѣ, наэлектризованная реакціонными страстями она кажется возрождающейся: не является ли всегда ея первымъ словомъ «месть и кровь», вторымъ «отреченіе отъ человѣческаго разума» и заключеніемъ «рабство»? До тѣхъ поръ, пока христіанство и его священники, пока религія какого бы то ни было божества сохраняетъ малѣйшее вліяніе на народныя массы — разумъ, свобода, человѣчность, справедливость не восторжествуютъ на землѣ, ибо пока народныя массы будутъ во власти религіозныхъ предразсудковъ, онѣ будутъ орудіемъ всѣхъ видовъ тираніи, сплотившихся противъ освобожденія человѣчества. И такъ для насъ весьма важно освободить народныя массы отъ религіозныхъ суевѣрій не только изъ любви къ нимъ, но также и ради самихъ себя, чтобы спасти свою свободу и безопасность. Мы можемъ достигнуть этой цѣли только двумя путями: раціональной науки и проповѣди соціализма.

Мы понимаемъ подъ раціональной наукой такую науку, которая, освободившись отъ всякихъ призраковъ метафизики и религіи, отличается отъ наукъ строго экспериментальныхъ и критическихъ во 1) тѣмъ, что не ограничиваетъ своихъ изслѣдованій тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ предметомъ. но старается охватить міръ въ цѣломъ, по скольку онъ изслѣдованъ, ибо ей нечего

дѣлать съ неизвѣстнымъ, во 2) тѣмъ, что пользуется не только исключительно аналитическимъ методомъ, на подобіе вышеупомянутыхъ наукъ, но позволяетъ себѣ прибѣгать къ синтезу, пользуясь довольно часто сопоставленіемъ и дедукціей, но придавая всегда этимъ синтезамъ значеніе предположеній до тѣхъ поръ, пока они не будутъ всецѣло подтверждены самымъ строгимъ анализомъ, опытнымъ и критическимъ. Гипотезы раціональной науки отличаются отъ таковыхъ метафизики тѣмъ, что эта послѣдняя, выводя ихъ какъ логическія послѣдствія абсолютной системы, стремится заставить природу признать ихъ, въ то время, какъ построенія раціональной науки, вытекающія не изъ трансцендентальной системы, но изъ синтеза, являющагося выводомъ или общимъ выраженіемъ ряда фактовъ, подтвержденныхъ опытомъ, никогда не могутъ имѣть такого повелительнаго и обязательнаго характера, будучи всегда такъ представляемы, чтобы ихъ можно было изъять, какъ только онѣ будутъ опровергнуты новыми опытами. Раціональная философія или универсальная наука не поступаетъ ни аристократически, ни властно, какъ покойная госпожа метафизика. Эта послѣдняя, организуясь всегда путемъ дедукціи и синтеза, выставляла себя признающей автономію и свободу отдѣльныхъ наукъ; на самомъ дѣлѣ она страшно ограничивала ихъ, вплоть до навязыванія имъ законовъ и даже фактовъ, которые часто невозможно было найти въ природѣ, и до воспрещенія имъ заниматься опытами, выводы которыхъ могли обратить въ ничто всѣ ея теоріи. Метафизика повидимому дѣйствовала по методу централизованныхъ государствъ.

Раціональная философія, наоборотъ, наука вполнѣ демократическая. Она свободно организуется отъ частнаго къ общему и имѣетъ единственнымъ основаніемъ опытъ. *Ничто не можетъ быть ею принято, не будучи предварительно подвергнуто дѣйствительному анализу и подтверждено опытомъ или самой строгой критикой.* Слѣдовательно, Богъ, безконечное, Абсолютъ, всѣ эти столь излюбленные метафизикой объекты, совершенно исключаются ею. Она безучастно отворачивается отъ нихъ, разсматривая ихъ, какъ миражи и привидѣнія. Но такъ какъ миражи и привидѣнія играютъ видную роль въ развитіи человѣческаго ума, ибо человѣкъ обыкновенно приходитъ къ познанію простой истины только переживъ всевозможныя иллюзіи, и такъ какъ развитіе человѣческаго ума одинъ изъ реальныхъ объектовъ науки,—то наша естественная философія отводитъ имъ соотвѣтствующее мѣсто, занимаясь ими только съ точки зрѣнія исторіи и стараясь намъ въ то же время показать причины физіологическія и историческія, объясняющія возникновеніе, развитіе и паденіе религіозныхъ и метафизическихъ идей, такъ же, какъ ихъ относительную и преходящую необходимость въ эволюціи человѣческаго ума. Такимъ образомъ естественная философія воздаетъ имъ должное, затѣмъ совершенно отворачивается отъ нихъ.

Предметомъ ея изученія является реальный и доступный познанію міръ. Съ точки зрѣнія рациональнаго философа въ мірѣ есть только бытіе и наука. Поэтому онъ стремится обнять и согласовать всѣ отдѣльныя науки въ одну систему. Это сочетаніе всѣхъ положительныхъ наукъ въ одно общее знаніе составляетъ позитивную философію или универсальную науку. Являясь одновременно наслѣдницей и полнѣйшимъ отрицаніемъ религіи и метафизики, эта философія, предчувствуемая и подготовляемая издавна благороднѣйшими умами, была впервые приведена въ нѣльную систему великимъ французскимъ мыслителемъ Огюстомъ Контомъ, начертавшимъ смѣлой и свѣдущей рукой первый планъ ея.

Сочетаніе, устанавливаемое позитивной философіей, не есть простое нагроможденіе, это нѣчто въ родѣ органическаго соединенія, которое, начиная съ самой абстрактной науки, предметомъ которой являются самые простые факты—математики, постепенно переходитъ къ наукамъ относительно болѣе конкретнымъ, охватывающимъ все болѣе сложные факты. Такимъ образомъ отъ чистой математики переходятъ къ механикѣ, астрономіи, физикѣ, химіи, геологіи и біологіи (включая сюда классификацію, анатомію и физіологію сперва растительнаго, а затѣмъ животнаго царства), заканчивая соціологіей, которая обнимаетъ всю человѣческую исторію, каково развитіе человѣческаго существа, коллективнаго и индивидуальнаго, въ жизни политической, экономической, соціальной, религіозной, артистической и научной. Между всѣми этими науками, которыя слѣдуютъ одна за другой, начиная съ математики и до соціологіи включительно, нѣтъ никакого нарушенія непрерывности. Единое существо, единое знаніе и въ основѣ одинъ и тотъ же методъ, усложняющійся по необходимости, по мѣрѣ того, какъ факты, подлежащіе изученію становятся болѣе сложными; каждая послѣдующая наука широко и исключительно основывается на предшествующей и, поскольку это допускается современнымъ состояніемъ нашихъ реальныхъ знаній, является ея неизбѣжнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ.

Любопытно замѣтить, что классификація наукъ, установленная Огюстомъ Контомъ, почти такова, какъ въ энциклопедіи Гегеля, величайшаго метафизика прошлаго и настоящаго, на долю котораго выпало счастье и слава довести развитіе спекулятивной философіи до высшей точки, вслѣдствіе чего она съ этого момента, побуждаемая собственной логикой, должна была разрушить самое себя. Но между Огюстомъ Контомъ и Гегелемъ огромная разница. Въ то время какъ послѣдній, какъ истинный метафизикъ, одухотворялъ матерію и природу, создавая ихъ логически т. е. умозрительно, Огюстъ Контъ, наоборотъ, матеріализовалъ духъ, основывая его исключительно на матеріи. Въ этомъ его безграничная слава.

Такъ психологія, эта столь важная наука, что составляла

даже основу метафизики, и разсматривалась спекулятивной философіей, какъ міръ quasi абсолютный, самозародившійся и независимый отъ всякаго матеріальнаго воздѣйствія, въ системѣ Огюста Конта основывается только на физіологіи, и есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе этой послѣдней: потому то, что мы называемъ умомъ, воображеніемъ, памятью, чувствомъ, ощущеніемъ и волей, съ нашей точки зрѣнія ничто иное, какъ различныя способности, отправленія и дѣйствія человѣческаго организма.

Съ этой точки зрѣнія, людской міръ, его развитіе и исторія, которые мы до сихъ поръ разсматривали, какъ проявленіе идеи теологической, метафизической и правовополитической и къ изученію которыхъ мы должны теперь вновь приступить, принимая за исходную точку всю природу, а руководящею нитью собственную физіологію человѣка, являются предъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ, болѣе естественномъ, болѣе широкомъ, болѣе человѣчномъ и богатомъ для изученія въ будущемъ.

Такимъ образомъ, уже предвидится на этомъ пути возникновеніе новой науки — соціологіи, т. е. науки объ общихъ законахъ, управляющихъ развитіемъ человѣческаго общества. Эта наука будетъ послѣднимъ словомъ и вѣнцомъ позитивной философіи. Исторія и статистика намъ показываютъ, что соціальный организмъ, какъ и всякій другой природный организмъ, подчиняется въ своемъ развитіи и превращеніяхъ общимъ законамъ, которые являются столь же необходимыми, какъ и законы міра физическаго. Выдѣлить эти законы изъ событій прошлаго и массы фактовъ настоящаго — вотъ каковъ предметъ этой науки. Помимо огромнаго интереса, который она уже представляетъ для ума, она обѣщаетъ намъ въ будущемъ великую пользу на практикѣ, точно такъ, какъ мы можемъ управлять природой и видоизмѣнять ее, согласно прогрессирующимъ потребностямъ нашимъ, только благодаря пріобрѣтенному нами знанію ея законовъ, мы сможемъ осуществить нашу свободу и благоденствіе въ мірѣ соціальномъ, только считаясь съ естественными и постоянными законами, которые имъ управляютъ. Съ того момента, какъ мы признали, что пропасть, которая въ воображеніи теологовъ и метафизиковъ должна была отдѣлить духъ отъ природы, не существуетъ, мы должны разсматривать человѣческое общество, какъ организмъ, хотя безусловно болѣе сложный, чѣмъ всякій другой, но естественный и повинующійся тѣмъ же (общимъ) законамъ съ присовокупленіемъ другихъ, специально ему свойственныхъ. Разъ это принято, ясно, что знаніе и строгое соблюденіе этихъ законовъ становится неизбѣжнымъ, необходимымъ, для того, чтобы предпринимаемыя нами соціальныя преобразованія были жизнеспособны.

Съ другой стороны мы знаемъ, что соціологія — наука едва нарождающаяся, что она еще въ періодѣ созиданія, и, если мы ста

немъ судить объ этой наукѣ, самой трудной изъ всѣхъ, по примѣру другихъ, мы должны признать, что ей нужны будутъ вѣка, по меньшей мѣрѣ, столѣтіе, чтобы сформироваться окончательно и стать наукой серьезной, сколько нибудь удовлетворительной и полной. Какъ быть? Должно ли страждущее человѣчество, чтобы освободиться отъ угнетающихъ его бѣдствій, ждать еще столѣтіе или болѣе того, пока позитивная соціологія, окончательно установившаяся, объявитъ ему, что она, наконецъ, въ состояніи дать нужныя для раціональнаго преобразованія указанія и наставленія?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Прежде всего, чтобы ждать еще нѣсколько вѣковъ нужно терпѣніе... по старой привычкѣ мы хотѣли сказать «терпѣніе нѣмцевъ», но остановились, подумавши, что въ примѣненіи этой добродѣтели теперь другіе народы превзошли нѣмцевъ. Затѣмъ, допустимъ даже, что у насъ хватитъ возможности и терпѣнія ждать. чѣмъ будетъ общество, являющееся воплощеніемъ и примѣненіемъ науки, хотя бы эта наука была самой совершенной и обширной въ мірѣ? ничтожествомъ. Представьте себѣ міръ, который заключалъ бы въ себѣ только то, что умъ человѣческій до сихъ поръ подмѣтилъ, узналъ и понялъ, — не будетъ ли это ничтожный домишко на ряду съ существующимъ міромъ?

Мы полны уваженія къ наукѣ, мы смотримъ на нее, какъ на одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ, какъ на одно изъ самыхъ чистыхъ завоеваній человѣчества. Ею человѣкъ отличается отъ животнаго, нынѣ его младшаго брата, нѣкогда предка; благодаря наукѣ онъ становится способнымъ къ свободѣ. Тѣмъ не менѣе необходимо ограничить науку, напомнить ей, что она не *все*, что она только часть, а *все*—это жизнь: всеобщая жизнь міровъ, или, чтобы не потеряться въ безпредѣльномъ и неизвѣстномъ, жизнь нашей солнечной системы или даже только земного шара; наконецъ, ограничиваясь еще меньшимъ: жизнь міра человѣческаго—движеніе, развитіе жизни человѣческаго общества на землѣ. Все это безконечно пространнѣе, шире, глубже и богаче науки, и никогда не будетъ исчерпано ею.

Жизнь, взятая въ такомъ всеобъемлющемъ смыслѣ, не есть примѣненіе какой либо теоріи человѣческой или божественной, это созиданіе, сказали бы мы охотно, если бы не боялись создать недоразумѣніе этимъ словомъ; сравнивая народы — творцовъ собственной исторіи съ артистами, мы спросили бы, ждали ли когда либо великіе поэты, пока наука найдетъ законы поэтическаго творчества, чтобы создать свои безсмертныя творенія? Не создали развѣ Эсхилъ и Софоклъ свои великолѣпныя трагедіи значительно раньше, чѣмъ Аристотель слѣпилъ по ихъ произведеніямъ первую эстетику?

Была ли когда-либо теорія источникомъ вдохновенія Шекспира, и не создалъ ли своими симфоніями Бетховенъ болѣе широкія основы контрапункта? Что представляло бы изъ себя произведеніе

искусства, созданное по репенту самой лучшей эстетики? Опять таки, ничтожество. Но вѣдь и народы, созидающіе свою исторію столь же богаты инстинктомъ, столь же могучіе творцы и на столько же независимы отъ г.г. ученыхъ, какъ и художники и поэты.

Если мы колеблемся употреблять слово «созиданіе», то изъ боязни, что ему придадутъ такой смыслъ, какого мы не можемъ допустить. Кто говоритъ «твореніе», тотъ этимъ какъ будто удостовѣряетъ существованіе «творца», а мы отрицаемъ единаго творца, какъ для міра человѣческаго, такъ и физическаго, причемъ оба эти міра въ нашихъ глазахъ представляютъ одно цѣлое. Даже говоря о народахъ, какъ о «творцахъ» своей исторіи, мы сознаемъ, что употребляемъ выраженіе переносное, дѣлаемъ неправильное сопоставленіе. Каждый народъ есть организмъ коллективный, обладающій несомнѣнно спеціально ему свойственными особенностями физіолого-психологическаго и соціально-политическаго характера, которыми онъ отличается отъ другихъ народовъ, такъ сказать индивидуализуется; но онъ никакъ не является индивидуумомъ, существомъ единымъ и нераздѣльнымъ въ прямомъ смыслѣ этого слова. Словомъ, ни одинъ народъ, сколь сплоченнымъ бы себя онъ не чувствовалъ, никогда не сможетъ сказать; «я хочу»; онъ всегда долженъ будетъ говорить: «мы хотимъ». Только индивидуумъ можетъ сказать «я хочу». Если вамъ говорятъ отъ имени всего народа: «онъ желаетъ», то знайте, что подъ этимъ скрывается какой-либо узурпаторъ, будь то отдѣльная личность или цѣлая партія.

Подъ словомъ «созданіе» мы не разумѣемъ здѣсь ни теологическаго или мистическаго творчества, ни творчества художественнаго, научнаго или промышленнаго, ни вообще какого либо дѣла рукъ создателя—индивидуума. Мы просто подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ продуктъ безконечно сложнаго, безчисленнаго множества причинъ, крайне разнообразныхъ, великихъ и малыхъ, частью извѣстныхъ, но огромное большинство которыхъ еще не познано, которыя въ данный моментъ, сочетавшись не безъ смысла, конечно, но безъ предусмотрѣннаго и предначертаннаго плана, создали фактъ.

Но въ такомъ случаѣ, скажутъ намъ, исторія и судьбы человѣческаго общества представляли бы собой хаосъ и были бы игрушкой случая? Наоборотъ, только съ того момента, когда исторія освобождается отъ всякаго произвола божескаго и человѣческаго, она является предъ нами во всемъ внушительномъ и раціональномъ величіи необходимаго развитія и роста, какъ и природа органическая и физическая, непосредственнымъ продолженіемъ которой она служитъ. Эта послѣдняя, не взирая на неизсякаемое богатство и разнообразіе существъ, составляющихъ ее, никоимъ образомъ не являетъ хаоса, а представляетъ великолѣпно организо-

ванный міръ, каждая часть котораго, такъ сказать, поддерживаетъ логически необходимое соотношеніе съ другими.

Въ такомъ случаѣ, скажутъ намъ, былъ распорядитель? Вовсе нѣтъ, распорядитель, будь онъ даже Богомъ, могъ бы только нарушить своимъ личнымъ произволомъ естественный порядокъ и логическое развитіе вещей, а мы видѣли, что основное свойство божества во всѣхъ религіяхъ быть верховнымъ, т. е., противнымъ всякой логикѣ, признавая только свою собственную: логику естественной невозможности или абсурда *).

Ибо что такое логика, если не естественное теченіе или развитіе вещей или естественный путь, по которому многія побудительныя причины создаютъ фактъ. Итакъ, мы можемъ установить слѣдующую очень простую, но рѣшительную аксіому: «Все, что естественно-логично, и все, что логично, либо уже воплощено, либо будетъ осуществлено въ мірѣ дѣйствительномъ; точнѣе говоря, въ природѣ и въ ея дальнѣйшемъ развитіи—въ естественной исторіи человѣческаго общества.

Вопросъ въ томъ, что логично въ природѣ и въ исторіи? Это не такъ легко опредѣлить, какъ кажется съ перваго взгляда. Чтобы знать это въ совершенствѣ, никогда не ошибаясь, нужно быть освѣдомленнымъ о всѣхъ причинахъ, вліяніяхъ, дѣйствіяхъ и противодѣйствіяхъ, которыя опредѣляютъ природу существа или факта, не упуская изъ виду ни единаго момента, какъ бы незначителенъ и отдаленъ онъ ни былъ. Гдѣ та философія или наука, которая могла бы льстить себя надеждой быть въ состояніи когда либо охватить и исчерпать своимъ анализомъ все? Нужно быть очень ограниченнымъ умомъ, очень мало сознавать всю безконечность сокровищъ міра реальнаго, чтобы претендовать на это. Нужно ли изъ-за этого терять довѣріе къ наукѣ? Нужно-ли отречься отъ нея потому, что она дастъ только то, что можетъ? Это будетъ новое безуміе, еще болѣе прискорбное, чѣмъ первое. Лишитесь науки—и вы возвратитесь къ состоянію гориллъ—нашихъ предковъ, и вы вынуждены будете въ теченіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ вновь пройти весь тотъ путь, который совершило человѣчество при фантасмагорическомъ освѣщеніи религіи и метафизики, чтобы достичь того, правда, несовершеннаго но, по крайней мѣрѣ, очень опредѣленнаго свѣточа, которымъ владѣемъ мы теперь.

*) Сказать, что Богъ не противоположенъ логикѣ, значитъ утверждать, что онъ совершенно тождественъ съ ней, что онъ сама логика т. е., естественное теченіе и развитіе реальнаго міра т. е., что онъ не существуетъ. Существованіе Бога имѣетъ смыслъ только, какъ отрицаніе естественныхъ законовъ, отсюда вытекаетъ слѣдующее неопровержимое положеніе: Богъ существуетъ значитъ нѣтъ законовъ природы и она представляетъ собой хаосъ. Міръ не хаосъ, онъ самъ по себѣ организованъ—значитъ Бога нѣтъ.

Величайшей и самой рѣшительной побѣдой науки въ наше время является, какъ мы уже указали, включеніе психологіи въ біологію; установленіе того, что всѣ интелектуальныя и моральныя явленія, отличающія человѣка отъ всѣхъ другихъ видовъ животныхъ, каковы мысль, проявленія человѣческаго разума и дѣйствія разумной воли, имѣютъ единственнымъ источникомъ организмъ человѣка, несомнѣнно болѣе совершенный, но тѣмъ не менѣе чисто матеріальный, безъ всякаго участія духа или какого-нибудь иного внѣматеріальнаго начала; словомъ, что они являются продуктами отъ сочетанія различныхъ функцій мозга, чисто физіологическаго свойства.

Это открытіе неизмѣримо велико, какъ для науки, такъ и для жизни: благодаря ему наука о мірѣ человѣческомъ, включающая въ себя антропологію, психологію, логику, мораль, соціальную экономію, политику, эстетику, исторію и даже самую теологію и метафизику, словомъ соціологія—становится возможной. Между ею и человѣкомъ и природой послѣдовательная связь больше не прерывается: но, точно также, какъ міръ органическій, представляя собой непосредственное и прямое дальнѣйшее развитіе неорганическаго міра, существенно отличается отъ него введеніемъ новаго активнаго элемента: *органической матеріи*, которая является не продуктомъ вмѣшательства какой либо сверхестественной силы, а результатомъ сочетаній, до сихъ поръ намъ неизвѣстныхъ, самой органической матеріи, и которая, въ свою очередь, на почвѣ и въ условіяхъ неорганическаго міра, высшимъ продуктомъ котораго она сама является, создаетъ всѣ богатства міра растительнаго и животнаго; точно такъ же, говоримъ мы, міръ человѣческій, будучи непосредственнымъ продолженіемъ міра органическаго, отличается отъ него коренным образомъ новымъ элементомъ: мыслью, продуктомъ чисто физіологической дѣятельности мозга, создающей въ свою очередь въ этой матеріальной средѣ, въ условіяхъ существованія органическаго и неорганическаго міра, высшимъ выводомъ которыхъ она, такъ сказать, является, все то, что мы называемъ развитіемъ человѣка—умственнымъ, моральнымъ, политическимъ и соціальнымъ, создающей исторію человѣчества.

Для людей, которые мыслятъ реально и логично и умъ которыхъ развился до современной высоты науки, это единство *міра* или *бытія* фактъ свершившійся. Но невозможно не признать, что фактъ столь простой и очевидный, что все ему противорѣчащее намъ отнынѣ является абсурдомъ, что этотъ фактъ, говоримъ мы, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ сознаніемъ всего человѣчества, которое, безотносительно къ различнымъ формамъ, въ какихъ оно проявлялось въ исторіи, всегда единодушно признавало существованіе двухъ разныхъ міровъ: міра духовнаго и міра матеріальнаго, міра божественнаго и міра реальнаго. Начиная съ

грубѣйшихъ идолопоклонниковъ, обоготворяющихъ въ окружающемъ мірѣ дѣйствіе сверхъестественной силы, воплощенной въ какомъ либо матеріальномъ образѣ, всѣ народы вѣрили, всѣ вѣрятъ и теперь въ существованіе какого-нибудь божества. Это внушительное единодушіе, по мнѣнію многихъ, стоитъ всѣхъ доводовъ науки; а если логика небольшого числа мыслителей, послѣдовательныхъ, но единичныхъ, несогласна съ этимъ, то тѣмъ хуже для этой логики, ибо единодушное согласіе, всеобщее признаніе какой-либо идеи всегда принимались за самое убѣдительное доказательство ея истинности; и совершенно основательно, ибо чутье всего свѣта и во всѣ эпохи не можетъ заблуждаться, оно должно корениться въ существенной потребности, присущей самой природѣ всего человѣчества. Если вѣрно, что въ силу этой потребности человѣкъ стремится вѣрить въ существованіе Бога, то невѣрующій, какова бы ни была логика, приведшая его къ этому, является неестественнымъ исключеніемъ—чудовищемъ.

Вотъ излюбленная аргументація многихъ современныхъ теологовъ и метафизиковъ, не исключая самого знаменитаго Мадзини, который не умѣетъ обойтись безъ Бога, чтобы основать свою аскетическую республику и убѣдить признать ее народныя массы, свободу и благополучіе которыхъ онъ систематически приноситъ въ жертву величію идеальнаго государства.

Итакъ давность и универсальность вѣры въ Бога, вопреки всякой наукѣ и логикѣ, должны стать неопровержимыми доказательствами существованія Бога. Почему же такъ? До Коперника и Галилея всѣ, за исключеніемъ можетъ быть однихъ только пиѳагорійцевъ, вѣрили, что солнце вращается вокругъ земли: можетъ ли эта вѣра служить доказательствомъ истинности самого положенія? Съ момента историческаго возникновенія общества до нашихъ дней всегда и вездѣ происходила эксплуатація каторжнаго труда рабочихъ массъ, рабовъ или наемниковъ нѣкоторымъ побѣдоноснымъ меньшинствомъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что эксплуатація чужого труда паразитами не есть беззаконіе, грабежъ и кража? Вотъ два примѣра, показывающіе, что доказательства нашихъ современныхъ деистовъ ничего не стоятъ.

Въ сущности нѣтъ ничего болѣе универсальнаго и древняго, чѣмъ нелѣпость, между тѣмъ, какъ истина всегда относительно моложе, являясь постоянно результатомъ, продуктомъ, но никогда началомъ исторіи. Человѣкъ, по происхожденію родичъ, если не прямой потомокъ гориллы, началъ глубокимъ мракомъ животныхъ инстинктовъ, чтобы добраться до сіянія разума, что вполнѣ естественно объясняетъ всѣ его прошлыя колебанія и успокаиваетъ относительно современныхъ заблужденій. Вся исторія человѣка есть ничто

иное, какъ прогрессивное удаленіе его отъ животнаго состоянія путемъ развитія человѣчности.

Итакъ, древность идеи далеко не говоритъ въ пользу ея, а, наоборотъ, дѣлаетъ ее подозрительной. Что касается универсальности заблужденій, то она доказываетъ только одно: единство человѣческой природы во всѣ времена и во всѣхъ странахъ.

Всѣ народы и во всѣ времена вѣрили и вѣрятъ въ Бога; но мы, нисколько не смущаясь этимъ безусловно неоспоримымъ фактомъ, хотя неспособнымъ у насъ превозмочь логику и науку, должны попросту признать, что идея божества, несомнѣнно исходящая отъ насъ самихъ, есть заблужденіе, необходимое въ процессѣ развитія человѣчества, и задать себѣ вопросъ, какъ и почему она зародилась и почему она остается и понынѣ необходимой для подавляющаго большинства человѣчества? До тѣхъ поръ, пока мы на основаніи исторіи не будемъ въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какимъ путемъ идея о сверхъестественномъ или божескомъ мірѣ возникла и почему она обязательно должна была возникнуть при естественномъ развитіи человѣческаго ума и общества, мы не въ состояніи будемъ подорвать ее въ умахъ людскихъ, сколько бы наука ни убѣждала насъ въ нелѣпости этой идеи, такъ какъ безъ этихъ знаній мы не съумѣемъ напасть на нее въ глубинахъ человѣческаго существа, тамъ, гдѣ она коренится, и осужденные на безплодную и безконечную борьбу, вынуждены будемъ удовлетворяться поверхностной борьбой съ тысячами проявленій ея. Низверженныя здравымъ смысломъ нелѣпости эти тотчасъ же возродятся въ новой и столь же безумной формѣ, ибо, пока вѣра въ Бога не будетъ подорвана въ корнѣ, она будетъ давать все новые отпрыски. Такъ въ нѣкоторыхъ классахъ нынѣшняго цивилизованнаго общества спиритизмъ старается упрочиться на развалинахъ христіанства.

Еще болѣе намъ необходимо разобраться въ этомъ для самихъ себя; сколько бы мы не называли себя атеистами, пока мы не постигнемъ историческаго, естественнаго зарожденія идеи Бога въ человѣческомъ обществѣ, мы болѣе или менѣе будемъ подвластны голосу всеобщаго сознанія, въ тайну котораго, т. е. естественную причину котораго мы не проникли, и, принимая во вниманіе естественную слабость индивидуума противъ окружающей соціальной среды, мы всегда рискуемъ вернуться во власть религіозныхъ абсурдовъ. Примѣры такого печальнаго возвращенія часты въ современномъ обществѣ.

Мы больше, чѣмъ когда либо убѣждены, милостивые государи, въ неотложности разрѣшенія слѣдующаго вопроса въ данную минуту.

*Разъ человѣкъ составляетъ съ природой одно цѣлое, **являясь только матеріальнымъ продуктомъ** безконечнаго*

множества исключительно матеріальныхъ причинъ, то откуда взялась эта двойственность: какъ могло предположеніе о существованіи двухъ противоположныхъ міровъ, одного духовнаго, другого матеріальнаго, одного божественнаго, другого земного зародиться, установиться и проникнуть такъ глубоко въ человѣческое сознаніе?

Мы такъ глубоко убѣждены, что отъ разрѣшенія этого важнаго вопроса зависитъ наше окончательное и полное освобожденіе отъ цѣпей любой религіи, что просимъ позволенія изложить по этому поводу наши разсужденія.

Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что мы трактуемъ вопросы теологіи и метафизики въ политико-соціальномъ произведеніи. Но по нашему глубочайшему убѣжденію вопросы эти нельзя отдѣлять отъ вопросовъ соціализма и политики. Міръ реакціи, побуждаемый неотразимой логикой, становится все религіознѣе и религіознѣе. Онъ поддерживаетъ папу въ Римѣ, преслѣдуетъ естественныя науки въ Россіи, беретъ во всѣхъ странахъ подъ небесное покровительство беззаконія военныя и гражданскія, политическія и соціальныя, широко покровительствуя, въ свою очередь, Богу въ церквяхъ и школахъ при содѣйствіи науки лицемѣрно-религіозной, рабской, покладистой, неуклюже догматической и вообще всѣми мѣрами, какими располагаетъ государство. Царство Божье въ небесахъ, отражающееся на землѣ въ открытомъ или замаскированномъ царствѣ кнута и узаконенной эксплуатаціи порабощенныхъ массъ—таковъ нынѣ религіозный, соціальный, политическій и неизбѣжно-логическій идеалъ реакціонной части Европы. Зато изъ противоположныхъ основаній революція должна быть атеистична: историческій опытъ и логика одновременно показали, что достаточно одного господина въ небесахъ, чтобы ихъ развелись тысячи на землѣ.

Въ концѣ концовъ, развѣ соціализмъ по самой сути своей, стремящійся къ реализаціи здѣсь на землѣ благополучія и иныхъ назначеній человѣческихъ, внѣ всякихъ небесныхъ наградъ, не есть осуществленіе и тѣмъ самымъ отрицаніе любой религіи, ибо съ момента удовлетворенія ея упованій, она теряетъ всякій смыслъ существованія.

Излагая свои мысли о происхожденіи религій, мы постараемся быть по возможности краткими и избѣгать отвлеченностей.

Не желая углубляться въ философскія разсужденія о природѣ бытія, мы считаемъ возможнымъ установить, какъ аксіому слѣдующее положеніе. *„Все, что существуетъ, вся существа, образующія безконечное цѣлое Вселенной, вся предметы міра сего, какова бы ни была ихъ природа, въ отношеніи количества и качества, большіе, средніе и микроскопически малые, близкіе или безконечно далекіе, невольно и безсознательно, прямо или косвенно,—ока*

зываютъ другъ на друга постоянное взаимодѣйствіе, которое сочетаясь въ единое движеніе, образуетъ то, что мы называемъ міровой солидарностью, жизнью и причинностью. Назовите эту солидарность Богомъ, если это вамъ пріятно, насъ это не интересуетъ, лишь бы вы не придавали этому Богу иного смысла, чѣмъ тотъ, который мы только что опредѣлили: смысла сочетаній безконечнаго множества отдѣльныхъ воздѣйствій всеобщихъ, естественныхъ и необходимыхъ. Эта солидарность, вѣчно движущаяся и дѣятельная, эта міровая жизнь можетъ быть нами логически представлена, но никогда не можетъ быть въ дѣйствительности охвачена даже нашимъ воображеніемъ, а тѣмъ менѣе познана. Ибо мы можемъ познавать только то, что передается намъ нашими чувствами, а они всегда въ состояніи будутъ охватить только безконечно малую часть вселенной. Само собой разумѣется, что мы разсматриваемъ эту солидарность не какъ первопричину, но какъ производную, вѣчно возобновляемую одновременнымъ дѣйствіемъ всѣхъ отдѣльныхъ причинъ,—дѣйствіемъ, создающимъ именно міровую причинность. Опредѣливши ее такимъ образомъ, мы теперь можемъ сказать, не боясь вызвать какое либо недоразумѣніе, что міровая жизнь создаетъ міры. Она опредѣлила геологическое, климатологическое и географическое строеніе земли нашей, и разсѣявши по ея поверхности всѣ богатства и сокровища органической жизни, продолжаетъ создавать міръ (людской) человѣческій: общество со всѣмъ его развитіемъ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ.

Понятно, что въ творчествѣ, такъ понимаемомъ, не можетъ быть и рѣчи ни о предшествующихъ идеяхъ, ни о законахъ предписанныхъ или предвзятыхъ. Въ дѣйствительномъ мірѣ прежде всего появляются факты, созданные взаимодѣйствіемъ безчисленныхъ вліяній и условій, затѣмъ вмѣстѣ съ мыслящимъ человѣкомъ является сознаніе этихъ фактовъ и изученіе болѣе или менѣе обстоятельное и совершенное пути, способовъ, какими они создавались; когда мы въ какомъ либо рядѣ фактовъ замѣчаемъ, что одинъ и тотъ же способъ или путь часто или почти всегда повторяется, мы называемъ его *закономъ* природы. Подъ словомъ *природа* мы подразумѣваемъ не какую либо мистическую, пантеистическую или матеріальную идею, а просто всю сумму существъ, фактовъ и тѣхъ процессовъ, которыми эти послѣдніе создаются. Очевидно, что въ такой природѣ, благодаря стеченію однихъ и тѣхъ же условій и вліяній, а, можетъ быть, и въ силу стремленій, однажды принятыхъ волной безпрерывнаго творчества и ставшихъ постоянными вслѣдствіе частаго повторенія, одни и тѣ же законы постоянно воспроизводятся въ нѣкоторыхъ группахъ явленій и, что только благодаря этому постоянству процессовъ въ природѣ, умъ человѣческій могъ установить и познать то, что мы называемъ механическими, физи-

ческими, химическими и физіологическими законами; этимъ же постоянствомъ объясняется почти періодичность видовъ, родовъ и разновидностей, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, съ которой развивалась до сихъ поръ органическая жизнь на землѣ. Это постоянство и періодичность не безусловны (абсолютны), онѣ оставляютъ всегда широкій просторъ тому, что мы неправильно называемъ аномаліями и исключеніями—крайне несправедливый способъ выраженія, ибо факты, къ которымъ онъ относится, только показываютъ, что общія правила, признанныя нами законами природы, будучи только отвлеченіями, выдѣленными нашимъ умомъ изъ дѣйствительнаго развитія вещей, не въ состояніи охватить, исчерпать и объяснить все безконечное богатство этого развитія. Кромѣ того, Дарвиномъ блестяще было доказано, что эти мнимыя аномаліи, сочетаясь чаще всего между собой и укрѣпляясь вслѣдствіе этого, дѣлая, такъ сказать, обычными новые пути, новые способы своего возникновенія и существованія въ природѣ, именно и представляютъ тотъ процессъ, которымъ органическая жизнь создаетъ новыя разновидности и виды. Такимъ образомъ, начавши съ простѣйшей едва опредѣлившейся клѣточки, и проведя ее сквозь всѣ преобразованія сначала растительнаго, а затѣмъ животнаго организма, она создала человѣка.

Будетъ ли человѣкъ всегда единственнымъ, послѣднимъ и самымъ совершеннымъ продуктомъ органической жизни на землѣ? Кто можетъ поручиться и поклясться, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ не выдѣлится изъ высшей разновидности рода человѣческаго категорія существъ, превосходящихъ человѣка и стоящихъ къ нему въ такомъ отношеніи, въ какомъ онъ находится къ горилѣ! Во всякомъ случаѣ, да успокоится наше тщеславіе. Процессы природы свершаются очень медленно, а пока ничто въ современномъ состояніи человѣчества не указываетъ на вѣроятность зарожденія высшаго вида. Да, наконецъ, развѣ природа не продолжаетъ всегда непосредственно свою дѣятельность безпрерывнаго созиданія въ историческомъ развитіи человѣческаго общества? Не ея вина, что мы въ умѣ своемъ совершенно отдѣлили этотъ міръ, человѣческое общество, отъ того, что мы называемъ исключительно міромъ природы.

Причина такого раздѣленія кроется въ самой природѣ нашего ума, существенно отличающаго человѣка отъ животныхъ всѣхъ другихъ видовъ. Мы должны тѣмъ не менѣе признать, что человѣкъ не единственное разумное животное на землѣ. Очень далекая отъ такого взгляда сравнительная психологія показываетъ намъ, что нѣтъ животныхъ, совершенно лишенныхъ ума, и что чѣмъ больше какой-либо видъ приближается по своему строенію, а въ особенности по развитію мозга къ роду человѣческому, тѣмъ болѣе развивается и возвышается умъ его. Но только у человѣка онъ дости-

гаетъ той степени, которую можно назвать способностью мыслить, т. е., сочетать представленія о предметахъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, данныя намъ нашими чувствами, образовывать изъ нихъ группы, сравнивать и сочетать эти различныя группы, уже не реальные предметы, воспринимаемые нашими чувствами, но выводы, сдѣланные нами первымъ примѣненіемъ способности, называемой сужденіемъ. усвоенные нашей памятью, и дальнѣйшее сочетаніе которыхъ той же способностью создаетъ то, что мы называемъ идеями, чтобы потомъ вывести изъ нихъ заключенія и логически небходимыя приложенія. Мы встрѣчаемъ, увы! довольно часто людей, не достигшихъ еще полнаго развитія этой способности, но за то мы никогда не видѣли и даже ни слышали о томъ, чтобы какой-нибудь индивидуумъ низшихъ видовъ когда-либо проявлялъ ее, если намъ конечно не преподнесутъ въ примѣръ валаамовскую ослицу или какое иное животное, навязываемое нашей вѣрѣ и преклоненію какой-либо религіей. Итакъ, мы можемъ сказать, не боясь опроверженій, что изъ всѣхъ животныхъ земного шара одинъ только человѣкъ мыслитъ.

Онъ одинъ одаренъ той способностью отвлеченія, укрѣпленной и развитой у этого вида безусловно путемъ упражненія въ теченіи вѣковъ, которая, подымая его самого постепенно надъ всѣми окружающими предметами, надъ всѣмъ, что называютъ міромъ внѣшнимъ, а также надъ нимъ самимъ, какъ отдѣльнымъ индивидуумомъ, даетъ ему возможность постичь, создать идею единства бытія. вселенной, безконечности или абсолюта —идеи вполнѣ абстрактной и, если хотите, лишенной содержимаго, но тѣмъ не менѣе всемогущей, являющейся причиной всѣхъ послѣдующихъ завоеваній человѣчества, ибо только она вырываетъ его у мнимаго блаженства и тупой невинности животнаго рая, ввергая его въ безконечныя муки и радости безграничнаго развитія...

Благодаря этой способности отвлеченія, человѣкъ, возвышаясь надъ непосредственнымъ вліяніемъ, оказываемымъ постоянно на каждаго индивидуума окружающей средой, всѣми внѣшними предметами, можетъ сравнивать ихъ другъ съ другомъ, наблюдать ихъ соотношеніе. *Вотъ начало анализа экспериментальной науки.* Въ силу той же способности онъ раздвояется, возвышается надъ собственными побужденіями, инстинктами и стремленіями, поскольку они преходящи и частичны, что даетъ ему возможность сравнивать ихъ между собой, какъ онъ это дѣлаетъ съ предметами и движеніями внѣшняго міра, отдавать предпочтеніе однимъ предъ другими, согласно сложившемуся у него идеалу соціальному. Вотъ пробужденіе *сознанія* и того, что мы называемъ *волею.*

Обладаетъ ли человѣкъ дѣйствительно свободной волей? И да, и нѣтъ, смотря по тому, какъ понимать это. Если подъ свободной волей хотятъ понимать свободный выборъ, т. е., предполагаемую

способность человѣка къ произвольному самоопредѣленію, независимо отъ всякаго внѣшняго вліянія; если, какъ это дѣлаютъ всѣ религіи и метафизики, этой предполагаемой свободной волей хотятъ изъять человѣка изъ теченія міровой причинности, которая опредѣляетъ существованіе каждаго предмета и зависимость его отъ всѣхъ другихъ, то намъ остается только отречься отъ нея, какъ отъ безсмыслицы, ибо ничто не можетъ существовать внѣ этой причинности.

Безпрерывное воздѣйствіе цѣлаго на каждый атомъ и каждаго атома на цѣлое создастъ, говоримъ мы, жизнь, высшій родовой законъ и совокупность міровъ, являющихся постоянно и одновременно и созидателями и продуктами: вѣчно дѣятельная и всемогущая это міровая солидарность, это взаимная причинность, которую мы отнынѣ будемъ называть *природой*, создала, какъ мы сказали, вмѣстѣ съ несмѣтнымъ количествомъ другихъ міровъ и нашу землю со всей градаціей ея существъ, начиная съ минерала и кончая человѣкомъ. Она ихъ постоянно создаетъ вновь, развиваетъ, питаетъ, сохраняетъ, потомъ, когда наступаетъ срокъ, а часто и до него, разрушаетъ ихъ или, вѣрнѣе, превращаетъ въ новыя существа. Она всемогущество—противъ котораго нѣтъ независимости, нѣтъ автономіи; она высшее существо, которое обнимаетъ и проникаетъ своей непреодолимой дѣятельностью все бытіе; между живыми существами нѣтъ ни единаго, которое бы не таило въ себѣ болѣе или менѣе развитое сознаніе или ощущеніе этого высшаго воздѣйствія и абсолютной зависимости. И вотъ это ощущеніе или сознаніе создаетъ самую основу всякой религіи.

Религія, какъ мы видимъ, подобно всѣмъ человѣческимъ проявленіямъ, имѣетъ свой источникъ въ животной жизни. Нельзя сказать, чтобы какое-либо животное, кромѣ человѣка, обладало религіей; ибо религія, даже самая грубая, предполагаетъ нѣкоторую степень мышленія, до чего ни одно животное, кромѣ человѣка, не подымалось. Но также совершенно невозможно отрицать, чтобы въ существованіи всѣхъ животныхъ безъ исключенія, не существовали элементы, такъ сказать, матеріальные, составные—религіи, за исключеніемъ, конечно, идеальной стороны ея, той, которая рано или поздно разрушитъ ее самое—мысли. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ реальная суть всякой религіи? Это именно сознаніе абсолютной зависимости преходящаго индивидуума отъ вѣчной и всемогущей природы.

Намъ трудно наблюдать это ощущеніе и анализировать всѣ его проявленія у животныхъ низшаго порядка: однако мы можемъ сказать, что инстинктъ самосохраненія, который находятъ даже въ бѣднѣйшихъ организмахъ, конечно въ меньшей степени, чѣмъ у высшихъ существъ, есть ничто иное, какъ привычное благоразуміе, образующееся у каждаго подъ вліяніемъ того чувства, которое мы

назвали религіознымъ ощущеніемъ. У животныхъ съ болѣе совершенной организаціей, приближающихся больше къ человѣку, оно проявляется болѣе чувствительнымъ для насъ способомъ, какъ напримѣръ, въ инстинктивномъ и паническомъ страхѣ, который овладѣваетъ ими иногда при приближеніи какой-либо катастрофы въ природѣ: землетрясенія, лѣсного пожара или страшнаго урагана.

Вообще можно сказать, что страхъ преобладающее чувство въ жизни животныхъ. Всѣ дикія животныя свирѣпы, что показываетъ, что они живутъ въ безсознательномъ, безпрестанномъ страхѣ, что у нихъ всегда есть ощущеніе опасности, т. е. какой то всемогущей силы, которая ихъ преслѣдуетъ, проникаетъ и овладѣваетъ ими вездѣ и всегда. Этотъ страхъ, страхъ Божій, сказали бы теологи, есть начало благоразумія, т. е. религіи. Но у животныхъ онъ не становится религіей, потому что у нихъ отсутствуетъ сила размышленія, которая устанавливаетъ чувство, опредѣляетъ предметы его и преобразовываетъ его въ совѣсть, сознаніе и мысль. Слѣдовательно, не безъ основанія говорили, что человѣкъ религіозенъ по натурѣ, онъ таковъ, какъ и всѣ остальныя животныя—но единственный на землѣ сознаетъ свою религію.

Религія, говорили, первое пробужденіе разума; да, но въ видѣ безумія. Религія начинается, какъ мы только что видѣли, чувствомъ страха. На самомъ дѣлѣ: человѣкъ, просыпающійся при первыхъ проблескахъ того внутренняго солнца, которое мы называемъ сознаніемъ самого себя, и медленно, шагъ за шагомъ стряхивающій съ себя магнетическій полусонъ, чисто инстинктивное существованіе, которое онъ велъ, когда находился въ состояніи чистой невинности, т.-е., въ состояніи животнаго, будучи рожденъ въ страхѣ предъ внѣшнимъ міромъ, который, правда, создаетъ и питаетъ его, но въ то же время угнетаетъ, подавляетъ и грозитъ уничтожить въ любую минуту, такой человѣкъ долженъ былъ обязательно избрать этотъ страхъ первымъ объектомъ своего зарождающагося размышленія. Можно предположить, что у первобытнаго человѣка, въ моментъ пробужденія разума, этотъ инстинктивный страхъ долженъ былъ быть сильнѣе, чѣмъ у животныхъ другихъ видовъ; во первыхъ потому, что онъ рождается менѣе вооруженнымъ, чѣмъ другіе и потому, что его дѣтство продолжительнѣй, а во вторыхъ, потому, что самое мышленіе его, едва зародившееся и не достигшее еще достаточной степени зрѣлости и силы, чтобы изучить и воспользоваться окружающими предметами, тѣмъ не менѣе оторвало человѣка отъ того единенія, взаимопониманія и инстинктивной гармоніи, въ которыхъ, какъ родичъ гориллы, онъ долженъ былъ находиться съ остальной природой до пробужденія въ немъ мысли; такимъ образомъ размышленіе дѣлало его одинокимъ среди природы, которая становилась для него чуждой, и должна была ему явиться сквозь призму его воображе-

нія, возбужденнаго и преувеличеннаго въ силу самого зарождающагося мышленія, мрачной и таинственной мощью, безконечно болѣе враждебной и угрожающей, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Для насъ чрезвычайно трудно, если не совершенно невозможно, отдать себѣ точный отчетъ въ первыхъ чувствованіяхъ и религіозныхъ фантазіяхъ дикаго человѣка. Въ мелочахъ они должны были быть столь же разнообразны, какъ была сама природа первобытныхъ народовъ, переживавшихъ ихъ, такъ же, какъ и климатъ, характеръ мѣстностей и всѣ прочія условія и внѣшнія вліянія, среди которыхъ они развивались. Но такъ какъ, въ концѣ концовъ, это были ощущенія и представленія человѣческія, они должны были, не взирая на такое большое разнообразіе деталей, выразиться въ нѣкоторыхъ простыхъ и тождественныхъ положеніяхъ общаго характера, которыя мы постараемся установить.

Каковы бы ни были: происхожденіе различныхъ человѣческихъ группъ и причина раздѣленія расъ на земномъ шарѣ, произошли ли всѣ люди только отъ одного Адама-гориллы, или родича гориллы, или отъ нѣсколькихъ, которыхъ природа создала въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, независимо другъ отъ друга, та способность, которая собственно создаетъ и творитъ «человѣчность» всѣхъ людей: размышленіе, сила отвлеченія, умъ, мысль, словомъ способность создавать идеи, такъ же, какъ и законы, опредѣляющіе проявленіе этой способности, во всѣ времена и во всякомъ мѣстѣ тождественны, всегда и вездѣ одни и тѣ же—такъ, что ни единое развитіе человѣческое не можетъ свершиться вопреки этимъ законамъ. Это даетъ намъ право думать, что главныя фазы первоначальнаго религіознаго развитія, наблюдаемыя у какого-либо одного народа, должны были проявиться и въ религіозномъ развитіи всѣхъ остальныхъ племенъ.

Если судить на основаніи единодушныхъ сообщеній путешественниковъ, какъ тѣхъ, которые въ прошломъ столѣтіи посѣтили острова Океаніи, такъ и тѣхъ, которые въ наше время проникли въ глубь Африки, фетишизмъ долженъ быть первой религіей, религіей всѣхъ дикихъ племенъ, менѣе всего вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія. Но фетишизмъ есть ничто иное, *какъ религія страха.* Онъ есть первое человѣческое выраженіе того ощущенія абсолютной зависимости, смѣшаннаго съ инстинктивнымъ ужасомъ, которое мы находимъ въ глубинѣ всякой животной жизни, и которое какъ, мы сказали, составляетъ религіозное отношеніе индивидуумовъ, даже самыхъ низшихъ видовъ къ всемогуществу природы. Кто не знаетъ вліянія, которое оказываютъ и впечатлѣнія, которое производятъ на всѣ живыя существа, не исключая растеній, великія періодическія явленія природы: какъ восходъ и закатъ солнца, лунный свѣтъ, смѣна временъ года, чередованіе тепла и холода, случайныя и постоянныя движенія океана, горъ, ну-

стыни, катострофы природы, каковы бури, затмѣнія, землетрясенія, точно такъ же, какъ столь разнообразныя и взаимноразрушительныя отношенія различныхъ видовъ животныхъ другъ къ другу и къ растительному міру. Все это создаетъ для каждаго животнаго совокупность условій существованія, характеръ, природу и, намъ почти хочется сказать, отдѣльный культъ, ибо у каждаго животнаго, у всѣхъ живыхъ существъ, вы найдете какое то обожаніе природы, смѣшанное со страхомъ и радостью, съ надеждой и безпокойствомъ, которое, по скольку оно ощущеніе, очень походитъ на человѣческую религію (вѣру). Призывъ къ молитвѣ и даже сама молитва тоже на лицо. Посмотрите на домашнюю собаку, умоляющую своего господина приласкать ее или взглянуть на нее; не есть ли это подобіе человѣка, колѣнопреклоненнаго предъ Богомъ? Не переноситъ ли эта собака своимъ воображеніемъ и даже своимъ зачаточнымъ размышленіемъ, развившимся на основаніи опытности, всемогущество природы, окружающее ее, на человѣка, своего господина, какъ человѣкъ переноситъ его на Бога? Въ чемъ разница между религіознымъ чувствомъ человѣка и собаки? Даже не въ размышленіи, а только въ степени размышленія, въ способности опредѣлить это чувство и постичь его, какъ абстрактную (идею) мысль, обобщить ее, давъ ей названіе,—рѣчь человѣческая имѣетъ ту особенность, что не будучи способна назвать самые предметы, воздѣйствующіе на наши чувства, она выражаетъ только ихъ наименованіе, отвлеченную общность; а такъ какъ слово и мысль двѣ отдѣльныя, но неразлучныя формы одного и того же акта человѣческаго мышленія, послѣдняя—мысль, опредѣливъ предметъ животнаго страха и обожанія или перваго естественнаго культа человѣка, обобщаетъ его, преобразовываетъ въ отвлеченное существо и старается обозначить его именемъ. Самый предметъ, обоготворяемый индивидуумомъ всегда остается: *этимъ* камнемъ, *этимъ* кускомъ дерева, а не инымъ; но съ момента, когда онъ получилъ названіе, онъ становится предметомъ или понятіемъ отвлеченнымъ: кусокъ дерева или камень вообще.

Вотъ какимъ образомъ съ первымъ пробужденіемъ мысли, запечатлѣнной словомъ, возникаетъ міръ исключительно человѣческій, міръ абстракціи.

Мы уже сказали, что благодаря способности абстракціи, человѣкъ, рожденный въ природѣ, произведенный ею, создаетъ себѣ въ средѣ и въ условіяхъ этой самой природы новое существованіе, согласное съ его идеаломъ и, какъ онъ, прогрессивное.

Все живущее, прибавимъ мы, чтобы яснѣе выразить свою мысль, стремится развиться во всю ширь свего естества. Человѣкъ, существо живущее и мыслящее одновременно, чтобы осуществиться, долженъ прежде всего познать самого себя. Это причина страшнаго запозданія, которое мы наблюдаемъ въ его развитіи, и,

по которой, чтобы дойти до нынѣшняго состоянія общества въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, состоянія столь мало отвѣтствѣтствующаго идеалу, къ которому мы стремимся нынѣ, ему понадобилось нѣсколько сотъ вѣковъ... Можно бы сказать, что въ поискахъ самого себя, во всѣхъ своихъ физіологическихъ и историческихъ странствованіяхъ, человѣку пришлось пройти сквозь всевозможныя нелѣпости и несчастья, пока ему удалось реализовать то небольшое количество разума и справедливости, которые царятъ теперь въ мірѣ.

Послѣднее слово, высшая цѣль всякаго человѣческаго развитія—это свобода. Ж. Ж. Руссо и его ученики напрасно искали ее въ началѣ исторіи, когда человѣкъ, еще лишенный всякаго самосознанія и вслѣдствіе этого неспособный заключить какой-либо договоръ, всецѣло испытывалъ гнетъ той фатальности въ жизни природы, которой чувствуютъ себя подверженными всѣ животныя и отъ которой человѣкъ съумѣлъ освободиться въ нѣкоторомъ смыслѣ только благодаря послѣдовательному примѣненію своего ума. Умъ этотъ развиваясь, правда, очень медленно на протяженіи всей исторіи, понемногу познавалъ законы, управляющіе внѣшнимъ міромъ, также, какъ и тѣ, которые присущи нашей собственной природѣ, усвоивалъ ихъ себѣ, такъ сказать, преобразуя ихъ въ идеи созданія—*quasi*—самопроизвольныя нашего собственнаго мозга—и создалъ такое положеніе, что *продолжая повиноваться этимъ законамъ, человѣкъ повиновался только своимъ собственнымъ мыслямъ.* Это для человѣка единственное зеличіе и вся свобода, возможныя по отношенію къ природѣ. Иныхъ у него никогда не будетъ, ибо законы природы непреложны, фатальны; они служатъ основой всего нашего существованія и создаютъ наше бытіе, такъ, что никто не можетъ возстать противъ нихъ, чтобы не прійти тотчасъ къ абсурду и навѣрное разрушить самого себя. Но познавши ихъ и усвоивши ихъ умомъ, человѣкъ возвышается надъ непосредственнымъ давленіемъ внѣшняго міра, затѣмъ, становясь творцомъ въ свою очередь, повинуясь отнынѣ только своимъ собственнымъ идеямъ, онъ преобразуетъ этотъ міръ болѣе или менѣе согласно своимъ прогрессирующимъ потребностямъ и передаетъ ему нѣкоторымъ образомъ подобіе своей человѣчности.

Итакъ, то, что мы называемъ *человѣческимъ міромъ*, имѣетъ непосредственнымъ творцомъ только человѣка, который создаетъ его, отвоевывая шагъ за шагомъ свою свободу и человѣческое достоинство у внѣшняго міра и у своего собственнаго животнаго состоянія. Онъ завоевываетъ ихъ, побуждаемый безпощадной отъ него силой, непреодолимой и равно присущей всѣмъ живымъ существамъ. Сила эта есть всемірный ходъ жизни, тотъ самый, который мы назвали всеобщей причинностью, природой, и который проявляется у всѣхъ живыхъ существъ, растеній или животныхъ,

стремленіе реализовать каждый по своему, жизненныя условія своего вида, т. е., удовлетворять свои потребности. Это стремленіе, главное и высшее (выраженіе) проявленіе жизни, составляетъ самую основу того, что мы называемъ *волей*; инстинктивная и непреодолимая у всѣхъ животныхъ, не исключая самыхъ цивилизованныхъ людей,—инстинктивная, можно сказать, почти механическая у низшихъ организмовъ, болѣе разумная у высшихъ, она достигаетъ своей полной концепціи—*свободной воли* только у человѣка, который въ силу своего ума, возвышающаго его надъ каждымъ инстинктивнымъ движеніемъ, позволяющаго ему сравнивать, критиковать и классифицировать свои потребности, единственный между всѣми животными нашего земного шара обладаетъ разумнымъ самоопредѣленіемъ.

Само собой разумѣется, что эта свобода воли человѣческой наряду съ теченіемъ міровой жизни или абсолютной причинности, для которой всякое отдѣльное хотѣніе является какъ бы (притокомъ) ручейкомъ, имѣетъ только тотъ смыслъ, который придаетъ ей размышленіе, противупоставляющее ее механическому исполненію или даже инстинкту. Человѣкъ подмѣчаетъ и понимаетъ естественныя необходимости, которыя, отражаясь въ его мозгу, возрождаются тамъ творческимъ физіологическимъ процессомъ, еще мало извѣстнымъ, какъ логическія послѣдовательности его собственныхъ мыслей, и эта сознательность, среди его нисколько не нарушенной абсолютной зависимости, даетъ ему чувство самоопредѣленія, разумной самозарождающейся воли, свободы.

Только путемъ самоубійства, частичнаго или всеобщаго, человѣкъ сможетъ освободиться отъ своихъ природныхъ влеченій, но онъ съумѣетъ ихъ упорядочить и умѣрить, стараясь постоянно приноровить ихъ къ тому, что въ различныя эпохи его нравственнаго и умственнаго развитія онъ сочтетъ справедливымъ и прекраснымъ.

По существу, главныя основы самаго изысканнаго человѣческаго существованія и самого упрощеннаго животнаго бытія суть и будутъ всегда тожественны: родиться, развиваться и расти, работать для пропитанія, пріобрѣтенія убѣжища и защиты, поддерживать свое индивидуальное существованіе въ соціальномъ равновѣсіи своего рода, любить, размножаться и умереть...

Только у человѣка ко всему этому присоединяется еще—мыслить и познавать—способность и потребность, которыя несомнѣнно встрѣчаются въ низшей, но уже достаточно чувствительной степени у тѣхъ видовъ животныхъ, которыя по своей организаціи ближе всего стоятъ къ человѣку, ибо, повидимому, въ природѣ нѣтъ абсолютныхъ различій по качеству, и всѣ качественныя различія сводятся конечнымъ анализомъ къ различіямъ по количеству — но у одного только человѣка достигаютъ такой властной и преобладающей силы, что въ концѣ концовъ преобразовываютъ всю его

жизнь. Какъ очень мѣтко замѣтилъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашихъ дней, Людвигъ Фейербахъ, человѣкъ дѣлаетъ все, что дѣлаютъ животныя, но онъ долженъ дѣлать это все болѣе и болѣе человѣчно. Въ этомъ вся разница, но она огромна [1]). Она заключаетъ въ себѣ всю цивилизацію, со всѣми чудесами промышленности, науки и искусства, все развитіе человѣчества—религіозное, эстетическое, философское, политическое, экономическое и соціальное, — словомъ весь міръ исторіи. Человѣкъ создаетъ этотъ міръ исторіи силой дѣятельности, которую можно найти у всѣхъ живыхъ существъ, составляющей самую основу всякой органической жизни, предрасполагающей внѣшній міръ къ ассимиляціи и преобразованію, согласно потребностямъ всякаго дѣятельности, слѣдовательно, инстинктивной и неизбѣжной предшествующей всякой мысли, но которая, будучи озарена разумомъ человѣка и опредѣлена (ограничена) его разумной волей, превращается въ немъ самомъ и для него въ *свободный и разумный трудъ*.

Только путемъ мысли человѣкъ доходитъ до сознанія своей свободы въ средѣ природы, продуктомъ которой онъ является, но только *трудомъ* онъ осуществляетъ эту свободу. Мы замѣтили, что дѣятельность, создающая трудъ, т. е., дѣло, столь медленное, преобразованія поверхности нашего земного шара физической силой всякаго живого существа, согласно его потребностямъ, встрѣчается въ степени большаго или меньшаго развитія на всѣхъ ступеняхъ органической жизни. Но она начинаетъ создавать *собственно человѣческій трудъ* только съ того момента, когда, направляемая умомъ и разумной волей человѣка, она служитъ не только для удовлетворенія нуждъ опредѣленныхъ и строго ограниченныхъ исключительно животной жизни, но и для потребностей *существа мыслящаго, которое завоевываетъ свою человѣчность, утверждая и осуществляя свою свободу въ мірѣ*.

Выполненіе этой огромной, безконечной задачи есть не только

---

[1]) Нѣтъ предѣловъ необходимости твердить объ этомъ тѣмъ сторонникамъ натурализма и современнаго матеріализма, которые только потому, что человѣкъ нынѣ установилъ свое полное и совершенное родство со всѣми другими видами животныхъ и свое прямое и непосредственное происхожденіе отъ земли, и потому что онъ (отказался) отрекся отъ абсурдовъ и пустого чванства спиритуализма, который, будто бы награждая человѣка абсолютной свободой, осуждалъ его на вѣчное рабство, воображаютъ, что это даетъ имъ право отказать человѣку во всякомъ уваженіи. Этихъ людей можно сравнить съ лакеями, которые, узнавъ о плебейскомъ происхожденіи человѣка, который внушалъ имъ уваженіе своимъ врожденнымъ достоинствомъ, воображаютъ, что могутъ обходиться съ нимъ, какъ съ равнымъ, по той простой причинѣ, что имъ понятна только знатность, создаваемая аристократическимъ происхожденіемъ. Другіе настолько счастливы возстановленіемъ родства человѣка съ гориллой, что хотѣли бы на всегда удержать его въ животномъ состояніи и не хотятъ понять, что историческая миссія человѣка, все его достоинство и свобода именно заключаются въ удаленіи отъ этого состоянія.

результатъ умственнаго и нравственнаго развитія — это одновременно дѣло матеріальнаго освобожденія. Человѣкъ становится дѣйствительно человѣкомъ, пріобрѣтаетъ возможность внутренняго развитія и усовершенствованія только при условіи свержения съ себя, до извѣстной степени по крайней мѣрѣ, цѣпей рабства, которыя природа наложила на всѣхъ своихъ дѣтей. Эти цѣпи—голодъ, всевозможныя лишенія, боль, вліяніе климата, временъ года, вообще, тысячи условій животной жизни, которыя держатъ человѣка въ quasi абсолютной зависимости отъ окружающей его среды, вѣчныя опасности, которыя окружаютъ и удручаютъ его въ формѣ природныхъ явленій; постоянный страхъ, составляющій основу всякаго животнаго существованія, который настолько овладѣваетъ первобытнымъ индивидуумомъ, что онъ не находитъ въ самомъ себѣ ничего, чтобы сопротивляться и побѣдить его,... словомъ — тутъ есть всѣ элементы полнѣйшаго рабства. Первый шагъ человѣка къ освобожденію отъ этого рабства, сказали мы, выражается въ томъ отвлеченномъ дѣйствіи ума, выдѣлившагося изъ самого себя и поднявшагося надъ окружающими предметами, которое даетъ возможность изучать отношенія и законы окружающай среды. Второй шагъ — актъ матеріальный поневолѣ, опредѣляемый волей и направляемый болѣе или менѣе глубокимъ знаніемъ внѣшняго міра: это приложеніе мускульной силы человѣка къ преобразованію міра сего, согласно его развивающимся потребностямъ. Эта борьба человѣка, разумнаго работника, съ матерью природой, не есть возмущеніе ни противъ нея, ни противъ законовъ ея. Онъ пользуется пріобрѣтенными знаніями, чтобы стать сильнѣе, защитить себя отъ свирѣпыхъ нападеній, случайныхъ катастрофъ, а также отъ періодическихъ и правильныхъ явленій міра физическаго, и именно знаніе и самое почтительное изученіе законовъ природы дѣлаютъ человѣка способнымъ управлять ею въ свою очередь, заставлять ее служить его намѣреніямъ, и преобразовывать поверхность земного шара въ среду все болѣе благопріятствующую развитію человѣчности.

Эта способность абстракціи (отвлеченія), источникъ всѣхъ нашихъ знаній, всѣхъ нашихъ идей, есть, очевидно, единственная причина всѣхъ человѣческихъ свободъ. Но первое пробужденіе этой способности—разумъ (разсудокъ), не создаетъ еще непосредственно свободы. Когда онъ начинаетъ дѣйствовать у человѣка, медленно освобождаясь отъ пеленъ животной инстинктивности, онъ сначала выражается не въ формѣ (разумнаго) логическаго разсужденія, а въ формѣ разсужденія воображательнаго или неразумія, и какъ таковое, оно постепенно освобождаетъ человѣка отъ естественнаго рабства, окружающаго его съ колыбели, только для того, чтобы бросить его подъ ярмо неволи, въ тысячу разъ болѣе тяжкой и ужасной — неволи религіи. Это воображательное

разсужденіе человѣка преобразовываетъ природный культъ, слѣды и элементы котораго мы находили у всѣхъ животныхъ, въ культъ человѣческій въ элементарной формѣ *фетишизма*. Мы показывали животныхъ, преклоняющихся предъ великими явленіями природы, которые на самомъ дѣлѣ оказываютъ непосредственное и могучее вліяніе на ихъ жизнь, но мы никогда не слышали о животныхъ, которые преклонялись бы предъ безобиднымъ кускомъ дерева, тряпкой, костью или камнемъ, а между тѣмъ мы находимъ такое преклоненіе въ первобытной религіи дикарей и даже въ католицизмѣ. Какъ объяснить эту явную аномалію, по меньшей мѣрѣ столь странную, что съ точки зрѣнія здраваго смысла и истиннаго положенія вещей, она рисуетъ намъ человѣка стоящимъ значительно ниже самыхъ скромныхъ животныхъ? Эта нелѣпость продуктъ воображенія дикаря. Онъ не только ощущаетъ всемогущество природы, какъ другія животныя, онъ дѣлаетъ его предметомъ своихъ постоянныхъ размышленій, онъ его опредѣляетъ и обобщаетъ, назвавъ его какимъ-нибудь именемъ, онъ его дѣлаетъ центромъ вокругъ котораго группируются всѣ его ребяческія фантазіи. Еще не способный охватить своей убогой мыслью вселенную, даже шаръ земной, ни даже ограниченную среду, на лонѣ которой онъ родился и выросъ, онъ ищетъ повсюду мѣстопребываніе этого всемогущества, ощущеніе котораго, уже и сознанное и опредѣлившееся, угнетаетъ его и, вслѣдствіе игры или наблюденія его невѣжествен ной фантазіи, для насъ нынѣ трудно объяснимой, онъ связываетъ его, опредѣляетъ его въ кускѣ дерева, въ тряпкѣ, въ камнѣ... Это чистѣйшій фетишизмъ, самая религіозная, т. е. самая нелѣпая изъ всѣхъ религій.

Послѣ, а часто и одновременно съ фетишизмомъ появляется *культъ колдуновъ*. Это культъ, если и не многимъ раціональнѣе, но, по крайней мѣрѣ, болѣе естественный и менѣе насъ поражающій, чѣмъ чистое идолопоклонство, ибо мы къ нему привыкли, окруженные и теперь колдунами: спириты, медіумы, ясновидящіе, даже священники римско-католической церкви, и восточной греческой, которые воображаютъ, что могутъ заставить Бога при помощи нѣкоторыхъ таинственныхъ формулъ спуститься на воду или даже претвориться въ хлѣбъ и вино — всѣ эти принудители божества, подвластнаго ихъ заклинаніямъ — развѣ они не колдуны тоже? Правда, что ихъ божество, результатъ развитія нѣсколькихъ тысячелѣтій, много сложнѣе божества первоначальнаго колдовства, которое въ началѣ имѣло своимъ объектомъ, хотя фиксированный, но еще неопредѣлившійся образъ всемогущества, безъ всякихъ атрибутовъ, умственныхъ или нравственныхъ. Различіе добра и зла, справедливости и несправедливости еще неизвѣстно ему; не знаютъ, что любитъ это божество, чего не любитъ, что ненавидитъ, что хочетъ, чего не хочетъ; оно ни добро — ни зло, оно только всемогущество. Однако характеръ божества начинаетъ вырисовываться: оно эгои-

стично и тщеславно, любитъ похвалы, колѣнопреклоненія, униженіе и приношеніе въ жертву человѣка, его преклоненіе и жертвоприношенія—и оно преслѣдуетъ и жестоко наказываетъ тѣхъ, кто не желаетъ всему этому подчиняться: бунтовщиковъ, горлеповъ и нечестивыхъ. Таково, какъ извѣстно, главное свойство божественнаго характера у всѣхъ боговъ, древнихъ и современныхъ, созданныхъ человѣческимъ безуміемъ. Было ли на свѣтѣ когда-либо существо болѣе жестокое, завистливое, тщеславное, эгоистическое и кровожадное, чѣмъ Іегова евреевъ и Богъ, отецъ христіанъ.

Въ культѣ первобытнаго колдовства, божество т.-е. неопредѣленное всемогущество, сначала является (какъ бы) неотдѣляемымъ отъ личности колдуна. Онъ самъ божество, какъ идолъ. Но надолго роль сверхъестественнаго человѣка, человѣка—Бога, становится невозможной для живого человѣка, въ особенности для дикаря, который не имѣетъ еще никакой возможности укрыться отъ нескромнаго любопытства своихъ вѣрующихъ и остается съ утра до вечера доступнымъ ихъ наблюденію. Здравый смыслъ, практическій умъ дикаго племени, которое продолжаетъ развиваться параллельно со своимъ религіознымъ воображеніемъ, въ концѣ концовъ показываетъ ему, что невозможно, чтобы человѣкъ, подверженный всѣмъ слабостямъ и немощамъ людскимъ, былъ Богомъ. Колдунъ остается для него сверхъестественнымъ существомъ, но только моментами, когда онъ одержимъ... По кѣмъ? Всемогуществомъ. Богомъ... Итакъ Божество пребываетъ обыкновенно внѣ колдуна. Гдѣ же искать его? Идолъ, богъ—предметъ, отошелъ въ прошлое, человѣкъ-Богъ—тоже. Все эти преобразованія въ первобытныя времена должны были занять цѣлые вѣка. Дикій человѣкъ уже развитой, богатый опытомъ и традиціями нѣсколькихъ вѣковъ, ищетъ теперь божество вдали отъ себя, но все еще въ предметахъ, реально существующихъ: въ солнцѣ, лунѣ и другихъ свѣтилахъ. Религіозная мысль начинаетъ охватывать—Вселенную.

Мы сказали, что человѣкъ могъ прійти къ этому моменту только длиннымъ рядомъ вѣковъ. Его способность абстракціи, его разумъ уже развился, окрѣпъ, испытанный практическимъ изученіемъ предметовъ окружающаго міра и наблюденіемъ ихъ взаимоотношенія или взаимной причинности, а правильное чередованіе извѣстныхъ явленій природы дало ему первое представленіе о нѣкоторыхъ законахъ ея: онъ начинаетъ интересоваться совокупностью явленій и ихъ причинъ; онъ ихъ ищетъ. Въ то же время онъ начинаетъ познавать самого себя и, благодаря все той же способности абстракціи, которая позволяетъ ему стать мысленно выше самого себя, сдѣлать себя объектомъ собственнаго размышленія—онъ начинаетъ отдѣлять свое матеріальное и живое существо отъ мыслящаго, свое внутреннее я отъ внѣшняго, тѣло отъ духа. Разъ это различіе найдено и установлено, онъ естественно

и обязательно переноситъ его на своего Бога и начинаетъ отыскивать невидимую душу этого видимаго міра. Такъ долженъ былъ зародиться пантеизмъ индѣйцевъ. Здѣсь мы должны остановиться, ибо съ этого момента начинается собственно религія, въ полномъ объемѣ этого слова, а съ ней теологія и метафизика. До сихъ поръ религіозное воображеніе человѣка, побуждаемое опредѣленнымъ представленіемъ всемогущества, дѣйствовало естественнымъ путемъ, отыскивая причину и источникъ этого всемогущества путемъ опытнаго изученія сначала въ ближайшихъ предметахъ, идолахъ, затѣмъ въ колдунѣ, позднѣе въ великихъ явленіяхъ природы и, наконецъ, въ свѣтилахъ, но приписывая ихъ всегда какому нибудь видимому и реальному предмету, какъ далеко онъ бы ни находился. Теперь человѣкъ допускаетъ существованіе Бога—духа, внѣ міра сего, невидимаго. Съ другой стороны до сихъ поръ его боги были существами ограниченными и особенными, между многими небожественными, не одаренными всемогуществомъ, но тѣмъ не менѣе реально существовали. Теперь онъ впервые устанавливаетъ всемірное божество: существо существъ, вещество и создателя всѣхъ этихъ отдѣльныхъ и ограниченныхъ существъ, всемірную душу вселенной, Великое—Все. Вотъ начало истиннаго Бога, а съ нимъ истинной религіи.

Мы должны изслѣдовать теперь тотъ путь, которымъ человѣкъ достигъ этого результата, чтобы изучить истинную природу божества на основаніи исторіи его происхожденія.

Весь вопросъ сводится къ слѣдующему: какъ зарождается въ человѣкѣ представленіе о вселенной и ея единствѣ?

Начнемъ съ того, что представленіе о вселенной не можетъ существовать у животнаго, ибо это не впечатлѣніе, непосредственно воспринимаемое чувствами, какъ реальные предметы, большіе или малые, близкіе или отдаленные, окружающіе его, это существо абстрактное и вслѣдствіе этого воспринимаемое только способностью абстракціи—т. е., можетъ существовать у одного только человѣка. Человѣкъ видитъ себя окруженнымъ внѣшними предметами; для собственной мысли онъ одинъ изъ таковыхъ постольку, поскольку онъ живой организмъ (живое тѣло). Всѣ предметы, которые онъ постепенно и послѣдовательно изучаетъ, находятся въ правильномъ взаимоотношеніи, которое онъ тоже признаетъ болѣе или менѣе; тѣмъ не менѣе, вопреки этому взаимоотношенію, которое ихъ связываетъ, но не сливаетъ во едино, они остаются другъ внѣ друга. Внѣшній міръ слѣдовательно даетъ человѣку только безконечное разнообразіе предметовъ, дѣйствій и отношеній раздѣльныхъ и различныхъ, безъ малѣйшей тѣни единства — это безконечное нагроможденіе—это не цѣлое. Откуда же появляется единство? Оно покоится въ мысли человѣческой. Умъ человѣческій обладаетъ способностью абстракціи, которая позволяетъ ему, послѣ медленнаго

раздѣльнаго и послѣдовательнаго изученія цѣлаго ряда предметовъ, охватить ихъ сразу однимъ взглядомъ, однимъ представленіемъ, соединить въ одну мысль.

Итакъ, это мысль человѣческая создаетъ единство и переноситъ его на все разнообразіе внѣшняго міра.

Отсюда слѣдуетъ, что это единство—существо, не конкретное и реальное, а абстрактное, исключительно плодъ человѣческой способности отвлеченія. Мы говоримъ, *способности отвлеченія*, ибо чтобы соединить столько различныхъ предметовъ въ одномъ представленіи, наша мысль должна выдѣлить все, что составляетъ ихъ различіе, т. е., ихъ раздѣльную, дѣйствительную жизнь, и удержать только то, что въ нихъ есть общаго; откуда слѣдуетъ, что чѣмъ больше предметовъ охватываетъ общая мысль, тѣмъ она выше и, чѣмъ больше разрѣжается ея содержимое, то, что она заключаетъ общаго и въ чемъ выражается ея положительное опредѣленіе, тѣмъ болѣе абстрактной и освобожденной отъ всего реальнаго является она. Жизнь съ своимъ преходящимъ великолѣпіемъ и обиліемъ—въ разнообразіи—здѣсь- смерть со своимъ однообразіемъ вѣчнымъ и величественнымъ тамъ, въ единствѣ. Подымайтесь все выше и выше той же силой отвлеченія оставьте за собой міръ земной, охватите одной и той же мыслью весь солнечный міръ, вообразите себѣ это высокое единство: что у васъ остается, чтобы наполнить его (исчерпать). Дикарю было бы очень затруднительно отвѣтить на этотъ вопросъ! Но мы отвѣтимъ за него: останется матерія вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы называемъ силой абстракціи, матерія движущаяся со своими разнообразными явленіями, каковы, свѣтъ, теплота, электричество и магнетизмъ,—различныя проявленія, по послѣднимъ изысканіямъ, одной и той же силы. Но, если въ силу этого дара абстракціи, не останавливающейся ни предъ какими границами, вы подыметесь еще выше, за предѣлы вашей солнечной системы, и объедините въ своей мысли не только тѣ тысячи свѣтилъ, которыя сверкаютъ на небосклонѣ, но еще безграничное множество солнечныхъ системъ, которыхъ мы не видимъ и не увидимъ никогда, но существованіе которыхъ мы предполагаемъ, ибо наша мысль, не зная предѣловъ своей отвлекающей дѣятельности, отказывается допустить, чтобы вселенная, т. е. совокупность всѣхъ существующихъ міровъ, могла имѣть границы или предѣлъ, (отбросьте) исключите мысленно отдѣльное существованіе этихъ міровъ и постарайтесь представить себѣ единство этой безпредѣльной вселенной: что у васъ есть, чтобы опредѣлить и наполнить ее? Одно слово, одна отвлеченная идея: Существо неопредѣлимое, т. е., неподвижность пустота, абсолютное отрицаніе—Богъ. Богъ—это высшая абстракція, это собственный плодъ человѣческой мысли, которая, какъ сила отвлекающая, оставивъ за собой всѣ извѣстныя существа,

всѣ существующіе міры, и освободившись, такимъ образомъ, отъ всякаго реальнаго содержанія, ставшая только міромъ самимъ въ себѣ, является сама предъ собой, не узнавая себя совершенно въ этой высшей наготѣ, какъ *существо единое* и *высшее*.

Намъ могутъ возразить, что установивши на предыдущихъ страницахъ *реальное единство міра* и опредѣливши его, какъ солидарность или причинность всеобщую и какъ единственное всемогущество, управляющее всѣмъ и болѣе или менѣе ощущаемое всѣми живыми существами, мы какъ будто бы теперь отрицаемъ его. Мы его совершенно не отрицаемъ, мы только указываемъ, что между реальнымъ всемірнымъ единствомъ и идеальнымъ единствомъ, отыскиваемымъ и созданнымъ путемъ отвлеченія метафизикой, какъ религіозной, такъ и философской, нѣтъ ничего общаго. Мы опредѣлили первое, какъ безконечную сумму существъ, вѣрнѣе, какъ сумму безпрерывныхъ превращеній всѣхъ дѣйствительныхъ существъ или какъ сумму ихъ безпрерывныхъ взаимодѣйствій, которыя, складываясь въ одно движеніе, составляютъ, какъ мы сказали, то, что называютъ солидарностью или всемірной причинностью, и мы прибавили, что принимаемъ эту солидарность не за первичную и абсолютную причину, но наоборотъ за *производную*, постоянно вновь создаваемую одновременнымъ дѣйствіемъ всѣхъ частичныхъ причинъ—дѣйствіемъ, которое именно создаетъ *всеобщую причинность*, вѣчно творящую и въ свою очередь сотворяемую. Опредѣливши его такимъ образомъ, мы считали возможнымъ сказать, не боясь отнынѣ никакихъ недоразумѣній, что эта всеобщая причинность создаетъ міры и хотя мы позаботились прибавить, что она дѣлаетъ это безъ возможности съ ея стороны какой либо предшествующей мысли или воли, какого либо плана, предумышленности или преднамѣренности, ибо сама она не имѣетъ внѣ своего безпрерывнаго осуществленія никакого бытія предшествующаго и раздѣльнаго, будучи только всецѣло *производной*, мы признаемъ теперь, что это выраженіе и неудачно, и неточно и, что несмотря на всѣ поясненія, оно можетъ создать недоразумѣнія, такъ мы привыкли связывать со словомъ «созиданіе», представленіе о творцѣ, сознающемъ самого себя и отдѣльномъ отъ своего созданія. Мы должны были сказать, что каждый міръ, всякое существо безсознательно и невольно создается, родится, развивается, живетъ и умираетъ, переходя въ новое существо среди и подъ вліяніемъ всемогущимъ, абсолютнымъ всемірной причинности и, прибавимъ теперь для болѣе точнаго поясненія нашей мысли, что *дѣйствительное единство вселенной* есть ни что иное, какъ *абсолютная солидарность и безконечность его реальныхъ превращеній*, ибо *безпрерывное преобразованіе каждаго отдѣльнаго существа составляетъ истинную и единую сущность его -ибо вся вселенная есть безграничная исторія безъ начала и безъ конца.*

Подробности ея безконечны. Человѣку никогда не удастся узнать больше самой ничтожной части ихъ. Наше звѣздное небо со множествомъ его свѣтилъ образуетъ только незамѣтную точку въ безкопечномъ пространствѣ, и, хотя мы взглядомъ охватываемъ его, но почти никогда ничего не будемъ знать о немъ. мы вынуждены удовлетворяться ничтожнымъ изученіемъ нашей солнечной системы, полную гармонію которой съ остальнымъ міромъ намъ остается предугадать; если бы этой гармоніи не было, она либо должна была бы установиться, либо наша солнечная система погибла бы. Мы уже изучили эту послѣднюю со стороны высшей механики и понемногу знакомимся съ ней со стороны физики, химіи и даже геологіи. Врядъ ли наши свѣдѣнія пойдутъ дальше этого. Если мы стремимся къ болѣе точнымъ знаніямъ, мы должны ограничиться нашимъ земнымъ шаромъ. Мы знаемъ, что онъ нѣкогда появился и предполагаемъ, что по истеченіи невѣдомаго намъ количества вѣковъ, онъ долженъ будетъ погибнуть, какъ родится и гибнетъ или, вѣрнѣе, преобразовывается все, что есть.

Какимъ образомъ нашъ земной шаръ, въ началѣ раскаленная и газообразная матерія, безконечно болѣе легкая, чѣмъ воздухъ, сгустился, остылъ, образовался, какое огромное количество геологическихъ эволюцій ему пришлось совершить раньше, чѣмъ онъ получилъ возможность создать на своей поверхности все безконечное богатство органической жизни, начиная съ первой и простѣйшей клѣточки вплоть до человѣка? Какъ онъ преобразовался и продолжаетъ развиваться въ формѣ историческаго и соціальнаго міра человѣка? Къ какой цѣли мы стремимся, побуждаемые высшимъ и неизбѣжнымъ закономъ безпрерывнаго преобразованія?

Вотъ всѣ намъ доступные вопросы, единственные, которые могутъ и должны быть охвачены, изучены подробно и разрѣшены человѣкомъ. Образуя, какъ мы уже указали, только незамѣтную точку въ безграничной и безконечной вселенной, они представляютъ для нашего ума въ дѣйствительности безпредѣльный міръ, не въ смыслѣ божескомъ, т. е., отвлеченномъ этого слова, не какъ высшее существо, созданное религіозной абстракціей, а безконечный, наоборотъ, богатствомъ своихъ деталей, которыя никакое наблюденіе, никакая наука не смогутъ когда либо исчерпать.

Чтобы познать *этотъ* міръ, *нашъ* безграничный міръ, одной абстракціи недостаточно. Она опять приведетъ насъ къ Богу, къ Высшему Существу, къ небытію. Нужно, примѣняя эту способность отвлеченія, безъ которой мы никогда не съумѣемъ подняться отъ порядка низшихъ предметовъ къ порядку высшему, слѣдовательно; не съумѣемъ понять естественной іерархіи существъ, нужно, говоримъ мы, чтобы умъ нашъ погрузился охотно, съ уваженіемъ и любовью въ подробное изученіе деталей и мелочей, безъ которыхъ мы никогда не поймемъ живой дѣйствительности существъ.

Итакъ, только соединяя эти двѣ способности, два стремленія, повидимому, противоположныя: отвлеченіе и внимательный, точный и терпѣливый анализъ, мы съумѣемъ подняться до истинной концепціи *нашего міра безконечномъ не только во внѣшнемъ, но и во внутреннемъ* и образовать хотя нѣсколько удовлетворяющіе представленіе о *собственномъ мірѣ*, нашемъ земномъ шарѣ, или, если хотите, о нашей солнечной системѣ. Очевидно, что, если чувство и воображеніе могутъ намъ дать объ этомъ мірѣ только образы и представленія, неизбѣжно болѣе или менѣе неправильные, если созерцательное предугадываніе даетъ только отдаленный намекъ на истину, тѣнь ея, то только одна наука даетъ всю чистую правду. Что же это за могучее любопытство, побуждающее человѣка познавать окружающій его міръ, изслѣдовать неутомимо страстно тайны его природы, послѣднимъ и самымъ совершеннымъ продуктомъ которой онъ является здѣсь на землѣ. Есть ли это просто роскошь, пріятное времяпрепровожденіе или одна изъ главныхъ потребностей, свойственныхъ его существу? Мы не задумываясь скажемъ, что изъ всѣхъ потребностей, образующихъ его собственную природу, это самая человѣческая, и что онъ становится дѣйствительно человѣкомъ, отличается существенно отъ животныхъ другихъ видовъ только этой неутолимой жаждой знанія; чтобы развиться во всю ширь своего существа, человѣкъ долженъ познать себя, сказали мы, и онъ никогда не познаетъ себя дѣйствительно, пока не изучитъ по существу природу, окружающую его, продуктомъ которой онъ является. Дабы ему не пришлось отказаться отъ своей человѣчности, человѣкъ долженъ *знать*, долженъ проникнуть своей мыслью весь видимый міръ и не надѣясь когда либо достичь конца, долженъ углубляться въ построеніе и законы его, ибо въ этомъ вся наша человѣчность. Онъ долженъ познать всѣ области, низшія предшествовавшія и современныя ему, всѣ преобразованія, механическія, физическія, химическія, геологическія органическія на всѣхъ ступеняхъ развитія жизни растительной и животной, т. е., всѣ причины и условія его собственнаго рожденія и существованія, дабы онъ могъ понять свою собственную природу и назначеніе на этой землѣ, его родинѣ и единственной аренѣ его дѣйствій, дабы въ этомъ мірѣ слѣпыхъ неизбѣжностей, онъ могъ возвѣстить царство свобод.

Такова задача человѣка; она неистощима, безконечна и вполнѣ достаточна для удовлетворенія самыхъ тщеславныхъ умовъ и сердецъ. Будучи преходящимъ и незамѣтнымъ среди безграничнаго океана міровыхъ превращеній, имѣя за собой невѣдомую безконечность, а впереди неизвѣстную, человѣкъ, мыслящій, дѣятельный и понимающій свое человѣческое назначеніе, стоитъ гордый и спокойный въ сознаніи своей свободы, которую онъ самъ завоевываетъ освѣщая, помогая, освобождая и возмущая по мѣрѣ надобности окру-

жающій его міръ. Богъ его утѣшеніе, его награда, единственный рай его. Спросите у него, каково его сокровенное мнѣніе, послѣднее слово о реальномъ единствѣ міра, и онъ вамъ отвѣтитъ: «*это вѣчное міровое превращеніе, преобразованіе*—движеніе безъ начала, конца и границъ»; слѣдовательно, полная противоположность идеѣ Провидѣнія—отрицаніе Бога.

Во всѣхъ существующихъ религіяхъ, имѣющихъ сколько-нибудь развитую теологію, за исключеніемъ впрочемъ буддизма, своеобразная доктрина котораго, совершенно непонятая нѣсколькими милліонами исповѣдующихъ его, устанавливаетъ религію безъ Бога; во всѣхъ системахъ метафизики Богъ прежде всего является предъ нами существомъ высшимъ, вѣчно предсуществующимъ и предопредѣляющимъ, содержащимъ въ себѣ, будучи творческой мыслью и волей всякаго существованія и предшествуя ему—постоянный источникъ и причину всякаго созданія, неподвижный всегда, одинаковый во всеобщемъ движеніи созданныхъ міровъ. Этотъ Богъ, какъ мы видѣли, не находится,—не пребываетъ въ мірѣ дѣйствительномъ, по крайней мѣрѣ, въ его части, доступной человѣку. Поэтому, не имѣя возможности найти его внѣ себя, человѣкъ вынужденъ былъ искать его въ себѣ самомъ. Какъ онъ искалъ его? Создавая отвлеченія отъ всѣхъ живыхъ и дѣйствительныхъ существъ, отъ видимыхъ и извѣстныхъ міровъ. Но мы видѣли, что въ концѣ этого безплоднаго путешествія человѣческая способность или дѣятельность отвлеченія встрѣчаетъ только одинъ предметъ: себя самое, но лишенную всякаго содержанія и движенія за неимѣніемъ дальнѣйшей цѣли, какъ абстракцію, какъ существо, совершенно неподвижное и абсолютно пустое. Мы говоримъ: абсолютное небытіе, а религіозная фантазія говоритъ: Верховное существо—Богъ.

Кромѣ того, какъ мы раньше замѣтили, она должна прійти къ этому выводу на основаніи различія, даже противоположности, которую достаточно развитое размышленіе начинаетъ устанавливать между человѣкомъ внѣшнимъ—тѣломъ, и его внутреннимъ міромъ, включающимъ волю и мысль—человѣческой душой. Не зная, что эта послѣдняя только продуктъ и послѣднее выраженіе, постоянно возобновляемое и вновь создаваемое человѣческимъ организмомъ, видя, наоборотъ, что въ повседневной жизни тѣло будто бы всегда подчиняется внушеніямъ воли и мысли, заключая, слѣдовательно, что душа по меньшей мѣрѣ, если не создатель, то повелитель тѣла, которому предоставляется только служить душѣ и проявлять ее, человѣкъ вѣрующій совершенно естественно обращаетъ ее въ душу міровую — Бога съ того момента, какъ его способность отвлеченія только что описаннымъ путемъ достигаетъ понятія о всемірномъ и высшемъ существѣ, которое есть ничто иное, какъ эта самая способность, являющаяся объектомъ самой себя, какъ мы это показали.

Такимъ образомъ, истинный Богъ, всемірное существо, вѣчное, неизмѣнное, созданное двойнымъ дѣйствіемъ религіознаго воображенія и способности человѣка къ абстракціи, впервые былъ установленъ въ исторіи. Но съ момента познанія и опредѣленія божества человѣкъ, забывая или, вѣрнѣе, не сознавая своей собственной умственной дѣятельности, которая одна только создала это божество, не узнавая себя совершенно въ своемъ твореніи, *всеобщемъ отвлеченіи*, сталъ преклоняться предъ нимъ. Сейчасъ же они поменялись ролями: созданіе становится творцомъ, а истинный творецъ, человѣкъ, попадаетъ въ ряды остальныхъ ничтожныхъ существъ, какъ таковое же, едва немного болѣе привиллегированное.

Разъ Богъ установленъ, дальнѣйшее и послѣдовательное развитіе различныхъ теологій объясняется естественно, какъ отраженіе развитія человѣчества въ исторіи.

Ибо съ того момента, когда идея высшаго и сверхъестественнаго существа овладѣла воображеніемъ человѣка и утвердилась въ его религіозномъ убѣжденіи до такой степени, что реальность этого существа для него несомнѣннѣе существованія предметовъ видимыхъ и осязаемыхъ, становится естественнымъ, необходимымъ, чтобы идея эта стала главной основой всего человѣческаго существованія, чтобы она его измѣняла, проникала и управляла имъ всецѣло и (абсолютно) исключительно. Высшее существо сейчасъ же является безграничнымъ властелиномъ, мыслью, волей, источникомъ, создателемъ и распорядителемъ всего: ничто не можетъ соперничать съ нимъ, все предъ нимъ стушевывается; ибо вся истина находится только въ немъ; и всякое отдѣльное существо, какимъ бы могущественнымъ оно ни казалось, включая сюда и человѣка, можетъ отнынѣ существовать только съ божескаго разрѣшенія, что, собственно говоря, вполнѣ логично, ибо иначе Богъ не будетъ *высшимъ* существомъ, всемогущимъ, абсолютнымъ, т. е., перестанетъ существовать.

Съ этого момента, по естественной послѣдовательности, человѣкъ присваиваетъ Богу всѣ качества, всѣ силы, всѣ добродѣтели, которыя постепенно находитъ въ самомъ себѣ, или внѣсебя. Мы видѣли, что признанный высшимъ существомъ и будучи въ дѣйствительности только *абсолютнымъ* отвлеченіемъ, Богъ совершенно лишенъ всякаго опредѣленія и содержанія, какъ небытіе, и какъ таковое онъ наполняется и обогащается всѣмъ дѣйствительно существующимъ реальнаго міра, будучи только его абстракціей, но являясь религіозному воображенію Господиномъ и Владыкой его, откуда слѣдуетъ, что Богъ величайшій узурпаторъ и, что такъ какъ антропоморфизмъ есть сущность всѣхъ религій, то небо, мѣстопребываніе безсмертныхъ боговъ, только неправильное зеркало, которое показываетъ вѣрующему человѣку его собственное изображеніе, опрокинутое и преувеличенное.

Дѣятельность религіи заключается не только въ томъ, что она беретъ у земли богатства и природныя силы, а у человѣка его способности и добродѣтели, чтобы превратить ихъ въ небѣ въ различные аттрибуты или божественныя существа: осуществляя эти преобразованія, она коренным образомъ измѣняетъ характеръ этихъ силъ и качествъ; она ихъ извращаетъ, портитъ, направляя ихъ въ сторону, прямо противоположную ихъ первоначальному направленію.

Такимъ образомъ, умъ человѣческій, единственный органъ, которымъ мы обладали для познанія истины, становясь разумомъ божественнымъ, дѣлается для насъ непонятнымъ и представляется вѣрующимъ откровеніемъ абсурда. Вотъ какъ уваженіе къ небу обращается въ презрѣніе къ землѣ и преклоненіе предъ божествомъ въ униженіе человѣка; любовь человѣческая, это безграничная природная солидарность, которая, соединяя всѣ индивидуумы, всѣ народы и дѣлая счастье и свободу каждаго зависимымъ отъ счастья и свободы всѣхъ остальныхъ, должна, не взирая на различіе цвѣта и расы, соединить всѣхъ рано или поздно во всеобщемъ братствѣ; любовь эта, превратившись въ любовь божественную и религіозное милосердіе, тотчасъ же становится бичемъ человѣчества: это подтверждается всей кровью, пролитой во имя религіи съ начала исторіи, тысячами человѣческихъ жертвъ, принесенныхъ во славу божію...

Даже само правосудіе, эта будущая мать равенства, перенесенная религіозной фантазіей въ небесные края, преобразованная въ справедливость божескую и возвращающаяся на землю въ геологической формѣ милости божіей, всегда и вездѣ склоняющейся на сторону сильнѣйшихъ, сѣетъ между людьми только насиліе, преимущества, монополію и всѣ остальныя чудовищныя неравенства, освященныя историческимъ правомъ. Мы не имѣемъ притязанія ни отрицать историческую необходимость религіи, ни утверждать, что она была абсолютнымъ зломъ въ исторіи. Если она такова, она была и, къ несчастью, есть и теперь, для огромнаго большинства невѣжественнаго человѣчества зло неизбѣжное, какъ моменты ослабленія и заблужденія въ развитіи всякой человѣческой способности. Религія, сказали мы, первое пробужденіе человѣческаго разума въ формѣ божественнаго безумія: это первый лучъ человѣческой правды сквозь завѣсу божественной лжи; первое проявленіе человѣческой морали, справедливости и права, сквозь историческія беззаконія божественной милости: это, наконецъ, первый опытъ свободы подъ унизительнымъ и тягостнымъ ярмомъ божества, ярмомъ, которое придется въ концѣ концовъ свергнуть, чтобы на самомъ дѣлѣ завоевать здравый умъ, истинную правду, полное правосудіе и дѣйствительную свободу.

Посредствомъ религіи, человѣкъ-животное, выходя изъ живот-

наго состоянія, дѣлаетъ первый шагъ къ человѣчности; но пока онъ будетъ оставаться вѣрующимъ, онъ никогда не достигнетъ цѣли, ибо всякая религія осуждаетъ его на нелѣпости и, направляя его на ложный путь, заставляетъ его отыскивать божественное вмѣсто человѣческаго. Изъ за религіи народы, едва выйдя изъ природнаго рабства, въ которомъ пребываютъ всѣ остальные виды животныхъ, вновь попадаютъ въ рабство къ сильнымъ міра сего и кастамъ, божественнымъ избранникамъ.

Быть законодателями человѣческихъ обществъ, основателями государствъ—вотъ, какъ извѣстно, одинъ изъ главныхъ аттрибутовъ безсмертныхъ боговъ. Человѣкъ, говорятъ почти всѣ религіи, неспособенъ различить добро и зло, справедливость и несправедливость, а потому нужно было, чтобы божество само, такъ или иначе, спустилось на землю, чтобы научить этому человѣка и установить въ человѣческомъ обществѣ порядокъ политическій и гражданскій, откуда естественно слѣдуетъ торжествующій выводъ: что всѣмъ законамъ и властямъ, разъ установленнымъ, освященнымъ небомъ, нужно всегда, ни на что не взирая, слѣпо повиноваться.

Это очень удобно для правителей, но очень неудобно для управляемыхъ; а такъ какъ мы всѣ принадлежимъ къ числу послѣднихъ, для насъ во всѣхъ отношеніяхъ интересно изслѣдовать поближе законность этого древняго утвержденія, которое обратило насъ въ рабовъ, дабы найти средство освободиться отъ этого ярма.

Вопросъ для насъ теперь чрезвычайно упрощается: Богъ не можетъ быть ни добръ, ни золъ, ни справедливъ, ни несправедливъ: ибо его совсѣмъ нѣтъ, или онъ только созданіе нашей способности отвлеченія, сочетавшейся съ религіознымъ чувствомъ, унаслѣдованнымъ нами отъ нашего животнаго состоянія; ибо Богъ—всемірный абстрактъ, неспособный на собственное движеніе и дѣйствіе, ибо онъ абсолютное небытіе, изображаемое, какъ верховное существо и приводимое въ движеніе исключительно религіозной фантазіей; ибо онъ—абсолютная пустота, лишенная всякаго содержанія и обогащающаяся всѣмъ, существующимъ на землѣ; ибо онъ даетъ человѣку въ обезображенномъ, испорченномъ, божественномъ видѣ только то, что раньше похитилъ у него. Онъ не можетъ ничего ни желать, ни устанавливать, потому что въ дѣйствительности онъ ничто, превращаемое во все только вслѣдствіе религіознаго легковѣрія. Слѣдовательно, если это легковѣріе находитъ въ Богѣ идеи справедливости и добра, то оно раньше, само того не вѣдая, надѣлило его ими. Но, чтобы судить эти идеи Богу, человѣкъ долженъ былъ обладать ими. Гдѣ онъ взялъ ихъ? Обязательно въ самомъ себѣ. Но, вѣдь все, что человѣкъ имѣетъ, онъ

унаслѣдовалъ отъ своего животнаго состоянія, такъ какъ умъ его есть только способъ выраженія, только рѣчь его животнаго состоянія. Значитъ, понятіе добра и справедливости должно корениться, какъ и все человѣческое, въ самомъ животномъ состояніи человѣка.

И въ самомъ дѣлѣ, элементы того, что мы называемъ моралью, встрѣчаются уже въ мірѣ животныхъ. Не встрѣчаемъ ли мы у всѣхъ видовъ животныхъ безъ исключенія, но при самомъ различномъ развитіи, два противоположныхъ инстинкта: инстинктъ сохраненія индивидуума и инстинктъ сохраненія рода или, выражаясь по человѣчески: *инстинктъ эгоистическій и инстинктъ социальный*. Съ точки зрѣнія науки, такъ и самой природы, оба эти инстинкта одинаково естественны, а, слѣдовательно, законны и, что еще болѣе, оба одинаково необходимы въ естественной экономіи существъ, такъ какъ индивидуальный инстинктъ самъ есть основное условіе сохраненія вида; если бы индивидуумы не защищались энергично противъ всѣхъ внѣшнихъ лишеній и давленій, безпрестанно угрожающихъ ихъ существованію, самый видъ, живущій только въ нихъ и ими, не могъ бы существовать. Но если мы станемъ судить объ этихъ двухъ движеніяхъ, принимая единственной исходной точкой исключительно интересы вида, намъ придется сказать, что соціальный инстинктъ хорошъ, а индивидуальный, постольку, поскольку онъ противоположенъ первому, плохъ. У муравьевъ, у пчелъ преобладаетъ добродѣтель, такъ какъ у нихъ соціальный инстиктъ совершенно (разрушилъ) поглотилъ индивидуальный. Совершенно обратное мы встрѣчаемъ у дикихъ животныхъ и, вообще, можно сказать, что въ мірѣ животномъ торжествуетъ эгоизмъ. Инстинкты видовые у нихъ пробуждаются въ короткіе періоды и продолжаются только во время созиданія и выращиванія семьи.

У человѣка все это иначе. Однимъ изъ доказательствъ его большаго превосходства передъ всѣми другими видами животныхъ, повидимому, служитъ то, что оба эти инстинкта, эгоизмъ и стремленіе къ общежитію, у него гораздо могущественнѣе и менѣе опредѣлимы, чѣмъ у всѣхъ животныхъ низшихъ видовъ: онъ свирѣпѣе въ своемъ эгоизмѣ, чѣмъ самые дикіе звѣри и болѣе общежителенъ, чѣмъ пчелы и муравьи. Проявленіе большей степени эгоизма или индивидуальности въ какомъ либо животномъ—неоспоримое доказательство относительно большаго совершенства его организма, признакъ болѣе высокаго ума. Всякій видъ животныхъ созданъ, какъ таковой, своимъ особымъ закономъ, т. е., голько ему свойственнымъ процессомъ образованія и сохраненія вида, который отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ видовъ животныхъ. Этотъ законъ не имѣетъ отдѣльнаго существованія внѣ реальныхъ индивидуумовъ того вида, которымъ онъ управляетъ. Онъ воплощается только въ нихъ, и управляетъ ими безраздѣльно и обращаетъ ихъ

въ своихъ рабовъ. Въ самыхъ низшихъ видахъ, проявляющихся скорѣе, какъ процессы жизни растительной, а не животной, законъ этотъ какъ будто совершенно чуждъ имъ, являясь почти закономъ внѣшнимъ, которому особи, едва опредѣлившіяся, какъ таковыя, повинуются, такъ сказать, механически. Чѣмъ болѣе развиваются виды, подымаясь въ восходящемъ порядкѣ до человѣка, чѣмъ болѣе индивидуализуется родовой и спеціальный законъ, управляющій ими, чѣмъ полнѣе онъ выражается въ каждомъ индивидуумѣ, получающемъ этимъ самымъ болѣе опредѣленный характеръ, болѣе отчетливое выраженіе, такъ что, продолжая повиноваться этому закону такъ же слѣпо, какъ и другіе, съ момента болѣе сильнаго проявленія его въ немъ въ формѣ побужденія чисто индивидуальнаго, скорѣе, какъ необходимость внѣшняя, чѣмъ внутренняя, несмотря на то, что она всегда создается *въ немъ безъ его вѣдома* цѣлой массой внѣшнихъ причинъ—тѣмъ индивидуумъ чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, болѣе автономнымъ, болѣе одареннымъ самопроизвольнымъ движеніемъ, чѣмъ индивидуумъ низшихъ видовъ. У него пробуждается чувство *свободы*. Итакъ, мы можемъ сказать, что природа сама, своими прогрессивными преобразованіями, стремится къ эмансипаціи, къ освобожденію, и, что уже въ лонѣ ея, большая индивидуальная свобода служитъ неоспоримымъ признакомъ превосходства. Существо относительно *самое индивидуальное* и *самое свободное* съ животной точки зрѣнія, безспорно человѣкъ.

Мы сказали, что человѣкъ не только самое индивидуальное существо на землѣ, но онъ также самое *общественное* (соціальное). Большой ошибкой со стороны Ж. Ж. Руссо было утверждать, что первоначальное общество создалось свободнымъ договоромъ, заключеннымъ дикарями. Но онъ не единственный, который утверждаетъ это. Большинство современныхъ юристовъ и публицистовъ, будь то школы Канта или какой либо иной либеральной школы индивидуалистовъ, не признающихъ ни общества, основаннаго на божественномъ правѣ геологовъ, ни общества, опредѣляемаго гегеліанской школой, какъ болѣе или менѣе мистическое осуществленіе объективной морали, ни общества первоначально животнаго—натуралистовъ, вынуждены, за отсутствіемъ иного основанія, принять точкой отправленія *безмолвный договоръ*.

Безмолвный договоръ! Безмолвный договоръ, т.-е., договоръ безъ словъ, и, слѣдовательно, безъ мысли и воли —возмутительная безсмыслица. Абсурдная фикція, а что еще хуже, злая фикція! Недостойный подлогъ! потому что онъ допускаетъ, что въ то время, когда я не былъ въ состояніи ни желать, ни мыслить, ни говорить, ибо давалъ себя безпрекословно стричь, я могъ согласиться для себя лично и для всего моего потомства на вѣчное рабство.

Послѣдствія общественнаго договора поистинѣ пагубны, потому что они оканчиваются абсолютнымъ господствомъ государства. А между тѣмъ принципъ, изъ котораго исходятъ, кажется чрезвычайно либеральнымъ. Индивидуумы, до заключенія этого договора, предполагаются абсолютно свободными, ибо по этой теоріи первобытный человѣкъ, дикій человѣкъ одинъ только вполнѣ свободенъ. Мы высказали свои мысли по поводу этой природной естественной свободы, которая есть ничто иное, какъ абсолютная зависимость человѣка-гориллы отъ безпрерывнаго давленія окружающей внѣшней природы. Допустимъ, что онъ дѣйствительно былъ свободенъ въ началѣ своего бытія, чего ради ему соединяться въ общества? Чтобы обезпечить, говорятъ, себѣ безопасность отъ возможныхъ вторженій этого самаго внѣшняго міра, включая туда остальныхъ людей, организованныхъ въ общества или нѣтъ, но не принадлежащихъ къ вновь создаваемому.

Предъ нами первобытные люди, абсолютно свободные, всякій въ себѣ самомъ и самимъ собою, пользующіеся этой безграничной свободой только, пока они не встрѣчаются, пока они находятся въ абсолютномъ индивидуальномъ одиночествѣ. Свобода одного не нуждается въ свободѣ другого, наоборотъ, въ виду того, что каждая изъ этихъ индивидуальныхъ свободъ удовлетворяется и существуетъ сама собой, свобода одного является обязательно какъ бы отрицаніемъ свободы всѣхъ остальныхъ, и всѣ эти свободы, встрѣчаясь, должны взаимно ограничивать, уменьшать другъ друга, противорѣчить и разрушать одна другую...

Дабы не уничтожиться окончательно, онѣ заключаютъ между собой договоръ, ясно выраженный или молчаливый, по которому онѣ отказываются отъ части самихъ себя, дабы обезпечить остальное. Этотъ договоръ становится основой общества, вѣрнѣе, государства, ибо нужно замѣтить, что въ этой теоріи нѣтъ мѣста для общества, въ ней есть только государство, или, вѣрнѣе, общество совершенно поглощается государствомъ.

Общество— это естественный видъ существованія совокупности людей, независимо отъ всякихъ договоровъ. Имъ управляютъ обычаи и традиціи, но не законы. Оно медленно развивается вслѣдствіе толчковъ, получаемыхъ отъ частной инціативы, но никакъ не по мысли и волѣ законодателя. Конечно, есть законы, которые имъ управляютъ безъ его вѣдома, но это законы естественные, свойственные соціальному организму, какъ законы физическіе свойственны матеріальнымъ тѣламъ. Большинство этихъ законовъ и по сію пору неизвѣстно, тѣмъ не менѣе, они управляютъ человѣческимъ обществомъ съ самаго его возникновенія, независимо отъ мысли и воли тѣхъ людей, которые его составляли: откуда слѣдуетъ, что ихъ не нужно смѣшивать съ законами юридическими и политическими, которые въ разбираемой нами системѣ,

ихъ изданные какой-либо законодательной властью, являются логической дедукціей перваго договора, сознательно заключеннаго людьми.

Государство не есть непосредственный продуктъ природы, оно не предшествуетъ, какъ общество, пробужденію мысли въ людяхъ, и мы постараемся ниже показать, какъ религіозное сознаніе создаетъ его среди естественнаго общества. Согласно свободомыслящимъ публицистамъ, первое государство было создано свободной и разумной волей людей; по мнѣнію приверженцевъ абсолютнаго строя—оно есть созданіе божіе. Въ томъ и другомъ случаѣ оно управляетъ обществомъ и стремится поглотить его совершенно.

Во второмъ случаѣ это поглощеніе само собой понятно: божественное учрежденіе необходимо должно поглотить всякую естественную организацію. Любопытнѣе то, что индивидуалисты со своимъ свободнымъ договоромъ приходятъ къ тому же результату. И въ самомъ дѣлѣ, эта школа начинаетъ съ отрицанія существованія естественнаго общества, предшествующаго договору, ибо такое общество предполагаетъ естественное взаимоотношеніе индивидуумовъ, а, слѣдовательно, взаимное ограниченіе ихъ свободъ, что противорѣчитъ абсолютной свободѣ, которой, согласно этой теоріи, пользуется каждый до заключенія договора, и потому, что такое общество представляло бы не болѣе и не менѣе, какъ этотъ самый договоръ, существующій, какъ естественный фактъ, предшествующій свободному договору.

Но что же изъ себя представляетъ это общество? Оно—чисто логическое воплощеніе договора со всѣми его положеніями и послѣдствіями, законодательными и практическими—оно Государство.

Разберемъ это точнѣе. Что оно представляетъ?

Сумму отрицанія индивидуальныхъ свободъ всѣхъ своихъ членовъ, или сумму жертвъ, которыя приносятъ эти члены, отказываясь отъ части своей свободы на пользу общую. Мы видѣли, что согласно теоріи индивидуалистовъ, свобода одного есть граница или естественное отрицаніе свободы всѣхъ другихъ; итакъ, это абсолютное ограниченіе, это отрицаніе свободы личной во имя свободы всѣхъ или общаго права—есть государство. Значитъ, тамъ, гдѣ начинается государство—личная свобода прекращается и наоборотъ.

Намъ возразятъ, что государство, представитель общественнаго спасенія и общихъ интересовъ всѣхъ, частью урѣзываетъ свободу отдѣльныхъ лицъ, чтобы обезпечить имъ все остальное. Но этотъ остатокъ—это безопасность, если хотите, но никакъ не свобода. Свобода недѣлима: нельзя отнять часть ея, не уничтоживши цѣлаго.

Та частица, которую вы отымаете, —это самая сущность моей свободы, это—все.

По естественному движенію, неизбѣжному и непреодолимому, вся моя свобода сосредоточивается именно въ той части, какъ бы мала она ни была, которую вы отымаете. Это исторія жены Синей Бороды, у которой въ распоряженіи былъ цѣлый дворецъ съ правомъ ходить повсюду, смотрѣть и трогать все, за исключеніемъ плохенькой маленькой комнатки, которую ей воспретила открывать подъ страхомъ смертной казни державная воля ея страшнаго супруга. И вотъ, отворачиваясь отъ всѣхъ великолѣпій дворца, помыслы ея души всецѣло сосредоточились на этой плохенькой комнаткѣ: она ее открыла, и имѣла основаніе открыть ее, ибо это былъ неизбѣжный актъ ея свободы, въ то время, когда запрещеніе входить туда было вопіющимъ насиліемъ надъ этой самой свободой.

Это также исторія грѣхопаденія Адама и Евы: запрещеніе вкусить плода дерева познанія только потому, что такова была воля Божья, было со стороны Бога актомъ страшнѣйшаго деспотизма, и, повинуйся наши прародители, весь родъ людской пребывалъ бы и понынѣ въ унизительномъ рабствѣ. Ихъ неповиновеніе насъ освободило и спасло. Это былъ, выражаясь миѳически, первый поступокъ человѣческой свободы.

Но государство, скажутъ, государство демократическое, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, не можетъ быть отрицаніемъ свободы гражданъ? А почему бы и нѣтъ? Это всецѣло будетъ зависѣть отъ назначенія и власти, которую граждане предоставятъ государству. Республиканское государство, основанное на всеобщемъ голосованіи, можетъ стать деспотическимъ, даже деспотичнѣе государства монархическаго, если подъ предлогомъ воплощенія въ себѣ воли всего свѣта, оно ляжетъ всей тяжестью своей коллективной власти на волю и свободное движеніе каждаго изъ своихъ членовъ.

Но, возразятъ опять, государство ограничиваетъ свободу своихъ членовъ только постольку, поскольку она стремится къ несправедливости, ко злу. Оно мѣшаетъ имъ убивать другъ друга, грабить и обижать, вообще, творить зло, давая имъ, наоборотъ, полную свободу дѣлать добро. Опять та же исторія съ Синей Бородой или запретнымъ плодомъ: что—добро и что—зло?

Съ точки зрѣнія разбираемой нами системы, различія между добромъ и зломъ не существовало до заключенія договора, въ то время, когда каждый индивидуумъ пребывалъ въ уединеніи своей свободы или своего абсолютнаго права, соблюдая по отношенію къ другимъ только тѣ соображенія, которыя ему подсказывала его относительная слабость или сила, т. е., его осторожность или лич-

ный интересъ *). Тогда эгоизмъ, согласно той же теоріи, былъ высшимъ закономъ, единственнымъ правомъ: добро опредѣлялось успѣхомъ, зло—неудачей, а правосудіе было освященіемъ свершившагося факта, сколь ужаснымъ, жестокимъ или безчестнымъ бы онъ ни былъ—совершенно такъ-же, какъ въ кодексѣ политической нравственности, господствующей теперь въ Европѣ.

Различіе добра и зла начинается согласно этой системѣ, только съ момента заключенія соціальнаго договора. Тогда все, признанное составляющимъ общее благо, было названо добромъ, а все противоположное—закономъ. Договаривающіяся стороны, ставъ гражданами, связавшись болѣе или менѣе торжественнымъ обязательствомъ, этимъ самымъ возложили на себя слѣдующую обязанность: подчинять свои частные интересы—общему благу, нераздѣльной пользѣ всѣхъ, свои отдѣльныя права (личныя) праву общему, единственный представитель котораго—государство—этимъ самымъ облачался властью подавлять всѣ возмущенія индивидуальнаго эгоизма при условіи содѣйствія каждому члену въ использованіи его правъ, поскольку эти послѣднія не противорѣчили общему праву.

Посмотримъ, чѣмъ должно быть такъ устроенное государство, какъ по отношенію къ другимъ государствамъ, ему подобнымъ, такъ по отношенію къ народамъ, которыми оно управляетъ. Это изслѣдованіе намъ кажется тѣмъ болѣе интереснымъ и полезнымъ, что такое государство, какъ здѣсь опредѣленное, есть именно современное государство, поскольку оно отдѣлилось отъ религіозной идеи; *государство свѣтское или атеистическое*, прославляемое современными публицистами.

Итакъ, въ чемъ заключается его мораль?

Предъ нами современное государство въ тотъ моментъ, когда оно освободилось отъ ига церкви и когда, слѣдовательно, оно сбросило съ себя ярмо всеобщей, космополитической морали христіанской религіи; прибавимъ еще, въ тотъ моментъ, когда оно еще не прониклось ни моралью, ни идеей человѣчности, чего оно, впрочемъ, не сумѣетъ сдѣлать, не разрушившись, ибо въ своемъ отдѣльномъ существованіи и изолированной концентраціи оно бу-

*) Эти отношенія, которыя, къ слову сказать, никогда не могли существовать у первобытныхъ людей, ибо жизнь соціальная предшествовала пробужденію индивидуальнаго сознанія и разумной воли человѣка, и потому, что внѣ общества ни одинъ индивидуумъ человѣческій не могъ обладать ни абсолютной, ни относительной свободой,—эти отношенія, говоримъ мы, именно таковы, какъ существуютъ въ дѣйствительности между современными государствами, изъ которыхъ каждое считаетъ себя облеченнымъ абсолютной свободой, властью и правомъ, не въ примѣръ всѣмъ другимъ, и соблюдаетъ вслѣдствіе этого по отношенію къ другимъ государствамъ только такія отношенія, какія требуются собственной пользой—что держитъ ихъ всѣхъ неизбѣжно въ состояніи войны, явной или скрытой.

детъ слишкомъ ограничено, чтобы охватить, вмѣстить интересы, а, слѣдовательно, и мораль общечеловѣческіе.

Современныя государства именно достигли этой точки. Христіанство для нихъ только ширма, средство провести зѣвакъ, такъ какъ они преслѣдуютъ цѣли, ничего общаго съ религіознымъ чувствомъ не имѣющія. А великіе государственные люди нашихъ дней: Пальмерстоны, Муравьевы, Кавуры, Бисмарки и Наполеоны, какъ бы они посмѣялись, если бы ихъ религіозныя увѣренія были приняты за чистую монету. Они бы еще больше смѣялись, если бы имъ приписали гуманныя чувства, соображенія или намѣренія, которыя они, впрочемъ, никогда не преминутъ открыто назвать глупостями. Что еще остается, чтобы создать для нихъ мораль? Только интересы государства.

Съ этой точки зрѣнія, которая, впрочемъ, только за немногими исключеніями, была точкой зрѣнія всѣхъ государственныхъ людей, людей *сильныхъ* во всѣ времена и повсюду, все то, что помогаетъ сохраненію, величію и могуществу государства, какимъ бы святотатствомъ оно не являлось съ точки зрѣнія религіи и какъ бы возмутительно оно ни было по отношенію къ человѣческой морали — добро, и наоборотъ, все противоположное, будь это самая святѣйшая и справедливѣйшая вещь — зло. Такова поистинѣ вѣковая мораль и практика всѣхъ государствъ.

Такова она и въ государствѣ, основанномъ на общественномъ договорѣ. По этой системѣ добро и зло, появляющіеся только съ договоромъ, ни что иное, какъ само содержаніе и цѣль его, т. е., *общій интересъ* и *общественное право* всѣхъ индивидуумовъ, которые заключили его между собой, *за исключеніемъ тѣхъ, которые остались внѣ его* — слѣдовательно, *самое большое удовлетвореніе, данное коллективному эгоизму частнаго и ограниченнаго сообщества*, которое, будучи основано на частичной жертвѣ индивидуальнаго эгоизма своихъ членовъ, исключаетъ изъ своего лона, какъ чужихъ и естественныхъ враговъ, огромное большинство человѣческаго рода, съорганизованнаго или не организованнаго въ аналогичныя сообщества.

Существованіе одного ограниченнаго государства обязательно предполагаетъ существованіе, а, по мѣрѣ надобности, вызываетъ образованіе нѣсколькихъ государствъ, такъ какъ вполнѣ естественно, индивидуумы, находящіеся внѣ его, свободѣ и существованію которыхъ оно угрожаетъ, съорганизовывались въ свою очередь противъ него. Вотъ предъ нами человѣчество, раздѣленное на безконечное множество чуждыхъ, враждебныхъ и угрожающихъ другъ другу государствъ. Между ними не существуетъ ни общаго права, ни соціальнаго договора; будь таковой, они перестали бы быть совершенно независимыми другъ отъ друга государствами, стали бы федеративными членами одного великаго государства. Но пока это

великое государство не охватитъ всего человѣчества, оно будетъ имѣть противъ себя другія великія государства, внутренне связанныя—до тѣхъ поръ война будетъ высшимъ закономъ и неизбѣжностью, свойственной самому существованію человѣчества.

Каждое государство, федеративно оно или нѣтъ, должно стремиться стать могущественнѣйшимъ изъ страха гибели. Оно должно поглощать, чтобы не быть поглощеннымъ, завоевывать, чтобы не быть завоеваннымъ, порабощать, чтобы не быть порабощеннымъ—ибо два одинаковыхъ всемогущества, одновременно чуждыя другъ другу, не могутъ существовать рядомъ, не уничтожаясь взаимно.

Государство—есть отрицаніе человѣчности, самое жгучее, самое циничное и самое полное. Оно разрушаетъ всеобщую солидарность всѣхъ людей на землѣ и соединяетъ часть ихъ, чтобы побѣдить, разрушить и поработить всѣхъ остальныхъ. Оно защищаетъ только своихъ гражданъ, признаетъ человѣческое право, гуманность и цивилизацію только въ своихъ предѣлахъ; не признавая никакого права внѣ себя, оно естественно присваиваетъ себѣ право самой свирѣпой безчеловѣчности по отношенію ко всѣмъ инымъ народамъ, которыхъ оно можетъ грабить, убивать и порабощать сколько угодно. Если оно бываетъ великодушно и человѣчно съ ними, то никакъ не по обязанности; ибо оно признаетъ обязанности только предъ самимъ собой и передъ тѣми своими членами, которые добровольно его создали, продолжаютъ создавать или, какъ это всегда бываетъ при долгомъ существованіи государства, стали его подданными. Такъ какъ интернаціональнаго закона не существуетъ, да онъ и не можетъ существовать серьезно въ дѣйствительности, не подрывая самаго основанія принципа абсолютнаго строя въ государствѣ,—государство не можетъ имѣть обязанностей предъ чужими народами. Если же оно обращается гуманно съ побѣжденнымъ народомъ, если раззоряетъ и уничтожаетъ его только на половину, если не доводитъ его до послѣдней степени рабства, оно дѣлаетъ это, можетъ быть, изъ-за политики и осторожности или только изъ великодушія, но никогда по обязанности, ибо пользуется абсолютнымъ правомъ располагать имъ по своему произволу. Это страстное отрицаніе человѣчности, составляющее самую сущность государства, съ его точки зрѣнія, высшая обязанность и величайшая добродѣтель: оно называется *патріотизмомъ* и составляетъ всю трансцендентальную мораль государства. Мы ее называемъ трансцендентальной моралью, ибо она обыкновенно превосходитъ уровень человѣческой морали и справедливости,, общей или частной, и потому чаще всего становится съ ней въ противорѣчіе. Такъ обижать, обкрадывать, грабить, убивать или порабощать своего ближняго разсматривается обычной человѣческой моралью, какъ преступленіе. Съ точки зрѣнія государственной, патріотической, все это обращается въ обязанность и добродѣтель, если происходитъ

во славу государства, во имя сохраненія или расширенія его могущества. И эта добродѣтель, этотъ долгъ—обязательны для каждаго гражданина — патріота; предполагается, что каждый обязанъ выполнить ихъ не только по отношенію къ чужимъ, но даже своимъ согражданамъ, членамъ и подданнымъ того же государства, что и онъ, всякій разъ, когда того требуютъ интересы послѣдняго.

Это намъ объясняетъ, почему съ основанія исторіи, т. е. съ зарожденія государствъ, міръ политики былъ и продожаетъ быть ареной высшаго плутовства и величественнаго грабежа, плутовства и грабежа, впрочемъ, высоко почитаемыхъ, ибо ихъ диктуетъ патріотизмъ, высшая мораль и интересы государства. Это намъ объясняетъ, почему вся исторія государствъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ—только рядъ возмутительнѣйшихъ преступленій, почему цари и министры, настоящіе и прошлые, всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, государственные люди, дипломаты, бюрократы и воины, если судить ихъ съ точки зрѣнія обыкновенной морали и человѣческаго правосудія, сто, тысячу разъ достойны висѣлицы или каторги; ибо нѣтъ того ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступленія, лжи, гнусныхъ сдѣлокъ, циническаго грабежа, безстыдной кражи и гнусной измѣны, которыя не были бы совершены и не совершались бы ежедневно представителями государствъ, имѣя единственнымъ оправданіемъ эластичное, одновременно удобное и страшное слово: «польза государства!»

Слово по истинѣ ужасное: ибо оно совратило и обезчестило въ оффиціальныхъ кругахъ и правящихъ классахъ общества больше людей, чѣмъ само христіанство. Какъ только его произносятъ, все умолкаетъ, все исчезаетъ: честность, честь, справедливость, право, само состраданіе, а съ нимъ логика и здравый смыслъ: бѣлое становится чернымъ, а черное бѣлымъ, всѣ ужасы человѣчества, самая гнусная измѣна, самыя ужасныя преступленія—все обращается въ похвальныя дѣянія!

Великій итальянскій философъ, Макіавели, первый произнесъ это слово, или вѣрнѣе, придалъ ему смыслъ, сохраняемый до сихъ поръ въ правительственныхъ сферахъ, и популяризовалъ его. Мыслитель-позитивистъ и реалистъ,—онъ понималъ, что основаніе и жизнь большихъ могущественныхъ государствъ зиждется только на преступленіи, на цѣломъ рядѣ преступленій, на полномъ презрѣніи того, что называется честностью. Онъ писалъ, доказывалъ, объяснялъ это съ ужасающей откровенностью. И такъ какъ идея человѣчности совершенно игнорировалась въ его время, такъ какъ братство даже не человѣческое, а просто религіозное, проповѣдуемое католической церковью, было тогда, какъ и теперь, только страшной ироніей и отрицалось на каждомъ шагу поступками той же церкви, такъ какъ никто даже не подозрѣвалъ о существованіи народнаго права,—то народъ казался инертной, глупой

массой, государственнымъ, если можно такъ выразиться, мясомъ, подлежащимъ оброку и барщинѣ за ничто и обреченнымъ на вѣчное послушаніе: не видя во всей Европѣ, въ Италіи, въ другихъ странахъ ничего, внѣ государства находящагося, Макіавели рѣшилъ вполнѣ логично, что оно высшая цѣль человѣческаго существованія и что ему надо служить во что бы то ни стало; что истинный патріотъ, ставя государство выше всего на свѣтѣ, не долженъ остановиться даже предъ преступленіемъ для службы ему. Онъ совѣтуетъ, приказываетъ пользоваться преступленіемъ и, наконецъ, ставитъ его непремѣннымъ условіемъ политической этики и настоящаго патріотизма.

Будетъ ли государство республикой или монархіей, преступленіе останется непремѣннымъ условіемъ его существованія и торжества. Оно измѣнитъ свой характеръ, направленіе, но природа его останется той же. Всегда останется нарушеніе справедливости участія, честности—во имя государства.

Да, Макіавели правъ: это подтверждаетъ опытъ народовъ за $3^1/_2$ столѣтія, плюсъ еще и нашъ собственный. Вся исторія твердитъ намъ: маленькія государства добродѣтельны, потому что они безсильны, большія—держатся преступленіемъ. Но мы приходимъ только къ другимъ умозаключеніямъ и по весьма понятной причинѣ. Мы—дѣти революціи, отъ нея мы унаслѣдовали религію человѣчности, которая должна быть воздвигнута на развалинахъ божественной религіи: мы вѣримъ въ права человѣка, въ достоинство и эмансипацію человѣческаго рода: мы вѣримъ въ свободу, братство, основанныя на гуманности, справедливости. Мы вѣримъ, однимъ словомъ, въ побѣду человѣчности на землѣ; но эта побѣда, которую мы такъ страстно призываемъ, для которой мы счастливы отдать всѣ наши силы, эта побѣда, которая сама по себѣ есть отрицаніе преступленія, она не можетъ восторжествовать до тѣхъ поръ, пока преступленіе остается тѣмъ, чѣмъ является и теперь—основой политическаго существованія націй, поглощенныхъ идеей о государствѣ. Такъ какъ мы объяснили уже и доказывали, что ни одно государство не можетъ существовать безъ совершенія или, по крайней мѣрѣ, безъ мечты о преступленіи, когда безсиліе не позволяетъ совершать его,- мы приходимъ къ выводу, что необходимо разрушить всякое государство или, если хотите, реорганизовать его такъ, чтобы изъ централизованнаго и основаннаго на жестокости или авторитетѣ какого-нибудь принципа, владычества, оно преобразовалось бы въ свободную федерацію, всѣ части которой могли бы свободно отпадать и примыкать даже въ случаѣ добровольнаго присоединенія,—въ свободной федераціи, согласно реальнымъ нуждамъ и тяготѣнію этихъ частей, согласно свободнымъ объединеніямъ отдѣльныхъ личностей въ общества, обществъ въ коммуны, округа, провинціи, націи и, наконецъ, націй въ человѣчество.

Таковы выводы, къ которымъ приводитъ насъ разслѣдованіе международныхъ отношеній даже такъ называемыхъ свободныхъ государствъ.

Мы увидимъ позже, что государства, основанныя на божественномъ правѣ и религіозной санкціи, приводятъ къ тѣмъ же результатамъ. Изслѣдуемъ же теперь отношенія государствъ, основанныхъ на свободномъ договорѣ его гражданъ или подданныхъ.

Мы видѣли уже, что, выбрасывая изъ себя подавляющее большинство людей, отказываясь отъ нравственныхъ обязательствъ и долга, справедливости и права, оно отказывается отъ человѣчности и посредствомъ внушительнаго слова—патріотизмъ—распространяетъ несправедливость и жестокость на всѣхъ своихъ подданныхъ въ видѣ высшаго долга. Оно сокращаетъ, уродуетъ, убиваетъ въ нихъ человѣчность для того, чтобы они, забывъ о человѣкѣ, сдѣлались только гражданами или, вѣрнѣе, съ точки зрѣнія прогрессивности историческихъ фактовъ, чтобы они никогда не возвысились надъ гражданиномъ до уровня человѣка. Мы видѣли также, что подъ страхомъ гибели и поглощенія сосѣдями, всякое государство должно стремиться къ могуществу, а, становясь могущественнымъ, должно завоевывать. Когда говорятъ о завоеваніи, то разумѣютъ завоеванные народы, униженные, обращенные въ рабство—въ какомъ бы то ни было видѣ и подъ какой угодно кличкой. Рабство -непремѣнное слѣдствіе существованія государства.

Форма, кличка могутъ измѣниться, но сущность рабства остается та же. Эту сущность можно выразить слѣдующими словами: быть рабомъ—значитъ работать по принужденію для другихъ, точно такъ же, какъ быть господиномъ—значитъ жить трудомъ другихъ. Въ древности и теперь въ Азіи, въ Африкѣ и въ части Америки рабы назывались и называются попросту рабами: въ средніе вѣка они назывались крѣпостными, въ наше время—наемниками. Положеніе послѣднихъ, конечно, выше, достойнѣе положенія рабовъ, но, тѣмъ не менѣе, они такъ же принуждаемы голодомъ, какъ гѣ общественными и политическими учрежденіями, поддерживать абсолютное или относительное бездѣліе другихъ. Вотъ почему и они рабы. Вообще, ни одно государство, ни древнее, ни современное не могло и никогда не сможетъ обойтись безъ принудительнаго труда массъ—крѣпостныхъ ли, наемныхъ ли—безразлично, такъ какъ онѣ составляютъ главное и непремѣнное условіе свободы, отдыха, цивилизаціи привиллегированныхъ классовъ -гражданъ. Въ этомъ отношеніи и Соединенные Штаты Сѣверной Америки не представляютъ исключенія.

Таковы внутреннія условія, проистекающія изъ внѣшняго положенія государства, т. е., изъ естественной, постоянной и неизбѣжной ненависти его къ другимъ государствамъ.

Миссія государства не только въ гарантіи безопасности сво-

имъ гражданамъ противъ нападенія извнѣ, но и во внутренней защитѣ однихъ гражданъ отъ другихъ и каждаго отъ него самого. Потому что государство—(это его характерная и основная черта) всякое государство, какъ и всякое богословіе, полагаетъ человѣка по природѣ злымъ и дурнымъ. Въ томъ, что служитъ объектомъ нашего изученія, *добро*, какъ мы видѣли, начинается съ момента заключенія общественнаго договора и является только результатомъ его, даже его содержаніемъ. Не свобода создала его. Напротивъ, чѣмъ больше люди сохраняютъ свою индивидуальность, чѣмъ больше пользуются естественной свободой, ограниченной фактами, а не правами,—они слѣдуютъ одному закону—ихъ естественному эгоизму: они оскорбляютъ, унижаютъ другъ друга, обкрадываютъ, душатъ, пожираютъ по мѣрѣ развитія своего ума, хитрости, матеріальныхъ силъ, точно такъ же, какъ это дѣлаютъ нынѣшнія государства. Итакъ, свобода человѣчества создаетъ зло, а не добро, человѣкъ дуренъ по своей природѣ. Какимъ образомъ сталъ онъ таковымъ? Богословіе объяснитъ это. Фактъ тотъ, что государство, зарождаясь, нашло его таковымъ и взялось исправить его, т. е. преобразовать естественнаго человѣка въ гражданина.

На это можно замѣтить, что, такъ какъ государство продуктъ свободнаго договора, заключеннаго людьми, что такъ какъ оно создаетъ добро, то оно проистекаетъ изъ свободы. Это совершенно невѣрное заключеніе. Даже по этой теоріи государство рождено не свободой, оно жертвуетъ ею, сознательно отрицаетъ ее. Люди абсолютно свободные по праву, но на самомъ дѣлѣ всегда могущіе подвергнуться опасностямъ, которыя въ любой моментъ угрожаютъ ихъ благополучію; чтобы оградить и защитить это послѣднее, жертвуютъ, отрываютъ большую или меньшую часть своей свободы и, поскольку они это дѣлаютъ во имя своей безопасности, поскольку они становятся гражданами, они становятся и рабами государства. Мы не безъ причины утверждаемъ, что съ точки зрѣнія государства добро исходитъ не изъ свободы, а, напротивъ, изъ отрицанія ея.

Страннымъ является это сходство богословія—науки церкви, и политики—теоріи государства, эта солидарность двухъ порядковъ мыслей и фактовъ, столь различныхъ по виду, это совпаденіе въ одномъ убѣжденіи: необходимо жертвовать человѣческой свободой, чтобы морализовать людей и преобразовывать ихъ, согласно одному — въ святыхъ, согласно другому—въ добродѣтельныхъ гражданъ?

Мы совершенно не удивляемся этому явленію, ибо мы признаемъ и постараемся ниже доказать, что политика и богословіе родныя сестры, дочери одной матери, преслѣдующія одну цѣль, хоть и подъ различными именами; что всякое государство —земная церковь и всякая церковь въ свою очередь со своимъ небомъ - мѣстопребываніемъ безсмертныхъ боговъ и счастливцевъ — ничто иное, какъ божественное государство

Государство, какъ и Церковь, исходятъ изъ одного положенія, что люди по природѣ своей дурны и что, получивъ свойственную имъ свободу, они передерутся и представятъ картину страшнѣйшей анархіи, гдѣ сильные подчинятъ себѣ слабыхъ и будутъ эксплоатировать ихъ,—нѣчто совершенное противоположное тому, что творится нынѣ въ нашихъ образцовыхъ государствахъ, не правда-ли? Государство полагаетъ какъ принципъ, что для установленія какого-либо общественнаго строя необходима высшая власть; что для того, чтобы направлять людей и побѣждать ихъ дурныя страсти, нуженъ руководитель, нужна уздечка, но что этотъ авторитетъ долженъ принадлежать добродѣтельному генію, законодателю народному, какъ Моисей, Ликургъ, Солонъ, и что этотъ руководитель, эта уздечка — будутъ мудростью, обуздывающей властью государства.

Желая слѣдовать логикѣ, мы остановимся на законодателѣ, такъ какъ система, которую мы разсматриваемъ, трактуетъ не о сводѣ законовъ, основанныхъ на авторитетѣ, но о взаимномъ обязательствѣ, добровольно заключенномъ свободными основателями государства. Итакъ, по трактуемой системѣ, эти основатели являются, не болѣе не менѣе, какъ дикарями, жившими до сихъ поръ въ полной естественной свободѣ, не знавшими разницы между добромъ и зломъ; мы вправѣ спросить: какимъ же образомъ они вдругъ научились распознавать ихъ? Правда, намъ могутъ возразить, что сначала этотъ взаимный договоръ заключенъ былъ только для обезпеченія своего существованія, своей безопасности, что то, что они называли *добромъ*, состояло только изъ нѣсколькихъ пунктовъ, которые были обусловлены въ ихъ контрактѣ, какъ напр.: не убивать другъ друга, не разорять одинъ другого и держаться вмѣстѣ противъ нападенія извнѣ; но впослѣдствіи законодатель—геній ума и сердца, родившійся уже въ этомъ обществѣ и потому уже болѣе развитой, могъ расширить понятіе добра, углубить условія и основаніе его и создать тѣмъ самымъ кодексъ морали и законовъ.

Но сейчасъ возникаетъ другой вопросъ: допустимъ, что геніальный человѣкъ, родившійся въ первобытномъ обществѣ, могъ, благодаря суровому воспитанію, полученному имъ и его генію, создать кодексъ нравственности: но какъ онъ могъ заставить народъ принять его.

Исключительно силой логики? Невозможно.

Логика, правда, кончаетъ побѣдой даже надъ самыми упрямыми умами, но для этого нужно не менѣе человѣческой жизни, а, имѣя дѣло съ мало развитыми умами, не менѣе нѣсколькихъ вѣковъ. Силой? жестокостью? Но въ такомъ случаѣ это — государство, основанное не на свободномъ договорѣ, но на завоеваніи, на подчиненіи, что приводитъ насъ прямо къ дѣйствительнымъ обществамъ, историческимъ, въ которыхъ все объясняется гораздо

естественнѣе, чѣмъ по теоріямъ нашихъ либеральныхъ публицистовъ; но изслѣдованіе и изученіе ихъ, вопреки желаніямъ этихъ господъ, приведутъ не къ восхваленію государства, но, какъ мы дальше увидимъ, къ скорѣйшему разрушенію его, возможно радикальному и полному.

Остается третій способъ для законодателя дикаго народа распространить свой кодексъ въ массѣ согражданъ: божественный авторитетъ. И, дѣйствительно, мы видимъ величайшихъ законодателей отъ Моисея до Магомета включительно, которые прибѣгли къ этому способу. Онъ силенъ еще среди націй, гдѣ вѣра и религіозное чувство обладаютъ значительнымъ вліяніемъ, и, конечно, онъ могущественъ среди дикарей. Только общество, основанное съ его помощью, уже не покоится на свободномъ договорѣ: основанное на прямомъ вмѣшательствѣ божественной воли оно становится государствомъ теократическимъ, монархическимъ или аристократическимъ, но ни въ какомъ случаѣ не демократическимъ; и такъ какъ съ добрыми богами нельзя торговаться, такъ какъ они настолько же могущественны, какъ и деспотичны, такъ какъ вы обязаны слѣпо принимать все, что они вамъ пошлютъ, подчиняться ихъ волѣ во что бы то ни стало, то и выходитъ, что въ законодательствѣ, продиктованномъ богами, нѣтъ мѣста свободѣ. Оставимъ въ сторонѣ конституцію, имѣющую, правда, свою исторію и всякое другое государство, создавшееся прямо или косвенно посредничествомъ всемогущества божественнаго; мы обѣщаемъ вернуться къ нимъ ниже, а сейчасъ займемся свободнымъ государствомъ, основаннымъ на свободномъ договорѣ.

Прежде мы пришли къ непонятному явленію, которое приняли безъ объясненій, ибо послѣднихъ намъ не могли дать: какимъ образомъ законодательство, созданное геніемъ одного человѣка, могло быть единодушно признано и провозглашено всѣмъ дикимъ народамъ, если этотъ законодатель не прибѣгалъ ни къ насилію, ни къ божественнымъ чудесамъ? Теперь мы спросимъ объясненія другого чуда, не менѣе непонятнаго, чѣмъ первое. Какимъ образомъ этотъ новый кодексъ, даже принятый уже, можетъ быть проведенъ практически въ жизнь? Кто слѣдитъ за его исполненіемъ?

Можно ли предположить, что послѣ этого единодушнаго принятія, всѣ или большая часть дикарей, составляющихъ примитивное общество, погруженное до принятія закона въ глубочайшую анархію, только въ силу одного факта провозглашенія и свободнаго принятія новаго законодательства настолько измѣнились, что безъ всякихъ побудительныхъ причинъ, кромѣ своихъ теоретическихъ соображеній, могли бы сдѣлаться ревностными исполнителями предписаній и законовъ, трактующихъ до сихъ поръ незнакомую имъ мораль.

Признать это чудо—значитъ тѣмъ самымъ признать ненужность государства, способность первобытнаго человѣка созерцать,

хотѣть и дѣлать добро исключительно по внутреннему побужденію своему, что совершенно противорѣчитъ теоріи такъ называемаго свободнаго государства и божественнаго: оба они исходятъ изъ того взгляда, что непосредственный человѣкъ неспособенъ импульсивно возвыситься къ добру, ибо импульсъ, можетъ толкнуть его только на путь зла. Вотъ почему оба они проповѣдуютъ, что для принятія и исполненія въ какомъ нибудь обществѣ законовъ, во главѣ этого общества должна находиться неусыпная власть, регулирующая, а значитъ и репрессивная.—Остается только узнать, кто можетъ исполнять ее?

Для государства, основаннаго на божественномъ правѣ или вмѣшательствѣ какого нибудь божества, отвѣтъ простъ: сначала «священники, потомъ временные авторитеты, освященные священниками. Гораздо сложнѣе отвѣтъ для государства, основаннаго на свободномъ договорѣ. Въ истинной демократіи, гдѣ провозглашено равенство, кто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть охранителемъ и исполнителемъ законовъ, защитникомъ справедливости и общественнаго порядка противъ дурныхъ страстей каждаго въ отдѣльности? противъ каждаго, который уже заявленъ неспособнымъ охранять самаго себя, обуздывать, поскольку это необходимо для общественнаго благополучія, свою собственную свободу, стремящуюся, конечно, ко злу.—Однимъ словомъ, кто выполнитъ функціи Государства?

Лучшіе граждане, отвѣтятъ намъ, наиболѣе интеллигентные и добродѣтельные, гѣ которые поймутъ лучше другихъ интересы общества и необходимость каждаго, долгъ каждаго принести въ жертву этимъ общественнымъ интересамъ свои собственные. Эти люди должны быть на столько же добродѣтельны, какъ и развиты духовно, въ противномъ случаѣ они могли бы заставить общественные интересы служить ихъ частнымъ, или же разрушить ихъ невольно, несмотря на всѣ свои добрыя намѣренія. Для того, чтобы любая республика не погибла въ тотъ или иной моментъ, необходимо, чтобы въ ней всегда находилось достаточное число подобныхъ гражданъ, необходимо, чтобы во все время ея существованія продолжалась цѣпь, такъ сказать, гражданъ, въ одно и то же время и добродѣтельныхъ и интеллигентныхъ. Условіе, которое нелегко и нечасто реализуется въ жизни. Въ исторіи каждой страны времена процвѣтанія знаменитыми и великими людьми отмѣчены, какъ необыкновенныя эпохи, которыя сіяютъ сквозь вѣка. Обыкновенно въ рядахъ власти господствуетъ ничтожество, безцвѣтность, а чаще еще въ исторіи преобладаютъ красные и черные цвѣта, т. е., всѣ пороки и кровавая жестокость. Изъ этого мы заключаемъ, что если принять теорію такъ называемаго свободнаго государства о томъ, что благополучіе общества зависитъ отъ количества добродѣтельныхъ и интеллигентныхъ гражданъ, то ни одно изъ существующихъ государствъ не могло бы суще-

вать. Если мы къ этимъ затрудненіямъ прибавимъ еще деморализующее вліяніе самой власти, экстраординарныя попытки людей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается власть, проявленія самолюбія, честолюбія, соперничества, зависти и неимовѣрной алчности, которыя окружаютъ денно и нощно самыя высокія общественныя положенія и отъ которыхъ не могутъ гарантировать ни интеллигентность, ни даже добродѣтель—такъ какъ изолированная добродѣтель слишкомъ гибка,—мы съ полнымъ правомъ можемъ приписать чуду существованіе обществъ; но пойдемъ дальше

Предположимъ, однако, во всякомъ государствѣ и во всякое время найдется достаточно интеллигентныхъ и добродѣтельныхъ людей, которые могли бы достойно выполнить возложенныя на нихъ обязанности. Кто ихъ отыщетъ, кто оцѣнитъ, и кто передастъ имъ въ руки бразды Государства? Овладѣютъ-ли они ими сами, полагаясь на свой умъ и совѣсть такъ, какъ это сдѣлали два греческихъ мудреца Клеобулъ и Періандръ, которымъ, несмотря на ихъ предполагаемую мудрость, греки дали прозвища тирановъ? Но какимъ образомъ овладѣютъ они этой властью? Убѣжденіемъ или силой? Если первымъ, то мы замѣтимъ, что убѣдить другого можно въ томъ, въ чемъ онъ въ глубинѣ души убѣжденъ, и что лучшіе люди тѣ, которые меньше всего убѣждены въ своихъ заслугахъ; и даже сознавая ихъ, они не любятъ выставлять ихъ предъ другими, тогда какъ посредственные, дурные люди, всегда довольные сами собой, съ удовольствіемъ прославляютъ себя. Но представимъ себѣ, что во имя блага отечества, люди дѣйствительно достойные поборятъ въ себѣ прирожденную скромность и заявятъ о себѣ во время подачи голосовъ ихъ согражданъ,—будутъ-ли они приняты и выбраны народомъ, предпочтутъ ли ихъ честолюбивымъ интриганамъ, краснорѣчивымъ ловкачамъ? Если же они захотятъ воздѣйствовать силой, имъ нужна дѣйствительно сила, которая могла-бы сломить упорство цѣлой партіи. Они достигнутъ власти гражданской войной, въ концѣ которой останется партія не убѣжденная, а побѣжденная, и потому враждебная. Чтобы ею владѣть, имъ придется продолжать пользованіе той-же силой. Это будетъ уже не свободное общество, но деспотическое государство, основанное на жестокости; въ немъ вы сможете найти много удивительныхъ вещей, но не свободу.

Что бы вѣрить въ фикцію государства, основаннаго на общественномъ договорѣ, нужно предположить, что большинство гражданъ всегда будетъ настолько осторожно, справедливо и разумно, чтобы выбирать и назначать правителями людей наиболѣе достойныхъ и способныхъ. Но если какой либо народъ не случайно и не единожды, а всегда, во всѣхъ выборахъ, во все время своего существованія будетъ выказывать такое благоразуміе, справедливость, осторожность, не значитъ-ли это, что народъ этотъ въ массѣ

достигъ такого уровня нравственности и культуры, что не нуждается ни въ правительствѣ, ни въ государствѣ?

Такой народъ не можетъ жить, предоставивъ свободное теченіе своимъ инстинктамъ: справедливость и общественный порядокъ будутъ его главными заботами и государство, переставъ быть провидѣніемъ, опекуномъ, воспитателемъ, регуляторомъ общества, отказавшись отъ репрессивной власти и занявъ ту роль, которую указалъ ему Прудонъ, превратилось бы просто въ дѣловое бюро, родъ центральной конторы, услуживающей обществу.

Конечно, такая политическая организація, вѣрнѣе, такое уменьшеніе политической дѣятельности въ пользу свободы общественной жизни, было бы большимъ благомъ для общества, но оно не удовлетворило бы сторонниковъ государства, какъ такового. Имъ нужно государство-провидѣніе, государство—распорядитель общественной жизни, хранитель справедливости и регуляторъ общественнаго порядка. Т. е. имъ нужно, говорятъ ли они объ этомъ откровенно или нѣтъ, называются ли соціалистами, демократами, республиканцами,—имъ нуженъ болѣе или менѣе невѣжественный народъ, ничтожный, неспособный, или называя вещи своими именами, народъ-чернь, чтобы управлять имъ, чтобы, насилуя свое безпристрастіе и скромность, сохранять первыя мѣста, чтобы всегда имѣть случай отдаться общественному дѣлу и чтобы, благодаря ихъ добродѣтельному самопожертвованію, ихъ исключительной интеллигентности, привиллегированные охранители человѣческаго стада, направляя его къ благу его и къ добру, въ то же время немножко остригли его.

Всякая послѣдовательная и искренняя теорія государства по существу своему основана на принципѣ авторитетности, т. е., на теологической, метафизической, политической идеѣ, что массы, никогда не способныя къ самоуправленію, должны подчиняться благодѣтельному игу мудрости и справедливости, которыя такъ или иначе ниспосланы свыше. Но ниспосланы кѣмъ и во имя чего? Авторитетъ, признанный и почитаемый массами, можетъ исходить изъ трехъ источниковъ: силы, религіи или воздѣйствія высшей духовной силы. Ниже мы поговоримъ о государствахъ, основанныхъ на авторитетѣ силы и религіи; теперь пока мы говоримъ о государствѣ, въ основу котораго положенъ общественный договоръ, и мы оставимъ и первое и второе. Намъ остается авторитетъ высшаго интеллекта, за который, какъ мы знаемъ, стоитъ теперь меньшинство.

Что же мы видимъ въ прошлыхъ и настоящихъ государствахъ, даже тогда, когда они богаты самыми демократическими учрежденіями, какъ Соединенные Штаты Сѣв. Америки и Швейцарія? Самоуправленіе массъ, несмотря на кажущееся всемогущество народа, не выходитъ изъ состоянія фикціи. Въ дѣйствитель-

ности управляетъ меньшинство. Въ Соединенныхъ Штатахъ до послѣдней войны за освобожденіе, а частью и теперь (какъ, напр., вся партія нынѣшняго президента Джонсона)—это, такъ сказать, демократы, сторонники рабства и жестокой олигархіи плантаторовъ;—демагоги безъ вѣры и совѣсти, способные все уничтожить изъ-за своей алчности, честолюбія, деморализовавшіе въ теченіе пятидесяти лѣтъ своимъ пагубнымъ вліяніемъ, не встрѣчавшимъ препятствій, политическіе взгляды Сѣв. Америки. Теперь меньшинство, дѣйствительно интеллигентное, великодушное, но все таки меньшинство,—партія республиканцевъ—борется съ ихъ пагубной политикой. Будемъ вѣрить въ ихъ полную побѣду, будемъ вѣрить во имя блага человѣчества; но мы не можемъ вѣрить тому, чтобы это меньшинство, при всемъ своемъ благородствѣ и великодушіи, достигнувъ власти, отказалось отъ исключительнаго положенія правящаго меньшинства, смѣшалось съ массой націи, чтобы самоуправленіе народное осуществилось наконецъ. Для этого иная революція должна разразиться, революція болѣе глубокая, чѣмъ всѣ, разыгравшіяся до сихъ поръ въ древнемъ и новомъ мірѣ.

Въ Швейцаріи, несмотря на всѣ демократическія революціи, все таки управляетъ страной зажиточный классъ, буржуазія, т. е., меньшинство, привиллегированное состояніемъ, досугомъ и образованіемъ. Господство народа,—слово, которое противно намъ, потому что всякое господство на нашъ взглядъ противно,—самоуправленіе народныхъ массъ—одна фикція. Народъ—господинъ по праву, но не въ дѣйствительности, потому что отягощенный своей ежедневной работой, лишающей его всякаго досуга, если и не вполнѣ невѣжественный, то во всякомъ случаѣ уступающій своимъ образованіемъ буржуазному классу, онъ вынужденъ передать свою мнимую власть въ его руки. Единственная выгода, которую онъ извлекаетъ—это то, что власть можетъ попасть въ руки только того честолюбиваго меньшинства, которое ухаживаетъ за народомъ, льститъ ему, угождаетъ его мимолетнымъ страстямъ, порою очень дурнымъ, и чаще всего обманываетъ его.

Да не подумаетъ никто, что мы критикуемъ демократическую власть въ пользу монархической. Мы глубоко убѣждены, что самая несовершенная республика въ тысячу разъ выше самой блестящей монархіи, потому что въ республикѣ, по крайней мѣрѣ, моментами народъ бываетъ не придавленъ, въ то время, какъ въ монархіи онъ всегда угнетаемъ. Кромѣ того, республиканскій режимъ возвышаетъ мало по малу массы до общественной жизни, чего никогда не можетъ сдѣлать монархія. Но, отдавая должное республикѣ, мы вынуждены все таки признать и заявить, что каковы бы не были формы правленія, но, пока, благодаря наслѣдственному неравенству занятій, состоянія, образованія и правъ, человѣческое общество останется раздѣленнымъ на классы, будетъ

оставаться и исключительное правленіе и хоть незамѣтная эксплоатація большинства меньшинствомъ.

Государство ни что иное, какъ эта власть и эксплоатація, урегулированная и систематизированная. Мы постараемся показать это, изслѣдуя послѣдствія управленія народными массами меньшинства, столь интеллигентнаго и одареннаго, какъ это желательно въ идеальномъ государствѣ, основанномъ на свободномъ договорѣ.

Разъ условія договора выработаны, остается только примѣнить ихъ на практикѣ. Предположимъ, что какой нибудь народъ настолько благоразуменъ, что сознаетъ свое несовершенство, но обладаетъ достаточной проницательностью, чтобы передать власть лучшимъ гражданамъ. Эти индивидуумы привиллегированы не по праву, но только въ силу обстоятельствъ. Они избраны народомъ за свой разумъ, ловкость, мудрость, великодушіе и одаренность.

Въ массѣ совершенно равныхъ гражданъ они не составляютъ отдѣльнаго класса, но группу людей, привиллегированныхъ по своимъ личнымъ качествамъ, избранныхъ народной подачей голосовъ. Ихъ количество весьма ограничено, потому что количество людей, столь замѣчательныхъ по своей одаренности, заслуживающихъ единодушное уваженіе націи, очень незначительно, какъ указываетъ намъ нашъ опытъ. Такъ что народъ изъ-за боязни ошибаться въ выборѣ, вынужденъ будетъ всегда выбирать правителей среди нихъ.

Предъ нами общество, раздѣленное на двѣ категоріи, чтобы не сказать пока на двакласса, изъ которыхъ одна—огромное большинство гражданъ—добровольно подчиняется правленію своихъ выборныхъ; другая—состоитъ изъ небольшого числа избранныхъ натуръ, по мнѣнію народа, который имъ поручилъ управлять собой. Завися отъ народнаго избранія, они сначала отличаются отъ остальныхъ гражданъ только своими личными качествами, благодаря которымъ они оказываются избранными, и между всѣми остальными они, конечно, оказываются наиболѣе полезными и одаренными.

Они не признаютъ пока за собой ни одной привиллегіи, кромѣ права исполнять спеціальныя функціи, которыя общество на нихъ возложило. Наконецъ, своимъ образомъ жизни, условіями и средствами своего существованія они рѣшительно не отличаются отъ всего міра, такъ что полное равенство царствуетъ между всѣми.

Долго ли можетъ оно поддерживаться?—Мы полагаемъ—нѣтъ, и это очень легко доказать.

Нѣтъ ничего опаснѣе для нравственности человѣка, какъ привычка властвовать. Самый лучшій человѣкъ, самый интеллигентный, самый безкорыстный, великодушный, чистый — невольно

портится отъ этой привычки. Два чувства, связанныя съ властью, приводятъ къ слѣдующей деморализаціи: къ презрѣнію народной массы и къ преувеличенію своего собственнаго достоинства.

Массы, признавъ свою неспособность къ самоуправленію выбрали меня своимъ начальникомъ. Тѣмъ самымъ онѣ признали свою подчиненность и мое превосходство. Между столькими людьми, признавшими едва нѣсколькихъ человѣкъ мнѣ равными, я одинъ способенъ направлять общественныя дѣла. Народъ нуждается во мнѣ, онъ не можетъ обойтись безъ моихъ услугъ, а я довольствуюсь самимъ собой; онъ долженъ для своего собственнаго благополучія слушать меня и, снисходя до управленія имъ, я созидаю его счастье.

Есть отчего потерять голову и сердце, также сойти съ ума отъ гордости, не правда ли? Такимъ образомъ власть и привычка властвовать дѣлаются для людей, наиболѣе интеллигентныхъ и добродѣтельныхъ, источникомъ отклоненія, какъ интеллектуальнаго такъ и нравственнаго.

Всякая человѣческая нравственность, — нѣсколько ниже мы постараемся доказать абсолютную истину этого принципа, развитіе, объясненіе и примѣненіе котораго мы поставили цѣлью этой работы,— всякая общественная или личная нравственность покоится на человѣческомъ уваженіи. Что мы понимаемъ подъ этими словами? Признаніе человѣчности человѣческаго права и чувства достоинства въ каждомъ человѣкѣ, какой бы онъ не былъ расы и цвѣта, степени развитія, нравственности. Но если человѣкъ глупъ, золъ, ничтоженъ, могу я его уважать? Конечно, если онъ таковъ, мнѣ трудно уважать его глупость, злость, грубость; онѣ мнѣ противны и оскорбляютъ меня; я возстану противъ нихъ, приму наиболѣе энергичныя мѣры, вплоть до убійства этого человѣка, если у меня не будетъ способа защитить противъ него своей жизни, своего права или того, что мнѣ дорого и уважаемо мною. Но среди наиболѣе энергичной и жестокой борьбы и даже смертельныхъ средствъ противъ него, я долженъ уважать его человѣческую природу.—Только этой цѣной я покупаю свое собственное человѣческое достоинство. Но если онъ самъ ни въ комъ его не уважаетъ, долженъ ли, могу-ли я уважать его человѣческое достоинство? Если онъ дикій звѣрь или нѣчто худшее, чѣмъ дикій звѣрь, не впадемъ ли мы въ фикцію, уважая его человѣческую природу? Нѣтъ, потому что, какъ бы низокъ онъ ни былъ интеллектуально и морально, если онъ не идіотъ, не сумасшедшій органически (тогда мы смотримъ на него какъ на больного, а не преступника), если онъ владѣетъ своими чувствами и разумомъ, даннымъ ему природой, его человѣческая натура существуетъ среди самыхъ чудовищныхъ заблужденій, какъ *способность, живущая въ немъ до его смерти, возвыситься до сознанія своей человѣчности*, —могущей про-

явиться, какъ только произойдетъ радикальный переворотъ въ о-ціальныхъ условіяхъ, которыя его создали таковымъ, какъ онъ есть.

Возьмите самую разумную способную обезьяну, поставьте ее въ самыя лучшія, самыя человѣческія условія, вы никогда не сдѣлаете изъ нея человѣка. Возьмите самаго огрубѣлаго преступника или человѣка, наиболѣе бѣднаго разумомъ; если только въ нихъ нѣтъ какого нибудь органическаго недостатка, приводящаго къ идіотизму или неизмѣнному сумасшествію, вы убѣдитесь прежде всего, что и въ ихъ преступности и въ отсутствіи сознанія своей человѣчности и обязанностей человѣка *виновны ни они сами, ни ихъ природа, но соціальная среда, въ которой они росли и развивались.*

Мы затрагиваемъ здѣсь самые важные общественные вопросы и вопросъ науки о человѣкѣ вообще. Мы нѣсколько разъ повторяли уже, что *совершенно не признаемъ свободной воли* въ томъ смыслѣ, который придаетъ ей теологія, метафизика и юриспруденція, т. е., какъ естественное самоопредѣленіе индивидуальной воли человѣка, независимо отъ всѣхъ общественныхъ и естественныхъ вліяній. Мы отрицаемъ существованіе души, моральнаго существа отдѣльно и отдѣленнаго отъ тѣла. Мы утверждаемъ, что такъ же, какъ тѣло человѣка со всѣми его способностями и врожденными предрасположеніями—только результатъ всѣхъ общихъ и частныхъ причинъ, опредѣляющихъ его индивидуальную организацію,—такъ то, что мы называемъ его душой, его интеллектуальныя и моральныя способности, прямые результаты или, лучше сказать, естественное непосредственное выраженіе этой организаціи, выраженіе степени органическаго развитія, благодаря которому, изъ совокупности всѣхъ этихъ причинъ, независимыхъ отъ воли, образуется умъ.

Каждый индивидуумъ, даже самый несложный—продуктъ вѣковъ; исторія причинъ, создавшихъ его, не имѣетъ начала. Если-бы мы обладали даромъ, котораго ни у кого не было и не будетъ, то, зная, охватывая безконечное разнообразіе преобразованій матеріи или существъ, которыя наслѣдовали роковымъ образомъ отъ рожденія земли до рожденія изслѣдуемаго субъекта, мы могли-бы, не зная его никогда, сказать съ почти математической точностью, какова органическая природа его, опредѣлить до мельчайшихъ подробностей характеръ его интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей,—однимъ словомъ—его душу въ моментъ ея рожденія. Не имѣя возможности анализировать и охватить всѣ эти послѣдовательныя преобразованія, мы говоримъ, не боясь ошибиться, что

каждый человѣческій индивидуумъ въ моментъ рожденія есть результатъ историческаго развитія,—т. е., физіологическаго и соціальнаго,—его расы, народа, его касты,—если въ странѣ его существуютъ таковыя,—его семьи, предковъ и индивидуальной природы его отца и матери, которые передали ему непосредственно физіологически свое,—которые служатъ какъ бы точкой отправленія для него, опредѣленіемъ его личности, которые передали всѣ фатальныя обстоятельства ихъ внутренняго существованія, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго, личнаго и соціальнаго, т. е., ихъ мысли, чувства, поступки, всѣ превратности ихъ жизни, великія или малыя событія, въ которыхъ они принимали участіе, различныя случайности, происшедшія съ ними *), —все, что они унаслѣдовали тѣмъ же путемъ отъ своихъ родителей.

Мы не имѣемъ надобности напоминать, что впрочемъ никто и не оспариваетъ, что различіе расъ, народовъ, даже классовъ и семей, опредѣляется географическими, этнографическими, физіологическими, экономическими причинами,—(сюда относятся и два великихъ вопроса: о занятіяхъ,—раздѣленіе общественной работы и раздѣленія богатствъ, и о качествѣ и количествѣ пищи),—такъ же какъ и историческими, религіозными, философскими, юридическими, политическими и соціальными; что всѣ эти причины, комбинируясь различнымъ образомъ для каждой расы, каждой націи, для каждой провинціи, общины, каждаго класса, семьи—создаетъ каждая свою физіономію, т. е. различный физіологическій типъ, извѣстную сумму предрасположеній и способностей, независимо отъ воли личностей, ихъ созидающихъ, которыя являются ихъ-же продуктомъ.

Итакъ, уже въ моментъ рожденія своего каждый человѣческій индивидуумъ является *органической, матеріальной составной силой* всего безконечнаго разнообразія обстоятельствъ, скомбинировавшихся при его созданіи. Его душа, т. е., органическое предрасположеніе къ развитію чувствъ, идей и воли—тоже только про-

*) Случайности, которымъ подвергается зародышъ еще въ чревѣ матери, прекрасно объясняютъ въ большинствѣ случаевъ разницу между дѣтьми однихъ родителей, объясняютъ какимъ образомъ у умныхъ родителей рождается ребенокъ идіотъ. Но это исключительные случаи, конечно, вызванные какими нибудь моментными, преходящими причинами.

Природа, благодаря отсутствію добраго Бога, не капризна и ничего не дѣлаетъ безъ достаточныхъ причинъ никогда не измѣняетъ направленіе и свое стремленіе, пока не столкнется съ превосходящей противной силой, такъ что правило воспроизведенія рода человѣческаго въ парахъ, составляющихъ послѣдовательно семью, таково: *если каждая пара прибавляла къ физіологическому наслѣдію своихъ родителей нѣчто новое въ развитіи тѣла, интеллекта или нравственности*, такъ какъ каждое совершенствованіе идеалистическое въ то же время непремѣнно и матеріальное, обязанное мозгу, *каждый новый потомокъ долженъ быть со всѣхъ отношеній выше своихъ родителей.*

дуктъ ихъ. Она обусловлена физіологическими особенностями мозговой и нервной системы, которая, какъ и все въ тѣлѣ человѣка, зависитъ отъ болѣе или менѣе счастливой комбинаціи этихъ обстоятельствъ. Она главнымъ образомъ состоитъ изъ того, что мы называемъ *личной, примитивной природой индивидуума.*

Индивидуальностей на свѣтѣ столько же, сколько и людей. Эта разница между индивидуальностями вырисовывается все яснѣе по мѣрѣ развитія индивидуумовъ; вѣрнѣе, она не только вырисовывается яснѣе, но она сама увеличивается, потому что внѣшнія обстоятельства, явленія, тысячи неуловимыхъ причинъ, вліяющихъ на развитіе индивидуальности, становятся все разнообразнѣе. Вотъ почему, чѣмъ больше человѣкъ живетъ, чѣмъ опредѣленнѣе вырисовывается его личность, тѣмъ рѣзче отличается онъ своими достоинствами и недостатками отъ другихъ людей.

Насколько же присуща новорожденному эта индивидуальность души, т. е., особенности мозговой и нервной системы? Этотъ вопросъ должны разрѣшить намъ физіологи. Мы знаемъ только, что всѣ эти особенности должны быть наслѣдственны въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы пытались разъяснить, т. е. онѣ опредѣляются безконечнымъ множествомъ разнообразныхъ причинъ, какъ моральныхъ и матеріальныхъ, такъ и механическихъ, физическихъ, органическихъ, духовныхъ, историческихъ, географическихъ, экономическихъ, соціальныхъ, большихъ и малыхъ, постоянныхъ и случайныхъ, близкихъ и разсѣянныхъ въ пространствѣ и времени: *вся эта безконечность условій комбинируется въ первый и послѣдній разъ въ одномъ живомъ существѣ, въ одной индивидуальности, является единственной въ своемъ родѣ во всемъ потокѣ преобразованій вселенной, концентрируется въ одномъ ребенкѣ, который, въ буквальномъ смыслѣ слова, не имѣлъ и никогда не будетъ имѣть себѣ подобныхъ.*

Остается узнать, насколько опредѣлена уже это индивидуальность въ моментъ появленія ребенка на свѣтъ изъ чрева матери? Опредѣлена ли она только въ матеріальномъ смыслѣ или духовномъ и нравственномъ въ то-же время? есть-ли это только направленіе, способность или инстинктивное предрасположеніе? Родится ли ребенокъ умнымъ или глупымъ, хорошимъ или дурнымъ, сильнымъ волей или нѣтъ, расположеннымъ къ развитію того или иного таланта или нѣтъ? Можно ли наслѣдовать характеръ, привычки, достоинства и недостатки, какъ интеллекта, такъ и нравственности своихъ родителей и предковъ?

Вопросы эти—чрезвычайной трудности: мы не думаемъ, чтобы физіологія и экспериментальная психологія дошли до необходимой высоты и совершенства, чтобы отвѣтить на нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Нашъ знаменитый соотечественникъ, Сѣченовъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о дѣятельности мозга говоритъ,

что въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ 999/1000 психическихъ характеровъ индивидуумъ *) . . . . . .

. . . . . .

. . . . . несомнѣнно болѣе или менѣе чувствительными въ человѣкѣ до самой смерти его. «Не думаю, говоритъ онъ, чтобы воспитаніе могло превратить глупца въ умнаго человѣка. Это также невозможно, какъ и заставить слышать человѣка, лишеннаго отъ рожденія слухового нерва. Но я думаю, что европейское воспитаніе и жизнь среди европейскаго общества могутъ изъ маленькаго лапландца, негра или самоѣда, одаренныхъ врожденной интеллигентностью, создать человѣка, мало чѣмъ отличающагося отъ цивилизованнаго европейца».

Устанавливая эту разницу между 999/1000 поддающихся воспитанію и 1/1000, всецѣло зависящей отъ врожденныхъ особенностей, Сѣченовъ не имѣетъ, конечно, въ виду исключительныхъ людей:— ни геніевъ и выдающихся талантовъ, ни идіотовъ, ни дураковъ. Онъ разумѣетъ преобладающее большинство со средними обыкновенными способностями. Эта точка зрѣнія на общественный организмъ—самая правильная, интересная, самая вѣрная, ибо общество создается ими и для нихъ, а не исключительными людьми, геніями, какъ бы колоссально ни было ихъ вліяніе.

Насъ интересуетъ вопросъ: могутъ ли *нравственныя свойства*: доброта, злость, мужество, трусость, сила, слабость характера, великодушіе, скупость, эгоизмъ, любовь къ ближнему и другія какъ положительныя, такъ и отрицательныя, зарождаться въ ребенкѣ по наслѣдству-ли отъ родителей или предковъ, или просто, подъ вліяніемъ какой-нибудь извѣстной или неизвѣстной причины,—когда онъ находится еще въ чревѣ матери?—Однимъ словомъ, можетъ ли ребенокъ явиться на свѣтъ, уже снабженный какими-либо предрасположеніями въ сферѣ нравственности.

Не думаемъ. Чтобы выяснить этотъ вопросъ, признаемъ прежде всего, что если врожденность тѣхъ или иныхъ нравственныхъ чертъ допустима, то подъ условіемъ тѣсной связи этихъ послѣднихъ съ физіологическими, матеріальными особенностями его организма. Новорожденный ребенокъ не имѣетъ ни души, ни ума, ни чувствъ, ни даже инстинктовъ: онъ рождается для всего этого: это только физическое существо, его особенности и качества могутъ быть только физіологическими и анатомическими. Поэтому, чтобы ребенокъ родился добрымъ, великодушнымъ, храбрымъ, или злымъ, скупымъ, эгоистомъ, трусомъ, нужно, чтобы всѣ эти достоинства и недостатки были тѣсно связаны съ его физическими особенностями и, такъ сказать, локализировались въ организмѣ, въ мозгу; такъ мы прійдемъ къ системѣ Галля, который полагалъ, что

*) Въ рукописи здѣсь пропущено нѣсколько строкъ.

онъ нашелъ для каждаго достоинства и недостатка соотвѣтствующій выступъ или пониженіе черепа; какъ мы знаемъ, эта система совершенно отвергнута современными физіологами.

Но если бы даже эта система и была основательна, каковъ былъ-бы результатъ? Оставалось бы узнать, можно ли воспитаніемъ побѣдить эти нравственныя врожденныя черты, какъ недостатки, пороки, такъ и добродѣтели? Если да, то вся отвѣтственность за всѣ преступленія, совершаемыя людьми, падала бы на общество, которое не дало людямъ нужнаго имъ воспитанія, а не на нихъ самихъ, являющихся жертвами общественной непредусмотрительности. Если же нѣтъ, то общество принуждено было бы избавляться отъ всѣхъ индивидуумовъ, обладающихъ какими-нибудь врожденными пороками, такъ какъ считало-бы эти пороки неисправимыми, роковыми. Но чтобы самому не впасть въ ужасный порокъ—лицемѣріе, общество должно признать, что оно поступило бы такъ исключительно во имя самосохраненія, но никакъ не во имя справедливости.

Еще одно соображеніе можетъ способствовать разъясненію этого вопроса. Какъ въ физическомъ, такъ и въ интеллектуальномъ и моральномъ мірѣ существуетъ только положительное, отрицательное, какъ таковое, само по себѣ не существуетъ, не составляетъ чего либо отдѣльнаго, такъ какъ оно ничто иное, какъ большая или меньшая степень положительнаго. Такъ, холодъ есть только различная степень тепла, только относительное отсутствіе, сильная степень пониженія его. Точно такъ-же—тьма есть свѣтъ, уменьшенный до чрезвычайности. Абсолютные тьма и холодъ не существуютъ. Въ интеллектуальной сферѣ глупость это только слабость ума, въ нравственномъ злоба, алчность, трусость—только доброжелательство, великодушіе, мужество, доведенное не до нуля, но до самой маленькой величины. Какъ бы она ни была мала, она можетъ сдѣлаться больше, благодаря воспитанію, ибо она все-же величина положительная; она можетъ быть укрѣплена, развита въ положительную сторону, что невозможно было-бы, если бы пороки, отрицательныя качества существовали сами по себѣ; въ послѣднемъ случаѣ ихъ слѣдовало бы убивать, а не воспитывать, потому что они могли бы развиваться только въ отрицательномъ смыслѣ.

Не позволяя себѣ предрѣшать столь важные физіологическіе вопросы, въ которыхъ, говоря откровенно, чувствуемъ себя невѣждами, мы, опираясь на единодушное мнѣніе всѣхъ современныхъ физіологовъ, прибавимъ еще одно и послѣднее соображеніе: кажется, уже признано и доказано, что въ организмѣ человѣческомъ нѣтъ отдѣльныхъ органовъ, гдѣ локализировались бы, какъ инстинктивныя, безотчетныя, такъ и нравственныя, интеллектуальныя побужденія; что всѣ онѣ сосредоточены въ одной и той же части

мозга, и работаютъ однимъ и тѣмъ же нервнымъ механизмомъ *), изъ чего ясно видно, что не можетъ быть рѣчи о какихъ то нравственныхъ и безнравственныхъ предрасположеніяхъ, заложенныхъ уже и въ ребенкѣ, особенныхъ качествъ и наслѣдственныхъ порокахъ, что врожденная нравственность ничѣмъ не отличается отъ врожденнаго интеллекта; и первая и второй требуютъ извѣстной духовной высоты, которая достигается развитіемъ мозга вообще.

Разъ аналогическое и физіологическое строеніе разума опредѣлено, говоритъ г. Литтре (355 стр.), можно проникнуть глубоко въ его исторію. До тѣхъ поръ, пока она не измѣнена и не обогащена цивилизаціей, охватываетъ только простыя идеи **), создавшіяся внутренними и внѣшними впечатлѣніями ***), она еще на низахъ: чтобы подняться на высшую ступень, ей нужно только собирать и ассоціировать ихъ ****), — этого довольно. Мало по малу образуются совершенныя комбинаціи, которыя увеличиваютъ силу, расширяютъ поле дѣятельности мозга *****); такъ время отъ вре-

*) См. замѣчательную статью г. Литтре «о методѣ въ психологіи» въ обзорѣ «Позитивной философіи»: доказано физіологически, говоритъ знаменитый позитивистъ, что мозгъ *ничего не создаетъ отъ себя, получаетъ*. Его функція — перерабатывать то, что передается ему (чувствами) въ ощущенія и идеи: но онъ ничего ровно не значитъ для того, что составляетъ сущность этихъ идей и ощущеній. Говоря правду, онъ все получаетъ извнѣ: органическія склонности, безъ которыхъ нельзя поддержать ни индивидуальной, ни социальной жизни, безъ которыхъ не было бы и чувства, настолько внѣшни (у человѣка), что природа создаетъ ихъ независимо отъ всякихъ мозговыхъ психическихъ областей, какъ у растеній, такъ особенно у низшихъ животныхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что надо нѣсколько измѣнить понятіе *субъективный*. Субъективнымъ не означаетъ чего то предсуществующаго развитію человѣческаго существа, какъ умъ, идея, чувство, идеалъ, оно означаетъ только способность обработки, исходящую изъ нервныхъ клѣточекъ: за исключеніемъ этого случая *субъективный* смѣшивается съ *объективнымъ* (по III, стр. 302). Онъ говоритъ далѣе (стр. 343—4): «Сужденіе вовсе не есть способность обозрѣвать впечатлѣнія, предъ нимъ находящіяся, его единственное назначеніе (дѣятельность чисто физіологическая) сравнивать ихъ для вывода заключенія, но никакъ не судить ихъ самихъ. Это подтверждается галлюцинаціей, результатомъ впечатлѣній безъ всякаго объективнаго возбужденія, болѣзненной игрой нервныхъ клѣточекъ отягченныхъ передачей, обманчивыя впечатлѣнія достигаютъ интеллектуальнаго центра (нервное вещество той части мозга, которая занимаетъ высшую внутреннюю область черепной коробки или, говоря просто, мозгъ), какъ будто бы онѣ реальны, сужденіе овладѣваетъ ими, работаетъ надъ этимъ обманчивымъ матеріаломъ, и возбуждаемыя конкреціи готовы. Въ концѣ концовъ, за исключеніемъ патологическихъ поврежденій, подобный же опытъ происходитъ въ историческомъ развитіи человѣческихъ конкреціи. Причина лежитъ сначала въ наблюденіяхъ — самыхъ простыхъ, а затѣмъ уже въ сужденіяхъ. Наблюденіе говоритъ, что солнце встаетъ съ востока и заходитъ на западѣ, на этомъ сужденіе строитъ ложную конкрецію, которая исправляется только благодаря другимъ, лучшимъ, наблюденіямъ. Если бы сужденія была первичны, а не вторичны, исторія человѣчества была бы иная (человѣчество не имѣло бы своимъ предкомъ родственника гориллы), великій свѣтъ былъ сначала, откуда слѣдуетъ путемъ дедукціи вторичный: такова геологическая гипотеза. Литтре могъ бы прибавить метафизическую и юридическую.

**) Мы сказали бы первичныя понятія, или *даже* простыя представленія.

***) Чувственными впечатлѣніями, получаемыми индивидуумомъ, какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ предметовъ посредствомъ своихъ нервовъ.

****) Удержаніе въ памяти простыхъ идей и ассоціированіе ихъ дѣятельностью мозга.

мени предпринимаются и болѣе обширные интеллектуальные труды. Орудіе мысли развивается и совершенствуется: безъ него нельзя создать ничего примѣчательнаго ни въ области разума, ни индустріи.

По мѣрѣ того, какъ эта переработка совершается, она призываетъ на помощь важное пріобрѣтеніе жизни—наслѣдственность, которая укрѣпляетъ, помогаетъ и облегчаетъ ее. Новыя мыслительныя способности, разъ пріобрѣтенныя, передаются потомству уже въ видѣ врожденныхъ — это доказано уже опытомъ; эта наслѣдственность во второмъ, третьемъ поколѣніи создаетъ усовершенствованную человѣческую расу. Это видно при столкновеніи расъ, не прошедшихъ такого пути: низшая растворяется сейчасъ же въ высшей или послѣ долгаго промежутка времени подымается до уровня высшей».

Далѣе Литтре цитируетъ Льюиса: «Мозговая сфера, гдѣ сосредоточены аффективныя страсти и та, въ которой господствуютъ исключительно интеллектуальныя проявленія, тѣсно сплетены самой близкой, непосредственной связью» и прибавляетъ *):

«Это полное сходство между разумомъ и чувствомъ, т. е. одинъ и тотъ же источникъ, гдѣ нервы черпаютъ **), одинъ и тотъ же центръ, гдѣ почерпнутое ими перерабатывается, плюсъ полное тождество этихъ двухъ центровъ, — все это указываетъ на то, что физіологія чувства ничѣмъ не разнится отъ физіологіи интеллекта.

«Значитъ, слѣдуетъ отказатся отъ поисковъ спеціальныхъ органовъ въ мозгу для аффектовъ и страстей и видѣть въ немъ только непроизвольную дѣятельность, которая стремится опредѣлиться.

«Источникъ идей въ ощущеніяхъ, источникъ чувствъ въ инстинктивныхъ впечатлѣніяхъ. Задача нервныхъ клѣточекъ преобразовать эти инстинктивныя впечатлѣнія въ чувство. Вопросъ о происхожденіи чувства идетъ а параллельно съ вопросомъ о происхожденіи идей.

«Этотъ видъ мозговой дѣятельности проявляется на двухъ категоріяхъ инстинктивныхъ впечатлѣній. На тѣхъ, которыя служатъ для поддержанія индивидуальной жизни и тѣхъ, которыя поддерживаютъ жизнь рода. Первая категорія перерабатывается въ себялюбіе, вторая — въ любовь къ другимъ: въ примитивномъ

*) Стр. 357.

**) Источникъ, изъ котораго нервы черпаютъ впечатлѣнія, какъ чувственныя такъ и инстинктивныя, общемозговой чувствительный центръ (sensorium commune), это, по мнѣнію Литтре и Льюиса, оптическое ложе, гдѣ сосредоточиваются всѣ ощущенія, какъ внѣшнія, такъ внутреннія, т. е., созданныя внѣшними предметами, или происходящія изнутри, изъ какихъ либо внутреннихъ органовъ, системой волоконъ и сообщеній этотъ центръ передаетъ ощущенія сѣрому веществу мозга, иначе говоря—ложе способностей, какъ безотчетныхъ, такъ и интеллектуальныхъ. (Стр. 340—34).

видѣ въ любви половъ, матери къ ребенку и ребенка къ матери.

«Не мѣшаетъ по этому поводу бѣгло взглянуть на сравнительную физіологію. У рыбъ, стоящихъ на низшей ступени позвоночныхъ, нѣтъ ни семьи, ни дѣтей, остается только половой инстинктъ. Чувство, уже рожденное инстинктомъ, замѣчается у нѣкоторыхъ млекопитающихъ и птицъ; у нихъ уже настоящая семья, но только временная. Въ ней однако виденъ уже абрисъ семьи, въ которой опредѣляется работа родителей, для дѣтей и дѣтей для родителей. Наконецъ, среди различныхъ человѣческихъ семействъ завязываются столь близкія отношенія, какъ и между членами семьи; такъ зарождается тамъ и сямъ общежительность среди животнаго царства.

«Фундаментъ заложенъ; не мѣшаетъ замѣтить теперь, что изъ первоначальныхъ чувствъ, по мѣрѣ усложненія существованія отдѣльнаго индивидуума и общества, образуются вторичныя и комбинаціи ихъ, которыя также неразрывны, какъ ассоціаціи идей». (стр. 357).

Итакъ, уже кажется доказано, что въ мозгу нѣтъ спеціальныхъ органовъ, какъ для различныхъ способностей интеллекта, такъ и для страстей, аффектовъ, дурныхъ и хорошихъ качествъ нравственности.

Поэтому недостатки, какъ и достоинства не могутъ быть врождены или унаслѣдованы, такъ какъ врожденность можетъ быть только матеріальная, физіологическая. Въ чемъ же заключается исторически передаваемое прогрессивное усовершенствованіе мозга, какъ въ интеллектуальной, такъ и въ моральной сферѣ? Въ гармоническомъ развитіи, какъ мозговой, такъ и вообще нервной системы, т. е., какъ въ правильности, тонкости и быстротѣ нервныхъ впечатлѣній, такъ и въ способности мозга переработать эти впечатлѣнія въ чувства и идеи, охватить ихъ, удержать и ассоціировать возможно шире.

Возможно, что у какой-нибудь расы, націи, какого-нибудь сословія, семьи, благодаря особенностямъ ихъ природы, опредѣляемой всегда историческими, географическими и экономическими условіями, качествомъ и количествомъ пищи, а также благополучіемъ политической и соціальной организаціи, однимъ словомъ, всей жизнью и степенью развитія интеллектуальнаго и моральнаго,—одна или нѣсколько системъ органическихъ функцій, составляющихъ жизнь человѣческаго тѣла, разовьются въ ущербъ другимъ, эта печальная дисгармонія по наслѣдству передастся потомству, которое исправитъ по возможности ее работой надъ самимъ собой и соціальными революціями, безъ которыхъ достиженіе полной гармоніи физіологическаго развитія индивидуума, взятаго въ отдѣльности, часто становится невозможнымъ.

Во всякомъ случаѣ, абсолютная гармонія въ развитіи чело-

вѣческаго тѣла, а, значитъ, и способностей человѣка, какъ мускульныхъ, инстинктивныхъ, такъ и моральныхъ и интеллектуальныхъ— идеалъ, реализація, достиженіе котораго невозможно, во первыхъ потому, что исторія накладываетъ болѣе или менѣе— придетъ время, когда можно будетъ сказать все менѣе и менѣе—свою печать на физіологію, какъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ индивидуумовъ; во вторыхъ, потому, что каждая семья, каждый народъ окружены всегда различными обстоятельствами и условіями, между которыми нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, всегда будутъ мѣшать ихъ полному и нормальному развитію.

То же, что можетъ быть унаслѣдовано однимъ поколѣніемъ отъ другого, что можетъ быть физіологически врождено индивидууму (рождающемуся) для жизни, это ни добродѣтели, ни пороки, ни идеи и ассоціаціи ихъ и чувствъ, но исключительно орудіе, инструментъ, какъ мускульный, такъ и нервный—болѣе или менѣе усовершенствованные органы, посредствомъ которыхъ человѣкъ движется, дышетъ, чувствуетъ, воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія и удерживаетъ ихъ, воображаетъ, судитъ, комбинируетъ, ассоціируетъ и обхватываетъ чувства и идеи, которыя ни что иное, какъ тѣ же впечатлѣнія, внѣшнія и внутреннія, сгруппированныя и преобразованныя сначала въ конкретныя представленія, затѣмъ въ отвлеченныя понятія физіологической и, прибавимъ, совершенно безотчетной дѣятельностью мозга.

Ассоціаціи идей и чувствъ, развитіе и преобразованіе которыхъ составляетъ интеллектуальную и моральную часть человѣческой исторіи, не опредѣляютъ какихъ-либо новыхъ органовъ человѣческаго мозга, относящихся къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, не могутъ быть переданы индивидуумамъ физіологической наслѣдственностью. Что наслѣдуется физіологически—это только усовершенствованная, укрѣпленная, развившаяся способность удерживать ассоціаціи и создавать новыя. Но самыя ассоціаціи и комплексъ идей, ихъ составляющихъ, какъ идея о Богѣ, о родинѣ, о нравственности и т. п., не могутъ быть врождены и передаются только путемъ соціальной традиціи и воспитанія. Они охватываютъ ребенка со дня его рожденія и, такъ какъ ими пропитана вся окружающая жизнь, всѣ мелочи, какъ моральной, такъ матеріальной сферы соціальнаго міра, въ которомъ онъ рождается, то они проникаютъ тысячами путей въ его совѣсть, сначала дѣтскую, потомъ отроческую, юношескую, которая рождается, растетъ и формируется подъ ихъ всесильнымъ вліяніемъ.

Понимая воспитаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, не только какъ указанія и уроки нравственности, но, главнымъ образомъ, какъ примѣръ окружающихъ, какъ вліяніе всего, что ребенокъ слышитъ, видитъ; не только воспитаніе его ума, но и тѣла посредствомъ пищи, гигіены, упражненія физической силы.—

мы говоримъ съ полной увѣренностью своей правоты, что всякій ребенокъ, отрокъ, юноша и, наконецъ, всякій сложившійся человѣкъ только продуктъ міра, который его вскормилъ и выростилъ на своей груди, продуктъ роковой, невольный и потому неотвѣтственный.

Онъ вступаетъ въ жизнь безъ души, безъ совѣсти, безъ тѣни идей и чувствъ, но съ человѣческимъ организмомъ, индивидуальность котораго опредѣляется безконечнымъ множествомъ условій и обстоятельствъ, предшествовавшихъ рожденію его воли, и опредѣляющихъ его способность пріобрѣтать и усваивать чувства, идеи, ихъ ассоціаціи, обработанныя вѣками и переданныя каждому, какъ соціальное наслѣдство, воспитаніемъ, хорошее или дурное. Но это воспитаніе овладѣваетъ имъ, и онъ не отвѣтственъ за него. Оно формируетъ его, поскольку его индивидуальность это позволяетъ, такъ, чтобы онъ думалъ, чувствовалъ, желалъ то, что думаетъ, чувствуетъ и желаетъ окружающій его міръ.

Быть можетъ, насъ спросятъ: какъ же въ такомъ случаѣ одно и то же воспитаніе создаетъ различные характеры, развиваетъ различно умъ и сердце? Не отличаются ли самыя натуры отъ рожденія? Эта разница, какъ бы она ни была мала, все-таки нѣчто реальное, положительное: разница темпераментовъ, жизненной энергіи, преобладанія тѣхъ или иныхъ чувствъ, однѣхъ органическихъ функцій надъ другими, прирожденныхъ способностей и живости. Мы старались уже доказать, что добродѣтели, какъ и пороки, факты личной и соціальной совѣсти не могутъ быть унаслѣдованы, что никакая физіологическая организація не можетъ приговорить человѣка ко злу, сдѣлать его совершенно невоспріимчивымъ къ добру; но мы вѣдь не отрицали, что различныя натуры различно одарены, что нѣкоторыя изъ нихъ способны къ болѣе широкому развитію, чѣмъ другія. Мы полагаемъ, правда, что въ наше время слишкомъ злоупотребляютъ этой природной разницей между индивидуумами, что большую часть различія слѣдуетъ приписать различному воспитанію каждаго.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно прежде всего, чтобы науки, призванныя его рѣшать: физіологическая психологія — или наука о мозгѣ — и педагогика, наука о воспитаніи или общественномъ развитіи мозга, — вышли бы изъ того ребяческаго состоянія, въ которомъ онѣ теперь обѣ находятся. Но признавъ физіологическую разницу между людьми, какова бы она ни была, мы должны, очевидно, рѣшить, что какъ бы прекрасна ни была сама по себѣ система воспитанія, она, какъ система отвлеченная, можетъ быть хороша для одного и плоха для другого.

Совершенная система воспитанія должна быть гораздо болѣе индивидуализирована, чѣмъ теперь, она должна быть индивидуальна съ точки зрѣнія свободы, во имя свободы даже дѣтей.

Цѣль ея не дрессировка характера, ума и сердца, а пробужденіе ихъ для свободной, независимой дѣятельности; она должна преслѣдовать одну цѣль—свободу, культъ ея, уваженіе свободы каждаго и всѣхъ, справедливость не юридическую, но человѣческую, созданіе простого взгляда не геологическаго, не метафизическаго, но научнаго созданія мускульной и нервной работы, которая служитъ основаніемъ и обязанностью каждаго, основаніемъ его чувства достоинства, его свободы и его права. Подобное воспитаніе женщинъ и мужчинъ въ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ, основанныхъ на полной справедливости, заставитъ исчезнуть такъ называемую природную разницу.

Но несовершенство воспитанія, каково бы оно ни было, возразятъ намъ,—не можетъ объяснить столь непонятный фактъ, что въ самыхъ безнравственныхъ семьяхъ, встрѣчаются часто личности, которыя поражаютъ насъ своимъ благородствомъ чувствъ и инстинктовъ, и, наоборотъ, въ семьяхъ интеллигентныхъ, весьма нравственныхъ—встрѣчаются еще чаще люди, лишенные и ума, и сердца; этотъ фактъ совершенно уничтожаетъ, кажется, мнѣніе, гласящее, что большая часть моральныхъ и интеллектуальныхъ качествъ человѣка зависитъ отъ воспитанія, которое онъ получилъ. Но это противорѣчіе кажущееся. Дѣйствительно, хотя мы утверждали, что въ большинствѣ случаевъ люди—продуктъ соціальныхъ условій, среди которыхъ они живутъ, хотя мы оставляемъ физіологическому наслѣдству и врожденнымъ качествамъ, приносимымъ имъ, очень маленькое сравнительно мѣсто, мы вѣдь все-таки не отрицаемъ ихъ совершенно: мы даже признали, что въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у геніевъ, большихъ талантовъ, или, наоборотъ, у идіотовъ или у натуръ весьма низменныхъ,—вліяніе врожденности на развитіе индивидуума, вліяніе столь же роковое, какъ и вліяніе воспитанія, можетъ быть весьма сильно. Послѣднее слово по всѣмъ этимъ вопросамъ принадлежитъ, конечно, физіологіи мозга, которая не дошла еще до той высоты, какая нужна для рѣшенія этихъ вопросовъ даже предположительно. Одно мы можемъ утверждать съ увѣренностью, что эти вопросы колеблются между двумя неизбѣжностями: естественнымъ, органическимъ, физіологическимъ наслѣдіемъ и наслѣдствомъ соціальной традиціи, воспитанія, общественной, экономической и соціальной организаціи каждой страны. Нѣтъ совершенно мѣста для свободнаго посредника.

Но кромѣ естественныхъ склонностей индивидуума, могущихъ выдѣлить его изъ общаго духа семьи, могутъ для каждаго частнаго случая существовать неизвѣстныя причины, которыми въ большинствѣ случаевъ пренебрегаютъ, но которыя впредь мы должны внимательно разсматривать. Стеченіе особенныхъ обстоятельствъ, неожиданный случай, встрѣча съ кѣмъ-нибудь, какая-нибудь книга,

попавшая въ благопріятную минуту—все это въ ребенкѣ, отрокѣ, юношѣ, когда его воображеніе формируется и доступно еще впечатлѣніямъ жизни, -можетъ создать радикальную революцію въ ту или иную сторону. Прибавьте къ этому эластичность, свойственную всякому молодому существу, особенно, если оно одарено врожденной энергіей, протестующей противъ сильныхъ, деспотическихъ вліяній и часто изъ эксцессовъ зла созидающей добро.

Можетъ ли излишество добра, или того, что принято называть добромъ, создать въ свою очередь зло? Да, если оно является какъ деспотическій законъ, абсолютный, религіозный, философски-доктринерскій, политическій, юридическій, соціальный, или законъ семейный, патріархальный—однимъ словомъ, когда оно при всѣхъ своихъ положительныхъ качествахъ является для личности отрицаніемъ ея свободы, да и само не проистекаетъ изъ нея. Но тогда протестъ противъ добра не только естественъ, но и законенъ: это не зло, а добро: потому что нѣтъ добра внѣ свободы, потому что свобода—источникъ, непремѣнное условіе добра, того, что достойно называться такъ, ибо добро—ни что иное, какъ свобода.

Развить и доказать эту истину, столь простую для насъ—единственная цѣль нашего писанія.

Вернемся опять къ нашему вопросу.

Кажущіяся противорѣчія, аномаліи, часто возникаютъ предъ нами въ болѣе обширной сферѣ—въ исторіи націй. Какъ объяснить, напримѣръ, что еврейская нація, наиболѣе обособленная, исключительная въ мірѣ: обособленная и исключительная до того, что признавая, такъ сказать, за собой абсолютную привиллегію на вдохновеніе божественное, какъ на основаніе своего національнаго существованія, она себя считала избраннымъ народомъ среди всѣхъ остальныхъ, она воображала, что ея Богъ, Іегова—Богъ-отецъ христіанъ—приказалъ ей огнемъ и мечомъ уничтожить всѣ народы, населяющіе обѣтованную землю,—какъ объяснить, повторяемъ, вѣру ея, что все это сдѣлано, чтобы въ концѣ концовъ проложить дорогу для своего народа Мессіи; какъ объяснить, что Іисусъ Христосъ, основатель космополитической, міровой религіи и тѣмъ разрушитель даже существованія еврейской націи, какъ соціальнаго и политическаго тѣла, могъ родиться на ея лонѣ? Какъ этотъ міръ, исключительно національный, могъ создать реформатора, религіознаго революціонера, какъ апостолъ... *)

*) Продолженіе этой рукописи затеряно и не найдено, если оно вообще было написано.

Изданія книгоиздательства „Мысль“

Проф. Э. Геккель. „Міровыя загадки“. Съ послѣсловіемъ: «*Исповѣданіе чистаго разума*». Съ портретомъ и автографомъ автора и біографической статьей проф. А. Ланга: «*Эрнстъ Геккель, какъ ученый и человѣкъ*». Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. Капелюша. Біологическая часть редактирована приватъ-доцентомъ А. Генкелемъ. Цѣна 80 коп.

Эта книга знаменитаго естествоиспытателя представляетъ выдающійся интересъ. Она переведена на всѣ европейскіе языки и разошлась въ Германіи въ 180.000 экз., а въ Англіи въ 3 мѣсяца въ 30.000 экз. Вокругъ нея создалась въ Германіи въ короткое время громадная литература. Монистическое міровоззрѣніе—это міровоззрѣніе современнаго естествознанія, отрицающее всякую двойственность въ мірѣ, спиритуалистическія ученія о душѣ и безсмертіи и религіозныя вѣрованія, покоящіяся на откровеніи. (Уничтожающая критика послѣднихъ и мѣшала выпуску книги на русскомъ языкѣ до сихъ поръ). Въ пяти отдѣлахъ книги (человѣкъ, душа, міръ, Богъ) излагается взглядъ новѣйшей науки на человѣка, его мѣсто въ природѣ, на душу, исторію ея развитія и ученіе о безсмертіи ея, на міръ и его единство, на религію (особенно христіанскую, и ея ученія о Богѣ, Троицѣ и пр.) Въ заключеніе авторъ даетъ очеркъ религіи и этики „монизма“.

Л. Фейербахъ. „Сущность христіанства“. Переводъ съ 4-го испр. изд. В. Ульриха. Съ біографіей автора, составленой М. Кроненбергомъ. Цѣна 2 руб.

Фейербахъ въ своей книгѣ указываетъ на антропологическое происхожденіе, человѣческій характеръ религіозныхъ представленій. Религія есть для него изобрѣтеніе человѣка и ея центральный пунктъ—Богъ—ни что иное, какъ человѣческій идеалъ въ его вполнѣ развернутой формѣ, который, въ виду его недостижимости, предполагается человѣкомъ, осуществленнымъ въ другомъ мірѣ въ образѣ Бога. Въ Богѣ нѣтъ ничего, чего нѣтъ въ человѣкѣ. Богъ есть отраженіе человѣка. Каковъ человѣкъ, таковъ его Богъ—не Богъ создалъ человѣка, а человѣкъ создалъ Бога по своему подобію.

Ф. Энгельсъ пишетъ о книгѣ Фейербаха: „Надо было самому пережить освободительное вліяніе этой книги, чтобъ получить о немъ представленіе. Воодушевленіе было общее: мы всѣ стали на моментъ фейербахіанцами“.

Давидъ Фридрихъ Штраусъ. „Старая и новая вѣра“. Съ портретомъ и біографіей автора, состав. Э. Целлеромъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 1 руб.

Непримиримую противоположность между современнымъ научнымъ міросозерцаніемъ и отжившимъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ никто такъ ясно и неопровержимо не доказалъ, какъ величайшій теологъ XX-го столѣтія Давидъ Фридрихъ Штраусъ. Его послѣднее слово: „Старая и новая вѣра“—честная исповѣдь типичнаго современнаго ученаго, понимающаго неизбѣжность конфликта между привитыми намъ съ дѣтства ученіями христіанства и наглядным, разумнымъ откровеніемъ новѣйшаго естествознанія; исповѣдь всѣхъ тѣхъ, которые находятъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы отстаивать право разума противъ нападокъ суевѣрія, и ощущаютъ философскую потребность въ единомъ цѣльномъ міросозерцаніи. Честный и отважный мыслитель, Штраусъ прекрасно освѣтилъ важнѣйшія противорѣчія между „старой и новой вѣрой“.

Максъ Штирнеръ. **„Единственный и его собственность“**. Пер. съ нѣм. В. Ульриха. Съ біографіей, составленной д-ромъ М. Кроненбергомъ, портретомъ и факсимиле автора. Цѣна 1 р. 50 к.

„...Шумъ, произведенный книгой, можно безъ преувеличенія назвать громаднымъ. Особенно набросилась на книгу молодежь. Но отношеніе читателей, какъ и слѣдовало ожидать, было весьма разнообразно, хотя всѣ сходились въ одномъ: считали ли они произведеніе геніальнымъ или безсмысленнымъ,—всѣ чувствовали въ авторѣ нѣчто значительное. Проще всего было, конечно, отношеніе тѣхъ, кто привыкъ видѣть въ понятіяхъ права, долга, морали нѣчто незыблемое, неподлежащее человѣческой критикѣ; для нихъ авторъ былъ просто advocatus diaboli. Другіе, для которыхъ въ этихъ понятіяхъ не было ничего извѣчнаго, но все-таки коренились основы человѣческой дѣятельности, пытались видѣть въ книгѣ Штирнера насмѣшку надъ другими и надъ собой... Имя Штирнера воскресло, чтобы не умирать. И, несомнѣнно, вѣнцомъ его славы будетъ тотъ моментъ, когда творческій синтезъ примиритъ основы его ученія съ той философіей общественности, которую онъ отрицалъ въ своей безсмертной книгѣ“.

(„Русское Богатство“, іюль 1906).

Г. Ф. Штраусъ. **„Жизнь Іисуса“**. Книга I. **Введеніе и историческій очеркъ жизни Іисуса. Полный** переводъ, (230 стр. большого формата) Цѣна 1 р. 25 к.

То-же. Книга II. **„Миѳическая исторія Іисуса“**. Полный переводъ (печатается).

Э. Ренанъ. **„Жизнь Іисуса“**. Полный перев. съ 90-го французскаго изданія. Цѣна 35 коп.

„...Уродливыя цензурныя условія дѣлали до сихъ поръ цѣлыя отрасли знанія и цѣлыя историческія эпохи недоступными для ознакомленія русскаго читателя. Зарожденіе и развитіе христіанства—одинъ изъ такихъ запретныхъ плодовъ. Книга Ренана пользуется заслуженной извѣстностью около сорока лѣтъ; мы только теперь знакомимся съ ней въ русскомъ переводѣ.

Ренанъ пытается очистить событія отъ той массы легендъ, которыя накопились на нихъ въ теченіе вѣковъ; онъ критически относится къ источникамъ и на основаніи данныхъ, по возможности безспорныхъ, даетъ яркую картину эпохи, и художественную характеристику личности главнаго героя ея...“

(„Образованіе“. Мартъ 1906).

К. Каутскій. **„Этика и историческій матеріализмъ“**. Переводъ съ нѣмецкаго Ѳ. Капелюша. Цѣна 25 коп.

Оглавленіе: Предисловіе автора. Античная и христіанская этика. Этика эпохи просвѣщенія. Этика Канта. Критика познанія. Нравственный законъ. Свобода и необходимость. Философія примиренія. Этика дарвинизма. Борьба за существованіе. Способность передвиженія и способность познанія. Инстинктъ самосохраненія и инстинктъ размноженія. Общественные инстинкты. Этика марксизма. Основы историческаго матеріализма. Организмъ человѣческаго общества. Развитіе техники. Техника и образъ жизни. Животный и общественный организмъ. Эволюція силы спеціальныхъ инстинктовъ. Языкъ. Война и собственность. Область дѣйствія соціальныхъ инстинктовъ. Интернаціональность. Дѣленіе на классы. Положеніе морали. Привычка и условность. Способъ производства и его надстройки. Старая и новая мораль. Нравственный идеалъ.

П.-Ж. Прудонъ. „Что такое собственность"? I. Изслѣдованіе принципа права и управленія. II. Письмо къ М. Бланки о собственности. Переводъ съ новѣйшаго французскаго изданія. (Печатается).

П.-Ж. Прудонъ является однимъ изъ первыхъ представителей научнаго соціализма и истиннымъ основателемъ теоріи анархизма. Впервые и особенно извѣстнымъ сталъ онъ съ появленіемъ его знаменитой книги „Что такое собственность?" Въ этой книгѣ Прудонъ рѣзко критикуетъ право собственности. Свою критику авторъ собралъ въ извѣстной формулѣ: „собственность, это—воровство".

(Проф. К. Диль. Handwörterbuch d. Staatsw).

В. Вейтлингъ. „Евангеліе бѣднаго грѣшника". Съ біографіей автора, составленной І. Фуксомъ. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра А. Цеткина. Цѣна 25 коп

М. Бакунинъ. „Богъ и Государство". Переводъ съ французскаго. Цѣна 12 коп.

М. Бакунинъ. „Федерализмъ, соціализмъ и антитеологизмъ". Съ портретомъ и біографіей автора. Переводъ съ французскаго. Цѣна 30 коп.

Въ этихъ двухъ главныхъ произведеніяхъ Бакунина изложено все его ученіе о правѣ, государствѣ и собственности.

Жанъ Гравъ. „Будущее общество". Пер. съ франц. (печатается).

П. Кропоткинъ. „Анархія, ея философія, ея идеалъ". Переводъ съ французскаго. Цѣна 15 коп.

Брошюра одного изъ старѣйшихъ и энергичныхъ дѣятелей русскаго освободительнаго движенія, П. Кропоткина, взявшаго на себя нелегкій трудъ выяснить читателю философію и идеалъ анархизма, представляетъ большой интересъ. Путемъ сравненія, послѣдовательнаго развитія различныхъ отраслей человѣческихъ знаній, Кропоткинъ стремится доказать, что разбираемое явленіе есть ни что иное, какъ одно изъ многочисленныхъ явленій общей эволюціи. Съ этой точки зрѣнія Кропоткинъ объясняетъ анархизмъ, какъ новый способъ пониманія прошедшей и настоящей жизни обществъ и новый взглядъ на ихъ будущее.

(„Рязанскій Вѣстникъ" № 141).

П. Кропоткинъ. „Великая революція". Переводъ съ французскаго. Цѣна 10 коп.

Въ брошюрѣ излагается взглядъ на великую французскую революцію съ точки зрѣнія анархистской теоріи. Тотъ фактъ, что это сдѣлалъ такой видный представитель анархистскаго ученія, какъ П. Кропоткинъ, дѣлаетъ брошюру особенно цѣнной.

К. Гоффманъ. „Десять заповѣдей" и имущіе классы Съ письмомъ К. Цеткинъ къ автору по поводу этой брошюры. Пер. съ 10-го нѣм. изд. Цѣна 20 коп.

„Эта брошюра передаетъ содержаніе реферата, прочитаннаго авторомъ болѣе 400 разъ; она вышла впервые въ 1891 г. и съ тѣхъ поръ распространилась въ количествѣ 60.000 экземпляровъ. Мы должны замѣтить, что она, несомнѣнно, заслужила этотъ колоссальный успѣхъ... Господамъ, не перестающимъ вопить: „необходимо вернуть народу его религію", авторъ показываетъ въ зеркалѣ десяти заповѣдей ихъ собственную физіономію и говоритъ имъ: „познай самого себя! Найди бревно въ собственномъ глазу, говоритъ онъ имъ, удали его, если ты въ состояніи сдѣлать это, а тогда, если останешься невредимъ, можешь

притти къ намъ снова, тогда мы поговоримъ съ тобой о сучкѣ въ нашемъ глазу, въ глазу рабочаро народа!“

І. Дицгенъ. „Религія соціалдемократіи“. Переводъ съ 6-го допол. нѣм. изд. В. Стучевскаго, подъ ред. проф. Н. Рейхесберга, съ портретомъ и біографіей автора. Цѣна 12 коп.

Въ одной изъ шести „проповѣдей“, составляющихъ эту брошюру, авторъ ея говоритъ: „...Если религія состоитъ въ вѣрѣ во внѣземныя или сверхземныя существа и силы, въ вѣрѣ въ высшихъ боговъ и духовъ, въ такомъ случаѣ демократія не имѣетъ религіи“.... На мѣсто религіи демократія ставитъ гуманность, которая впредь не будетъ уже покоиться на моральныхъ основаніяхъ, а на сознаніи того, что только въ соціальномъ братскомъ трудѣ, въ экономическомъ сообществѣ живетъ тотъ *Спаситель*, который въ состояніи освободить насъ отъ дѣйствительнаго зла...“

Э. Бернштейнъ. „Теорія и практика современной соціалдемократіи“. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 20 коп.

Въ этомъ своемъ трудѣ (январь 1906 г.) авторъ говоритъ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, теоріи концентраціи капитала. теоріи обнищанія, теоріи цѣнности и прибавочной цѣнности, марксовомъ ученіи о кризисахъ и теоріи краха. Особенно подчеркивается пролетарскій классовый характеръ соціалдемократіи.

Ф. Энгельсъ. „Очерки соціальной жизни Россіи“. Переводъ съ нѣмецкаго. Второе изд. Цѣна 8 коп.

Г. Плехановъ, въ своемъ предисловіи къ заграничному русскому изданію этихъ статей пишетъ, что они „будутъ содѣйствовать разсѣянію двухъ предразсудковъ, одинаково вредныхъ для революціонной дѣятельности“. Во-первыхъ, вѣры въ „чудодѣйственныя свойства русской общины“, стремящейся „въ силу внутренней своей природы... перейти въ соціалистическую форму общежитія“. Во-вторыхъ, разсѣянію „новаго предразсудка“, который можно формулировать такъ: особенности нашего экономическаго развитія не оставляютъ у насъ мѣста для политической самодѣятельности рабочаго класса“.

В. Гумпловичъ. „Бракъ и свободная любовь“. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Цѣна 8 коп.

Въ своей книгѣ авторъ показываетъ, какъ далекъ отъ идеала современный бракъ, какъ онъ закрѣпощаетъ жену и мужа, заставляетъ отца вѣчно бороться за существованіе своей семьи. Выходъ изъ этого положенія авторъ находитъ въ соціализаціи брака, зачатки чего мы видимъ уже въ современномъ обществѣ, но въ полной формѣ эта соціализація возможна лишь при коллективистскомъ строѣ.

„Почему мы бѣдны?“. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 8 коп.

Вотъ содержаніе этой брошюры, разошедшейся въ Австріи болѣе, чѣмъ 80.000 экземпляровъ: Соціальныя противорѣчія. Какъ мы богаты. Счастливы ли люди. Капиталистическая система. Что стало съ рабочимъ. Каковы будудъ слѣдствія капитализма. Соціалистическое общество.